

АНДРЕЙ
ВОРОНИН

**НАПЕРЕГОНКИ
СО СМЕРТЬЮ**

Андрей Николаевич Воронин
Наперегонки со смертью
Серия «Наперегонки
со смертью», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151737

Аннотация

Александр Бондарович, профессиональный военный, волею случая становится боевиком криминальных структур, но и порвав с преступным миром, он не обретает покоя он и его женщина вовлекаются в водоворот смертельной схватки различных спецслужб.

Содержание

Часть первая	4
I	4
II	13
III	20
IV	24
Часть вторая	115
I	115
II	135
Часть третья	184
I	184
II	190
III	227
Часть четвертая	244
Часть пятая	343
I	343
II	392
Часть шестая	409
I	409
II	440
III	468

Андрей Воронин

Наперегонки со смертью

Часть первая

Кровь на сапогах

I

Женька Хлыст, шедший в двух шагах впереди Сашки Бондаровича, в три погибели сгибаясь под тяжестью "бидона", как называли они эти герметические термосы-контейнеры между собой, вдруг споткнулся и чуть не упал. "Бидон" зашатался, теряя равновесие на плече у Женьки, и, выравшись все же из цепких и крепких рук парня, грохнулся оземь, неудачно попав замком прямо на довольно крупный камень. Замок не выдержал удара, крышка отскочила, и на сапоги Бондаровича хлынул поток крови.

Темной, густой, несомненно человеческой, крови.

"Так вот что каждый месяц грузили мы в этих контейнерах в вертолет! Так вот чем, оказывается, занимается Ахметка в своей чертовой лаборатории!"

Женька стоял, ошеломленно глядя на лужу крови, а на

него уже несся Ахмет, бешено тараща свои маленькие глазенки.

– Шакал гребаный! Ублюдок! Я тебя... – страшно вопил разъяренный таджик.

Хлыст так и не успел дослушать все проклятия и ругательства Ахмета – острый и длинный кинжал таджика вспорол ему горло. Ахмет всегда резал людей и баранов одинаково спокойно, не выражая никаких эмоций, а сейчас он это сделал с ненавистью, яростно, с сумасшедшей злостью сверкая глазами.

Он засунул острие лезвия поглубже в горло и несколько раз провернул его там. Фонтан яркой Женькиной крови хлынул на таджика, на грудь Женьки, на песок, смешиваясь с той, темной. Ахмет выдернул нож и отскочил в сторону, а то, что минуту назад было Женькой, постояло какое-то мгновение, судорожно дернуло руками и упало. Лицом прямо в кровь, свою и чужую.

Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Бондарович швырнул свой контейнер в Ахмета, точным и выверенным движением рванул с плеча автомат Калашникова и дал очередь. Прямо в вытаращенные глаза проклятого чурки.

Выстрелы гулким эхом разнеслись по горам.

Очередь в упор снесла Ахмету полголовы, и мозги ошметками медленно, как в кино, взлетели на том месте, где за мгновение до этого возвышалась баранья шапка их бывшего владельца. Ахмет, кажется, так и не понял, что произошло,

как был уже у Аллаха.

Но у Бондаровича не было времени любоваться сделанной работой, выстрелив, он тут же отпрыгнул в сторону и, перекатившись, как учили его когда-то в десанте, по земле, укрылся за кучкой камней. Запоздалая очередь из крупнокалиберного пулемета со сторожевой вышки, где охранник лагеря, видимо, только сейчас сообразил, что к чему, взметнула фонтанчики земли на том месте, где только что стоял Бондарович. Но вторая очередь из автомата заставила охранника успокоиться навсегда.

"Ну, Банда, кажется, ты влип! – мелькнуло в голове парня. – Чего ж ты наделал-то, а?! Чего теперь будет?!"

Но мысли бегают, а руки делают – Бондарович был профессиональным солдатом и рассуждать в бою не привык. В такие минуты он действовал автоматически, интуитивно, выбирая самое правильное, самое верное решение, и до сих пор интуиция его не подводила. В слишком серьезную переделку он так неожиданно попал, чтобы еще задумываться над своими действиями. Теперь перед ним был враг.

Враг невероятно сильный, не знающий пощады, жалости он не вызывал.

Бондарович вскочил и в три прыжка оказался позади вертолета, под прикрытием его хвоста. Перехватив автомат в левую руку, он резко рванул из кармана куртки гранату, зубами выдернул чеку и метнул в кабину вертолета, тут же отпрыгнув в сторону и упав на землю. Прикрыв голову автоматом,

он услышал взрыв и как-то вдруг сразу понял – пронесло. Ни один осколок не зацепил его. И тогда Банда вскочил и дал длинную очередь прямо туда, в кабину, полную огня и клубов дыма, а потом побежал прочь – вот-вот должны были рвануть баки Мишки.

Взрыв бросил его на землю, и парень больно ударился коленом о камень. И тут же рядом с ним тоненько просвистели пули, заставив сердце противно сжаться от чувства почти животного страха.

Сашка кувыркнулся вперед, потом резко откатился в сторону и очень удачно оказался за старой брошенной покрывкой, которая давала ему хоть какую-то возможность укрыться.

Он сразу понял, откуда в него стреляют: в лаборатории были еще трое таджиков – двое из охраны и врач, и у парня не было сомнений, что это они выскочили на звуки стрельбы и теперь ведут огонь по нему.

Он перезарядил автомат, вытащил еще одну гранату, эту незаменимую в ближнем бою легкую РГД-5, и, услышав гор-танный вскрик чуть левее от себя, дернул чеку и швырнул гранату на звук. Он знал, что вряд ли попадет, но взрыв гранаты – заставит проклятых чурок плюхнуться носом в песок, и именно этот момент он использует.

Банда вскочил на колени и дал длинную-длинную очередь, поведя стволом слева направо. Пули веером разнеслись по лагерю. Звонко лопнуло разбитое стекло в окне лабора-

тории. Гулко стукнула пробитая пулей железная бочка для дождевой воды, стоявшая у крыльца. Неожиданно тонко за-верещал один из нападавших, получивший порцию свинца в живот.

Но только один...

Где второй?!

Бондаровича как-то вдруг сразу прошиб холодный пот. Вот сейчас очередь, и все...

И тут он заметил на месте взрыва своей гранаты покоренный автомат с разбитым цевьем, кусок маскировочной куртки, ботинок с остатком ноги...

Такая удача выпадает только раз в жизни, – бросив гранату на звук голоса, он угодил ей прямо под ноги нападавшему.

"Теперь врач. Хана фашисту!" – решение в голове Бондаровича созрело сразу. Он ни на секунду не усомнился, вправе ли был вершить высший суд.

Перевернув "по-афгански" связанные в одно целое магазины, он передернул затвор и решительно направился к лаборатории.

Глупо было бы напороться на выстрел обезумевшего от страха врача, поэтому действовал Бондарович четко и точно, как когда-то в училище на "показухе", – прижавшись к косяку входной двери спиной, он резко прыгнул в проем, дав очередь по всей длине коридора. Четыре двери, все по одну сторону коридора. Это значительно облегчало его задачу.

Шаг за шагом медленно продвигался он в глубь лаборато-

рии, выбивая ногой двери.

Эта, видимо, была чем-то вроде раздевалки-накопителя – стены с рядами вбитых гвоздей, голые лавки по периметру.

В следующей, отделанной кафелем, брали кровь – несколько кушеток, аппараты для забора крови, простейшие инструменты, шприцы...

Им, охранникам-славянам, никогда толком не доверяли, и в помещении лаборатории Бондарович оказался впервые. Обычно кто-нибудь из таджиков вытаскивал контейнеры на крыльцо, и работа русских заключалась лишь в том, чтобы отнести "бидоны" в вертолет. Теперь Бондарович с содрогающим осматривался на этой "фабрике крови". Только сейчас он понял, что именно было второй статьей доходов Ахмета...

В третьей комнате все еще стояло несколько контейнеров, и Банда догадался, что это помещение служило таджикам чем-то вроде кладовки.

Врач мог оказаться только за последней, закрытой дверью.

Сашка вытер вмиг вспотевший лоб тыльной стороной ладони, глубоко вздохнул и решительно мощнейшим ударом подкованного сапога вышиб дверь.

Врач, тщедушный старый таджик, сидел на полу в самом дальнем углу, в диком ужасе закрыв лицо руками.

Бондарович вспомнил, как лечился пару месяцев назад у этого старикашки. Тогда он растянул руку, выбивая зубы кому-то из слишком блатных подопечных, и старик пытался наложить ему на запястье тугую повязку, дрожащими

от вечного сосания анаши руками закручивая узел. Парень вспомнил эти дрожащие руки, представил себе иглу в этих руках, которая нащупывает вену на руке очередного "донора", и ярость с новой силой нахлынула на него, застывая глаза страшной кровавой пеленой.

– Встать, сука! – заорал он, зачем-то снова передергивая затвор автомата, из которого вылетел еще не отстрелянный патрон. – Встать!

Стараясь угодить, старик торопливо поднялся, и Бондарович с силой ткнул ему в живот стволом автомата.

– Что тут было? Ты чем тут занимался?.. Отвечай!

Врач не мог вымолвить от ужаса ни слова, и Банда пятерней левой руки двинул ему в нос, заставляя мысли старика двигаться быстрее.

– Что здесь было, я спрашиваю? Ну!

– Донорский пункт...

– Вы брали кровь у "зэков"?

– Да...

– Зачем?

Казалось, старик не ожидал более глупого вопроса и недоуменно взглянул на своего неожиданного судью.

– Зачем, я спрашиваю?

– За кровь платят хорошие деньги!

– Кто платит?

– Купцы...

– Кто они?

– Я не знаю, я правда ничего не знаю, – вдруг заторопился старик, желая рассказать все и надеясь вымолить себе за это пощаду. – Это все Ахмет-бей.

Он знает таких людей в городе, которые платят хорошо "зелеными". Говорят, потом эта кровь идет то ли в Пакистан, то ли в Ирак. Куда-то туда на лекарственные препараты.

– Поскольку же ты брал у каждого человека?

– Я правда ни в чем не виноват...

– Сука! – снова взорвался Бондарович, поддав как следует стволом автомата старику в живот. – Говори, старый козел, иначе проверю, сколько в тебе крови булькает!

– Я брал по-разному, смотря кто как себя чувствует... У кого двести граммов...

– Не тринди, гад!

– Больше литра, клянусь Аллахом, зараз не брал! Они бы сдохли сразу, – старик вдруг упал на колени, целуя сапоги Бондаровича.

– То-то я думаю, чего они мерли как мухи после твоих "банных дней"! – Сашка почувствовал, что у него, привыкшего ко всему, волосы встают дыбом.

Он больше не мог находиться в этом страшном, пропитанном, казалось, ужасом помещении. – Ты же кровосос, вампир! Падла!

Бондарович со всего размаха заехал доктору ногой в лицо. Старика отбросило к стене, головой он больно ударился о бетонную поверхность, а из носа хлынула кровь.

– Ты зальешься, падла узкоглазая, своей собственной кровью! – Бондарович теперь кричал что-то, сам не осознавая, что кричит. Бешенство и ужас пронизывали его мозг, его нервы. Он с пояса, не целясь, дал очередь, и только чудом пули чиркнули по бетону в считанных сантиметрах от чалмы врача, отбивая куски штукатурки и разлетаясь, от ricochetив от стены. – Падла! Сука! Убью!..

Но он так и не смог пристрелить безоружного старика и, в ярости пробив ногой деревянную дверцу шкафа в комнате, повернулся к выходу. Он уже сделал шаг к двери, когда интуиция в очередной раз безошибочно скомандовала: "Сзади!"

Банда мгновенно вскинул автомат и резко обернулся. В сотую долю секунды глаза парня отметили, как поднимает старик невесть откуда взявшийся пистолет, нащупывая пустой черной глазницей ствола грудь Бондаровича. Это было почти как на ковбойской дуэли – кто быстрее.

У врача с вечно дрожащими от наркотиков руками не оказалось шансов – очередь Сашки вспорола ему халат на груди, и кровь яркими алыми пятнами тут же проступила на нижней рубашке старика.

Он упал, и Бондарович не сдержался – плюнул на мертвое уже тело:

– У, мразь! Тьфу!

II

Бондарович вышел из лаборатории и уселся в тени здания, устало привалившись к стене.

После подобных передряг, которые требовали мобилизации всех сил – и физических, и духовных, – он всегда чувствовал себя опустошенным, неспособным на какие-то бурные эмоции.

Теперь работал только его мозг.

"Посчитаем еще раз. Женька – раз, я – два, Ахмет – три. В вертолете был летчик и Махмуд, брат Ахмета, – всего пять... Кстати, надо проверить, вдруг кто из вертолета живой... Так, охранник на вышке, Абдулла, – шесть. Двое из лаборатории и врач – итого девять..."

Он встал и, закинув на плечо автомат, побрел к горящему вертолету – убедиться, что дело сделано.

"В поле, как обычно, пятеро. Можно было бы, конечно, дождаться их и тоже положить, но... Глядишь, вертолета хватятся, проверить решат... Да и с этими пятерыми, пока перестреляешь – можно половину "зэков" уложить".

Он подошел к обломкам вертолета. После взрыва баков с керосином кабину разнесло вдребезги, отдельно валялся покореженный винт и отвалившийся хвост. Керосин уже выгорел, пламя успокоилось, но в огне и дыму разглядеть трупы было невозможно.

"А, черт с ними! Если и уцелел кто, то драпанул в горы с перепугу... Пусть катится!"

Он осмотрелся.

Отсюда, с вертолетной "площадки" – более-менее ровно-го участка в ложбине гор, – лагерь был как на ладони. Не зря здесь же поставили и вышку охранника. Метрах в ста располагалась лаборатория, чуть пониже – домик охраны и своеобразный штаб братьев Абдурахмановых, Ахмета и Махмуда.

Еще дальше, у подножия вертикальной скалы – барак для "зэков". Вся небольшая территория лагеря была обнесена колючей проволокой, и поэтому сбежать отсюда днем для "зэков" действительно не представлялось возможным, а на ночь их запирали в бараке, приковывая особо строптивых наручниками к нарам.

У штаба стояла "мицубиси-паджеро" Ахмета, великолепный по всем параметрам автомобиль повышенной проходимости, и Бондарович даже присвистнул радостно, вспомнив о существовании этого чуда японской техники.

– Эта лайба меня и вывезет! – произнес он в голос, обращаясь к себе.

Он нашел труп таджика, перевернул его на спину и тщательно обыскал карманы. Обрадовался тяжелому полированному "вальтеру", в котором оказалась полная обойма патронов, не считая сунул в карман пачку долларов и наконец выудил из кармана брюк ключики с фирменным брелком "Ми-

цубиси моторз".

Потом обошел все трупы, собрал оружие и боеприпасы и оттащил все свое богатство к джипу.

Только сейчас Банда понял, как он запарился.

Азиатское солнце припекало все сильнее, и пока парень доволоч до машины четыре автомата, кучу магазинов и гранат, его хэбэшка афганского образца вся промокла от пота.

Он открыл машину и бросил на пассажирское сиденье спереди свой, надежный и пристрелянный, автомат, а остальные разложил на заднем сиденье.

На коврик слева от водительского моста парень высыпал гранаты и магазины с патронами, засунул "вальтер" за пояс и направился в штаб.

Первым делом Бондарович зашел в свою, довольно тесную и темную комнатуху с одним маленьким оконцем, в которой он провел последних полгода. Окинул взглядом узкую армейскую кровать, тумбочку, маленький черно-белый телевизор, который питался от автомобильного аккумулятора, старый как мир кассетник "Карпаты", явно переживший на своем веку слишком многое, стопку журналов и книг...

Забирать здесь было нечего, и ни о чем не тосковала душа, расставаясь со всем этим навсегда. Ну а честно или нечестно заработанные за эти месяцы доллары хранить здесь было бесполезно – все равно украли бы "товарищи" по охране. Баксы, около четырех тысяч, были всегда при нем – в каблуках сапог, в подкладке куртки и даже в специальном малень-

ком мешочке на тыльной стороне поясного ремня, который он соорудил специально для этой цели.

Единственное, что сделал Сашка в своей комнате, – выгреб из тумбочки все свои любимые кассеты – "Кино", "Наутилус", "Машина времени". Все альбомы старые, давно известные и некоторым даже надоевшие, но это была его музыка, музыка его молодости, которая волновала и тревожила Банду даже сейчас...

Он открыл на всякий случай поочередно все двери комнатешек охранников, но их интерьер вряд ли чем-то существенно отличался от убранства комнаты самого Бондаровича: такая же теснота, такие же узкие кровати и примитивные тумбочки. Только, пожалуй, плакатов из "Плейбоя" да "Пентхауза" здесь было побольше.

Он зашел на кухню, открыл холодильник и сунул за пазуху несколько банок тушенки, буханку хлеба, взял армейский термос-бачок с питьевой водой и тоже отнес все это в машину.

Затем снова вошел в штаб и направился в святая святых – квартиру братьев Абдурахмановых, хозяев лагеря.

Дверь из коридора вела в своеобразную приемную, в которую охрана лагеря заходила раз в месяц – получать зарплату. За двумя дверями располагались непосредственно апартаменты братьев, и никто посторонний до этого не переступал порога их комнат.

Банда даже не знал, где чья комната.

Он выбил ногой левую дверь и невольно остановился на пороге, пораженный увиденным. Да, братья умели создавать себе комфорт! Комната вся была убрана коврами, уставлена низенькими мягкими турецкими топчанами, а в углу на фирменных тумбочках покоилась великолепная аппаратура – телевизор, видеосистема, аудиокomплекс, – специально предназначенная для питания от аккумуляторных батарей напряжением в двенадцать вольт.

Банду особенно поразило количество всевозможного оружия, развешанного на стенах, и именно по этой детали парень догадался, что комната принадлежала Ахмету – это он был страстным любителем и, как оказалось, коллекционером всего колющего, режущего и стреляющего.

Да, Сашка замечал и раньше, как чуть ли не каждый день менял хозяин пистолеты – с "беретты" на "парабеллум", с "парабеллума" на какой-нибудь крутой "Смит – Вессон", а иногда прохаживался по плантациям конопли с небрежно накинутым на плечо "узи" или карабином СКС с оптическим прицелом. Но такого разнообразия и такого огромного количества оружия Банда себе даже и представить не мог!

Первым делом парень схватился за "узи" – он давно мечтал опробовать этот маленький скорострельный автомат – признанное оружие всех террористов и спецслужб многих государств. Не случайно лицензию на его изготовление приобрели у Израиля несколько стран, далеко не новичков в изготовлении огнестрельного оружия. Потом он подобрал

несколько пистолетов помощнее и особенно обрадовался мощному "кольту" с лазерным прицелом и глушителем. Это была стоящая "пушка"! Стоит только зафиксировать красненькое пятнышко на лбу потенциальной жертвы, нежно коснуться спускового крючка и – чмок! – полголовы нету...

"А патроны?"

Он обошел комнату еще раз и заглянул под диванчики. Так и есть – армейские железные ящики стояли именно там. Его удивило, как аккуратно обращался Ахмет с боеприпасами – каждая коробочка с патронами была тщательно надписана: вид оружия, калибр, количество боеприпасов. Парень взял по сто патронов к каждому из своих пистолетов, нагреб побольше заряженных магазинов к "узи", рассовал по карманам и за пазуху десяток гранат.

Здесь же, в одном из ящиков, он обнаружил и пачку долларов, стянутых резинкой. Видно, братья были настолько уверены в неприкосновенности своих жилищ, что даже не считали нужным прятать свое богатство более тщательно.

И в самом деле – кто-то из них все время был в лагере, и проникнуть в эти помещения действительно не представлялось возможным.

Бросив взгляд на часы. Банда заторопился – увлеченный и замороженный обнаруженным в комнате Ахмета арсеналом, он совершенно забыл о времени, а сейчас каждая лишняя минута играла против него.

Он быстро выбежал из штаба, сгрузил все оружие в ма-

шину и прыгнул за руль.

"А, черт, в комнату Махмуда забыл заглянуть!

Может, и там нашел бы что интересное... А впрочем, пошло оно все к черту. Ничего мне больше не надо, лучше смыться подальше, пока не поздно".

Ключ – в замок зажигания, сцепление, поворот ключа – и мотор мощно, но почти неслышно в салоне зарычал. Сашка посмотрел на рычаг коробки передач – раньше ему такие машины водить не приходилось. На счастье, ручка оказалась с вполне понятными символами, и парень уверенно включил первую передачу, плавно отпуская сцепление и выжимая газ.

Мощный двигатель буквально сорвал машину с места, и джип понесся, поднимая за собой клубы пыли, прочь из лагеря, через открытые на день ворота в "колючке".

"Прощай, еще один кусок моей бестолковой жизни!" – горько усмехнулся Банда, нажимая на клаксон и оглашая притихший лагерь пронзительным прощальным сигналом "мицубиси".

III

Банда гнал, особенно не разбирая дороги, – объезжать каждую выбоину на этой машине смысла не было, а время терять никак нельзя. Он должен был обязательно вырваться не только из этого района, но и вообще из Таджикистана – если купцы Абдурахмановых или их друзья и покровители хватятся товара, если им станет известно, что лагерь разгромлен, они неминуемо захотят расквитаться, и тогда Банде пощады не будет. Бесполезно было обращаться и к местным властям – наверняка начальник райотдела милиции прекрасно осведомлен обо всех делах братцев. Ведь не зря же за все долгие месяцы жизни Сашки в этом лагере ни один представитель власти, пусть бы даже в лице участкового, не появился во владениях братьев. – Машина свободно, без напряжения, даже по этим камням развивала скорость до ста двадцати километров в час, и Банда был почти уверен, что вырвется. Он специально сворачивал на самые малоприметные, непроторенные дорожки, старательно объезжая редкие аулы, стремясь меньше попадаться людям на глаза. Хотя здесь, в этом пустынном горном районе, такие предосторожности, возможно, и были излишними.

В конце концов мощь и великолепие машины захватили его, и парень позволил себе расслабиться, наслаждаясь гонкой. Одной рукой он поворачивал ручки кондиционера, и хо-

лодный воздух наконец-то хлынул в кабину, освежая и восстанавливая силы, – ведь даже полностью открытые окна и жуткий сквозняк, который устроил себе в машине Сашка, не спасали от одуряющего жара южного солнца. Теперь он со спокойной душой нажал поочередно на все кнопки электропривода стекол, оставив только небольшую щель в своей форточке, – он любил, чтобы звуки снаружи хоть немного проникали внутрь салона.

Затем он попытался рассмотреть аудиосистему, которой был оснащен автомобиль, и в очередной раз поразился роскоши и комфорту этой машины.

Он где-то читал раньше про такую аппаратуру. Кажется, это называлось "класс хай-энд". Система представляла собой настоящий аудиокomплекс, не чета каким-нибудь тривиальным магнитолам, предварительный и полный усилители, дека, тюнер, проигрыватель "си-ди" с автоматической сменой десяти Дисков, куча динамиков разной величины по всему салону, которые создавали суперобъемный звук... Говорят, что даже разъемы и контакты в такой системе делаются из золота, а проводка из сверхчистой меди.

Банда, конечно, не мог, особенно на ходу, разобраться во всех этих сложностях и возможностях аппаратуры. Единственное, что сумел он сделать, – нащупать кнопки "Power" на каждом отдельном блоке и все их включить, а потом тискануть на магнитофоне кнопку "Play". Заунывные звуки восточной и очень тоскливой мелодии заполнили кабину, и па-

рень поспешил поменять кассету, поставив что-то старое из "Кино".

Как по заказу – "Группа крови на рукаве..."

Эта песня давно, еще со времен десанта, с восемьдесят седьмого года, когда она только-только появилась, стала его любимой...

...твой порядковый номер на рукаве.

Пожелай мне удачи в бою!

Пожелай мне

Не остаться в этой траве,

Не остаться в этой траве.

Пожелай мне удачи!

Проселочная дорога вывела его на асфальтовое шоссе, и, сориентировавшись, Сашка понял, что вырвался из проклятого района. Теперь его путь лежал прямо к границе, и ничто не смогло бы остановить его. Он добавил газу, и мощный двигатель "паджеро" тут же отозвался, даже на такой, отнюдь не маленькой, скорости заметно прибавив прыти.

Совершенно прямая и пустынная дорога убежала куда-то за горизонт, автомобиль не требовал ни малейшего усилия для управления, и парень незаметно сам для себя погрузился в раздумья и воспоминания.

Музыка только помогала, подталкивала его думы, заставляла их вновь и вновь кружить по лабиринтам памяти...

"...Пожелай мне удачи!"

Как-то так получилось, что всю жизнь ему сопутствовала

удача и в то же время он всегда как будто ходил по лезвию бритвы, и если бы эта самая госпожа Удача хоть на секунду отвернулась от него, не было бы сейчас ни самого Сашки, ни его тоскливых воспоминаний...

IV

Он вырос в детдоме и совершенно не помнил ни отца, ни матери...

Однажды, в день его шестнадцатилетия, директор Смоленской школы-интерната номер девять, в которой жил и учился Сашка, Иван Савельевич Парфенов – хороший, душевный мужик – вызвал его вечером для разговора в свой кабинет, закрыл дверь изнутри, уселся за свой стол и кивнул на кресло напротив.

– Садись, Бондарович. Поговорить надо...

Сашка сел, внимательно глядя ему в глаза и стараясь понять, что затеял Иван Савельевич и за какое такое прегрешение ему, Банде, может сейчас перепасть. А директор вдруг встал, прошел к шкафу и неожиданно достал из его необъятных недр, где хранились личные дела всех воспитанников интерната последних лет, бутылку белого болгарского вина – "Златни пясцы", как сейчас помнил Сашка.

– Иван Савельевич... – забормотал тогда вконец растерявшийся пацан, внезапно подумав, что это, видимо, какая-то хитрая провокация, что-то типа испытания на вшивость. Но директор был непреклонен:

– Сядь и не канючь. Слушай.

Он налил по полстакана себе и Сашке и закурил.

– Ты хоть что-нибудь из своего детства помнишь?

– Н-н-е-т... А что?

– Ни отца, ни матери?

– Нет.

– Наверное, пришло время рассказать тебе хоть то, что я знаю...

Иван Савельевич помолчал минутку, затянулся пару раз, будто собираясь с мыслями, и заговорил вновь:

– Твоя мама умерла, когда тебе было три года...

Мы специально никогда не рассказываем воспитанникам об их детстве, пока не вырастут. Сам понимаешь... Еще тосковать начнут, думать. А тут не надо думать. Тут надо воспринимать все так, как есть. Что Бог дал, назад того не забережь... Вы жили тут же, в Смоленске. Кстати, недалеко отсюда...

Он шумно отхлебнул из стакана и приказным тоном произнес:

– Пей! Тебе сегодня не только можно, но даже нужно... За твоё шестнадцатилетие! За твоё совершеннолетие...

Они выпили, и Иван Савельевич продолжал:

– Короче, когда мать умерла, твой отец запил, По-черному, Сашка, пил, про все на свете забыв. А ведь толковый мужик был, инженер, говорят, талантливый. В общем, сгорел твой отец за несколько месяцев. Нашли его мертвым в парке меньше чем через полгода после смерти матери. Ребра поломаны, разрыв селезенки, тяжелая черепно-мозговая травма... Милиция утверждала, что убили его в очередной пьян-

ке. Может, за долг, а может, так просто, из куража...

Сашка почувствовал, как к горлу подкатывает горький комок слез, и поспешил быстрее хлебнуть вина, с горя даже не почувствовав и не разобрал его вкус.

– А тебя бабушка еще до этого забрала, как только отец пить начал... По материнской линии бабушка. Хорошая была женщина, жалела тебя, на свою пенсию ухитрилась одеть-прокормить... Но тебе, Сашка, не везло – буквально в тот же год и она умерла. Старая была...

Иван Савельевич снова налил себе вина и залпом выпил, шумно вздохнув, будто сбрасывая со своих плеч груз непосильной тяжести.

– Вот такие, брат, пироги... Тебя соседи бабушки к нам привели. Ведь ни родни близкой у тебя – никого! Как-то так получилось. В райсобесе с душой отнеслись – на тебя бабушкин дом оформили и даже книжку ее сберегательную, что там от похорон осталось, на тебя переписали. Триста двадцать четыре рубля сорок семь копеек. За эти годы проценты выросли, так что копейка какая-то уже скопилась... За тебя до восемнадцати лет мы, детдом, отвечаем, опекунами твоими стали... Что там с домом – не знаю, много лет прошло. Но через два года ты будешь его хозяином, если только там что осталось...

Сашка был ошарашен всем услышанным; и единственное, что он в этот момент чувствовал – настоящую потребность уединиться, обдумать все, что рассказал Иван Саве-

льевич. В голове вдруг зашумело от выпитого вина, и пацан немного заплетающимся языком произнес:

– Спасибо, Иван Савельевич, что все рассказали. Я пойду, ладно?

– Иди-иди... Дежурного воспитателя не бойся, все будет хорошо. А пацанам не рассказывай, откуда запах у тебя. Понял? – уже снова превратился Парфенов в строгого, но справедливого директора.

– Да, конечно... – и Сашка выскользнул в коридор...

* * *

Прошло полтора года.

Бондаровича, как лучшего ученика интерната, не только не отправили после восьмого класса в "хобзайню", как называли они между собой ПТУ, но, наоборот, позволили полностью закончить десять классов и даже дали направление в педагогический техникум. Правда, ни поучиться там как следует, ни вступить во владение наследным бабушкиным домом ему так и не удалось – его восемнадцатилетие совпало с осенним призывом в армию.

Он всегда отличался от ровесников статью – и ростом, и шириной плеч, а потому совершенно не удивился, когда в областном военкомате его приписали в команду, отправлявшуюся в учебный десантный полк.

Он даже обрадовался, когда на следующее утро после при-

бытия в Витебск, в знаменитую учебку, по команде сержантов они переоделись и обтянули свои еще узковатые по-мальчишески груди новыми тельняшками.

Романтика десанта захватила его целиком.

Он с азартом учился складывать парашют и стрелять из автомата, бегать по полосе препятствий и прыгать с парашютной вышки, овладевать азами рукопашного боя и навыками стрельбы из КПВТ или РПГ-7. Он испытал настоящий праздник души во время первого прыжка с самолета, когда парашют еще не раскрылся, и только замирание сердца в груди помогло понять, что ты летишь, а не висишь между небом и землей. А потом рывок – и плавное парение в воздухе, ощущение полета, с которым, наверное, не может сравниться ничто на свете.

Вот только приземлился он в первый раз не совсем удачно – как-то забыл, очарованный кажущейся плавностью спуска, что земля приближается со скоростью пять метров в секунду. Как результат – не правильное приземление и растяжение связки голеностопа, что вылилось в ежедневные наряды по кухне на протяжении полутора недель. Ну в самом деле, что ему, хромоногому, было делать в поле!

Слава Богу, все на нем всегда – тьфу, тьфу! – заживало как на собаке, и уже через пару недель он даже забыл про это досадное происшествие и снова втянулся в напряженный, изматывающий, но чем-то приятный ритм жизни учебки.

Когда ему, единственному из отделения, нацепили лычки

сержанта и командир учебного полка объявил перед строем благодарность за отличное овладение воинским мастерством, в душе Бондаровича что-то перевернулось. Он бережно принял голубой берет и чуть позже, в казарме, даже прослезился, любуясь собой в тусклом зеркале умывальника.

А на следующий день его вызвал замполит батальона и стал что-то настойчиво расспрашивать про родных, близких, и только когда убедился, что никого ближе директора Смоленской школы-интерната Ивана Савельевича Парфенова у Бондаровича нет, торжественно объявил:

– Родина и партия доверяют вам, товарищ сержант, ответственное задание. Вы никому не имеете права разглашать место своей будущей службы...

Короче, солдат, – сломалось что-то в интонации политработника, – через три дня ты едешь на юг.

Вопросы есть?

– Никак нет.

– Ну вот и славненько!

Майор подошел к нему ближе и потрепал по плечу:

– Смотри там в оба, Бондарович.

– Есть, товарищ майор.

– Вот и хорошо...

– Разрешите идти?

– Идите...

Бондарович не мог понять, что творится у него на душе. Страх? Да вроде нет. Азарт? В какой-то степени. Волнение

перед настоящим испытанием?

Вполне возможно. А может, это была тревога перед новым, совершенно неизведанным периодом своей жизни. А еще чувство какого-то дурацкого удовлетворения. Как в том анекдоте про "чувство полного удовлетворения"...

Это был восемьдесят первый год. Все уже знали про Афган, про цинковые гробы и бешеных "духов".

Но ни у кого тогда еще не возникало сомнений в правильности и справедливости этой войны, в благородности и нужности выполнения "интернационального долга". Или, по крайней мере, почти ни у кого...

* * *

...Я б никому

Не хотел ставить ногу на грудь.

Я хотел бы остаться с тобой,

Просто остаться с тобой.

Но высокая в небе звезда

Зовет меня в путь...

Магнитофон пел голосом уже давно погибшего Цоя, "мицубиси" жадно пожирала шоссе километр за километром, а мысли Банды были далеко. Далеко по времени, но – удивительное дело, как его, смоленского парня, снова занесло в эти края! – совсем близко по расстоянию...

В Афгане ему повезло.

Просто повезло – и точка.

Он попал командиром отделения в ту самую дивизию, которая дислоцировалась когда-то в Витебске и на базе которой функционировала учебка, которую окончил Банда.

Бондаровичу пришлось пережить все, что выпало на долю его подразделения.

Он жил так, как жили и воевали в Афгане все.

Мерзли сутками на горных блокпостах. Лазили за виноградом, а на следующий день оказывалось, что виноградники заминированы. Всклакивали в палатках среди ночи по тревоге, открывая бешеную и беспорядочную стрельбу во все стороны. Выкуривали "духов" из "зеленки" и из аулов, каждую секунду рискуя поймать свою долю свинца из-за очередного дувала. Утюжили гусеницами бээмпэшек и колесами бээрдээмов бесконечные пыльные дороги, по закону подлости норовя почему-то обнаружить мину не тралом впереди идущего танка, а именно гусеницей или колесом своей машины. На дни рождения "пекли" себе торты, смешивая банку сгущенки с несколькими пачками печенья и все это с аппетитом уплетая.

"Черными тюльпанами" отправляли на родину друзей и товарищей, навечно заваренных в цинк...

В общем, жили они, как все в Афгане. И на долю Банды там пришлось не больше и не меньше, чем на долю всех остальных. А вот повезло, может быть, на долю чуть-чуть больше, чем другим, – ни одной царапины не получил он за все полтора года срочной службы.

Наверное, кто-то ему действительно пожелал "удачи в бою"...

* * *

Дембельский приказ будущего гэкачеписта министра обороны Язова Бондарович встретил в звании старшины и на должности замкомвзвода. Но еще за несколько месяцев до этого, переговорив с командованием, он получил добро и обещание всяческой помощи в его желании стать офицером-десантником.

И действительно, приказом командующего дивизией он был откомандирован в Союз, в Рязанское высшее военно-десантное училище, и, так и не успев вкушать сладостей гражданской жизни, буквально через несколько недель старшина Бондарович стал курсантом.

Годы в училище пролетели как один день. Сейчас Сашка даже затруднился бы выделить какой-то главный, действительно весомый эпизод – учеба и тренировки заслоняли все.

Он стал мастером спорта по каратэ. В совершенстве овладел всеми видами вооружения и техники.

Прекрасно изучил все дисциплины и окончил училище великолепно – диплом с отличием, который ему вручили вместе с погонами лейтенанта, действительно был им заработан.

Его друзья-однокашники подшучивали:

– Ну ты даешь! В Афган снова захотел?

Они на полном серьезе предрекали ему, сироте, курсанту без связей и покровителей, место взводного где-нибудь на Кандагаре. Потом, правда, шутить и пророчествовать перестали, почувствовав, что Банда обязательно получит красный диплом.

И каково же было их удивление, когда на распределении обладатель этого заветного для многих диплома, отличник боевой и политической подготовки, который мог, в принципе, попроситься даже в группу советских войск в Германии, благо было пять вакансий, твердо заявил, что был бы благодарен, если бы ему дали возможность снова вернуться в Афган...

* * *

Бондарович поменял кассету, и теперь ему попался снова Цой, но только его последний, вышедший уже после смерти альбом – "Черный".

А мне приснилось

Миром правит любовь...

А мне приснилось

Миром правит мечта...

И над этим прекрасно горит звезда...

Я проснулся и понял – беда...

* * *

В положенный ему отпуск Бондарович съездил в Смоленск, зашел в свою девятую школу-интернат, выпил бутылку водки с Иваном Савельевичем, постоял с улыбкой у стенда "Наши выпускники", где его фотография занимала самый почетный, верхний левый угол, выступил с довольно сумбурными и очень мужественными рассказами в нескольких классах и... отправился на вокзал. В Москву.

В столице он прожил неделю.

Обошел почти все музеи, сходил на ВДНХ и в Мавзолей, каждый вечер просиживал в ресторанах, честно пропивая нащелкавшую на сберкнижке тысячу, и в конце концов понял, что эта мирная гражданская жизнь – не для него.

И тогда по воинскому требованию он взял билет до Ташкента, даже не догуляв отпуск...

В штабе армии, конечно, сильно удивились его досрочному прибытию, а потом, изучив сопроводительные документы, определили в самое "веселое" место – командиром разведвзвода десантно-штурмовой бригады.

Вот здесь-то Банда, что называется, хлебнул всего-всего

под самую завязку. Он думал, ему на всю оставшуюся жизнь (если только будет она, жизнь) хватит...

* * *

Наконец-то ему попался хоть один, пусть и покосившийся от старости, дорожный указатель, и Банда понял, на какую трассу он выскочил. Это действительно была дорога к границе, и Айни уже давно остался позади. Но впереди его еще ждал Пенджикент, маленький вонючий городишко, от властей которого всего можно было ожидать, и он свернул на обочину, чтобы подготовиться как следует к любым неожиданностям.

Заглушив двигатель и выключив магнитолу, он оказался во власти полной тишины и внезапно почувствовал, что ужасно проголодался. Вскрыв штык-ножом банку тушенки, Сашка начал торопливо, почти не прожевывая, заглатывать куски мяса, одновременно пытаясь систематизировать свой арсенал.

Первым делом Банда осмотрел "вальтер", который он вытащил у Ахмета. "Пушка" действительно впечатляла. Пистолет поражал не только своей мощностью, он был и красив. Тяжелый, никелированный, с аккуратным клеймом на левой стороне "P88", фирменным знаком и указанием калибра патронов, он сам, казалось, нежно ложился в руку, умоляя хозяина проверить его боевые качества.

Сашка засунул ложку в банку, освобождая себе обе руки, и извлек обойму. Она показалась ему непривычно толстой и тяжелой. Парень принялся разряжать магазин, отщелкивая патроны себе на сдвинутые колени, и вдруг сделал замечательное открытие – емкость обоймы составляла пятнадцать патронов. Пятнадцать раз можно было пальнуть из этой штуки, не перезаряжая ее! Теперь Банда откровенно пожалел, что взял только одну пачку патронов к этой игрушке. Подобрать, в случае чего, боеприпасы такого калибра будет, видимо, непросто.

Он снова снарядил магазин, вставил его в пистолет и засунул "вальтер" за пояс сзади, чтобы "пушка" не мешала вести машину, как вдруг услышал нарастающий шум движущейся автомашины.

Сашка вздрогнул и нервно обернулся. "Жигуленок" летел как-то уж подозрительно быстро.

"Ну вот и началось!" – мелькнуло в голове у парня, но раздумывать над вновь создавшейся ситуацией времени не оставалось. Он действовал чисто автоматически: чуть открыл дверцу машины, чтобы не возиться в самый решительный момент с замком, взял с сиденья автомат, проверив патроны в магазине, передернул затвор и приготовил парочку гранат. Теперь он готов был в случае необходимости "поговорить" с неожиданными визитерами.

"Жигуленок" тем временем сбросил скорость и плавно притормозил возле "мицубиси".

– Эй, друг, – высунулась из форточки бородастая рожа азиата, – что, ишак ехать не хочет?

В машине дружно заржали над не слишком удачной остротой бородача.

– Нет, все нормально, – Сашка постарался не выдать голосом того напряжения, в котором держали его незваные гости.

– Если надо что, давай поможем. Не стесняйся, дорогой, скажи!

– Нет, спасибо...

– Ну как хочешь, друг...

– До города далеко еще?

– Ты что! Полчаса ехать только!

– Спасибо.

– Да не за что!

И машина с таджиками покатила дальше.

Сашка перевел дух и вытер со лба испарину.

"Пронесло!"

Он отложил "калашник" на сиденье и снова занялся ревизией добытого оружия.

"Смит – Вессон" сорок пятого калибра с лазерным оптическим прицелом всем своим видом внушал уважение, и Сашка достал магазин из рукоятки, желая разобраться, какому нашему калибру отвечает этот американский стандарт. У него прямо дух захватило – пуля из этого пистолета могла запросто сделать дырку в черепе диаметром одиннадцать миллиметров!

Не менее понравилась ему и итальянская штучка – "беретта". Пистолет вроде бы ничем особенным и не отличался – ни калибром, ни емкостью обоймы, но радовала глаз безупречная дизайнерская работа итальянских оружейников, восхищала спокойная тяжесть этого пистолета.

Не рассматривал Банда только пистолеты Макарова. Наскоро проверив наличие патронов, он быстро спрятал эти два экземпляра советской оружейной мысли в бардачок "паджеро" – туда, где решил складировать свои пистолеты.

Три добытых автомата Калашникова Банда старательно зарядил, смотал кстати подвернувшейся под руку в бардачке изолентой их магазины по афганскому образцу и спрятал под заднее сиденье.

Только теперь взялся он за "узи". Легенды, которые ходили про этот пистолет-пулемет, давно бередили его воображение. Еще в училище они мечтали хоть разок опробовать эту скорострелку. И вот эта возможность вроде бы ему представилась.

Ему достался "микро-узи" – супермаленький собрат из всей серии "узи". Банда еще со времен учебы помнил, что небольшой, всего на двадцать патронов, магазин этой модели опустошался при стрельбе очередями буквально за секунду. Невозможно было даже представить себе, что этот лилипут может сотворить двадцать дырок в человеке, а человек за это время не успеет и маму позвать на помощь.

Сашка прочитал на боку автомата "Made in Belgium" и об-

радовался вдвойне – израильской продукции он втайне всегда почему-то до конца не доверял, и теперь ему было приятно, что его автомат – европейский. Он еще разок проверил магазин и, сняв куртку, приладил наплечную кобуру автомата у себя под мышкой, вложив туда грозное оружие.

Затем наскоро пересчитал патроны и гранаты и пришел к выводу, что с легкостью может принять бой хоть с втрое превосходящими силами противника.

Банда засунул пару фанат и магазинов к "узи" в нагрудные карманы куртки, выложил на сиденье рядом со своим АКСУ три сдвоенных магазина и парочку гранат и, включив музыку, снова завел двигатель.

Теперь – только вперед...

* * *

Нам с тобой

голубых небес навес.

Нам с тобой

станет лес глухой стеной.

Нам с тобой

из заплеванных колодцев не пить.

План такой

нам с тобой...

...Это было под Кандагаром, когда Банда служил уже командиром разведвзвода.

В то проклятое утро их роту отправили в дозор, за километр, на расстоянии видимости, от основной колонны техники. Всю ночь перед этим они пили, Пили страшно, по-черному, как говорится, не ожидая каких-либо новых приказаний, ведь только накануне вернулись с поста в горах на подступах к городу.

Погода была великолепная, видимость отличная, место в принципе спокойное, совсем рядом от города, и они, ослабленные после тяжелой ночи, ехали с комроты, Витькой Дербеневым, на броне, свесив ноги в люки машины. Бэтээры резво бежали по разбитой дороге, и только боковой ветер спасал офицеров от тучи пыли, что поднимал впереди идущий бронетранспортер.

Они переговаривались, стараясь перекричать рев двигателей, и ни малейшего внимания не обращали на "зеленку", тянущуюся вдоль правой обочины дороги. Близость больших сил своих и невероятное количество выпитой водки сделали свое дело – безопасности их и невнимательности не было границ.

В другой раз они бы обязательно заметили что-то неладное. Они оба немало времени провели в Афгане, не раз попадали в самые крутые переделки, прошли тысячи дозоров, чтобы чувствовать кожей, подкоркой сознания присутствие "духов". В этот раз подкорка отказала...

Все случилось почти мгновенно.

Раздался мощный взрыв, и передний бэтээр встал как вко-

паннный, страшно завыв своими двигателями.

"Мина!"

Сашка не помнил, успел он это крикнуть или только подумал, как тут же прогремел второй взрыв, и передняя машина оказалась в огне. Одновременно что-то мягкое и теплое плюхнулось лейтенанту Бондаровичу на лицо, на грудь.

Его водитель резко затормозил, и Банда буквально слетел в люк, во все горло ревя:

– Засада! Назад! Вправо по "зеленке" – огонь!

Гулко застучал КПВТ в башенке бэтээра, слились в общем грохоте очереди пулеметов и автоматов из бойниц. Сашка кинулся к триплексу, пытаясь рассмотреть, что стало с передней машиной, но спасти там уже явно было некого – бэтээр был пробит, видимо, кумулятивной гранатой, и шансы спастись оттуда были равны нулю.

Банда оглянулся на ротного – "чего молчишь?" – и онемел: вместо Витьки в люк упал залитый кровью труп, у которого совершенно не было головы.

Из воротника куртки торчали ошметки мяса и, – он даже сейчас вздрогнул, вспомнив то зрелище! – зубы нижней челюсти.

То ли разрывной пулей, то ли осколком Дербеневу начисто снесло голову. Как будто и не было Витьки...

Отстреливаясь, они за считанные минуты пронеслись по дороге назад, к своим.

Банда выскочил из бэтээра, остановившегося на полном

лету около командной машины, и бросился к командиру батальона на доклад:

- Товарищ подполковник...
- лейтенант, я все понял. Помойтесь.
- Товарищ под...
- Умойся, Саша!

Только сейчас Банда уловил какое-то странное выражение в глазах подполковника. Некоторое время он никак не мог понять, что же оно означало. И вдруг почувствовал, что командир смотрит на него... с ужасом. Да-да, немой животный ужас застыл в глазах бравого боевого офицера.

Банда, ничего не понимая, отошел в сторону, и тут к нему подбежал сержант Савельев, командир отделения.

- Товарищ лейтенант, пойдете... У нас там вода есть.
- Чего вы ко мне все дободались? Какого тебе-то хрена надо? – закричал в сердцах Банда на сержанта, не врубаясь во внезапную причину столь пристального внимания к своей внешности. – Чего надо, спрашиваю?
- Кровь у вас, товарищ лейтенант...
- Где?

Сашка быстро взглянул себе на грудь, и его чуть не стошнило. Бронежилет, хэбэшка, ремень – все было в свежей, блестящей на солнце крови. А на плече, на воротнике белели студенистые, вздрагивающие от любого движения мозги и застрявшие в них осколки костей.

"Витьки!" – сразу понял он.

– Твою мать, – громко, не сдерживаясь, в сердцах выругался Банда.

Больше времени терять было нельзя, он наскоро помыл лицо под тоненькой струйкой воды из фляжки Савельева, смахнул с обмундирования то, что осталось от головы Дербенева, и снова вскочил в бэтээр, бросившись догонять ушедшую вперед колонну...

А вечером в лагере, снимая "лифчик" и бронежилет, пропитавшиеся кровью друга, снова почувствовал, как терпкий ком подкатил к самому горлу, заставляя сжиматься желудок противными спазмами, – в складках его хэбэ, под бронежилетом, придавленный "лифчиком", целый день пролежал вытекший, похожий на мокрую выцветшую тряпочку глаз Витьки...

Этот запах – запах крови, мозгов, запах внутренностей человеческих, густо-густо замешенный на запахе водочного перегара, преследовал Банду несколько недель. Он не мог спокойно есть. Не мог без отвращения одевать свое, уже давным-давно отстиранное обмундирование, не мог сидеть в бэтээре, на броне которого убили капитана Дербенева.

И он совсем не мог пить.

Когда вечером того же дня офицеры их батальона собрались в фургончике, раскупорили водку, чтобы помянуть Витьку, и Банда взял в руки до краев наполненный "Малиновский" стакан, запах водки так резко ударил ему в нос, так живо напомнил запах смерти и перегара, что он не выдержал

– его вырвало сразу же. Рвало долго, судорожно, рвало тогда, когда рвать уже было совершенно нечем.

С того дня несколько месяцев не мог Банда пить ничего крепче сухого вина...

* * *

Солнце мое, взгляни на меня!

Моя ладонь превратилась в кулак.

И если есть порох – дай огня.

Вот так!..

Через Пенджикент он пролетел мигом, почти не сбрасывая скорости на его узких и пыльных, совершенно пустых сейчас, в жаркий полдень, улочках.

Ни одной милицейской или военной машины. Ни одного подозрительного движения на крышах домов или непонятного скопления людей Банда не заметил, и это обстоятельство его сильно обрадовало, – возможно, бандиты еще не засекли его, и тогда у Сашки появлялись весьма неплохие шансы вырваться из Таджикистана, а тогда – ищи ветра в поле. По крайней мере, надежд на спасение пересечение границы прибавило бы здорово...

Он вылетел из города, прибавил еще газу и, вытащив зубами сигарету из пачки, совершенно расслабившись, закурил.

До границы, по его расчетам, оставалось километров двадцать пять. Дорога, бежавшая вдоль петлявшего справа Зе-

равшана, была, конечно, не западногерманским автобаном – извилистая, разбитая, наполовину занесенная песком, пылью, мелкими камнями. Но для его "мицубиси" такая трасса была не испытанием – развлечением, и Сашка представлял, как минут через пятнадцать-двадцать окажется уже в Узбекистане.

Он, наверное, уж слишком расслабился, потому что эскорт, появившийся сзади в клубах пыли, поднимаемой его "паджеро", заметил слишком поздно.

Две машины, марки которых в тучах поднятой пыли и в дрожащем зеркале заднего вида Банда совершенно не мог различить, неслись со слишком большой для обыкновенных лихачей скоростью, и парень сразу понял: это за ним.

Сомнений не осталось, когда в передней, белой, которая оказалась открытой, за ветровым стеклом встал автоматчик и открыл огонь. Пули не задели джип Банды, но очереди гулким эхом разнеслись над долиной, отраженные скалами и горами.

На секунду тот боевик исчез, а когда появился снова, в руках он держал что-то громоздкое. Банда никак не мог разглядеть, что это, но, впрочем, особо и не старался, пытаясь выжать из машины все, на что она была способна, и пристально следя за этой идиотской извилистой дорогой.

Яркая вспышка сзади и близкий взрыв заставили и водителя джипа, и машину подпрыгнуть – Сашку от неожиданности, а "паджеро" здорово трянуло взрывной волной.

– "Муха"! – догадался Банда, сразу же вспомнив этот чертов ручной противотанковый гранатомет, доставлявший немало хлопот в Афгане. – Вашу мать, суки!

Он еще сильнее "пришпорил" машину и с радостью убедился, что джип абсолютно ему послушен.

"Значит, пока не зацепили!"

Его тачка была, видимо, все-таки поновее или помощнее, чем у его преследователей, и дистанция между ними начала потихоньку расти. Сашка понимал, что оторваться полностью надежды нет, а впереди его обязательно будет ждать засада. Может быть, уже даже вот за тем поворотом, скрытым за скалой.

Банда лихорадочно соображал, что делать дальше.

Расстояние между машинами метров четыреста.

Этого хватит, если ему немножко повезет...

– Ну, чурки, повоюем! – план возник сразу, если он и был авантюрным. Банда знал, что это – единственный выход.

За этим поворотом засады еще не было. И это стало его первой удачей.

Как только Банда обогнул скалу и скрылся из глаз преследователей, он резко нажал на тормоза, одновременно распахивая дверцу и рванув на себя рычаг ручного тормоза. Заскрипев по асфальту своими широченными шинами, джип остановился как вкопанный, пропахав юзом кривые борозды в этом подобии дороги и все-таки удержавшись на ней.

Ему повезло во второй раз.

В этот момент Сашки в машине уже не было, – схватив с сиденья свой автомат, он лежал на обочине, широко расставив ноги, лоя в прицел точку возможного появления первой машины и глубоко дыша, чтобы восстановить дыхание ради более точной стрельбы.

Как только белая машина выскочила из-за поворота, Сашка дал короткую прицельную очередь по ветровому стеклу, стараясь принять как можно точнее в сторону водителя. Еще очередь, еще... Стекло посыпалось, разбитое вдребезги, как раз в самой крутой точке поворота, как и рассчитывал Сашка.

Это была третья, решительная удача.

Он не знал, убил водителя, или же тот просто испугался, судорожно нажав на тормоза, но машина резко сбавила ход, и ее по инерции понесло прочь с дороги, к реке. Сашка, не останавливаясь, лупил и лупил короткими очередями, с расстояния примерно в сто метров буквально расстреливая машину и ее пассажиров. Все произошло мгновенно, и не успел он и шести раз нажать на спусковой крючок, как из-за поворота выскочила вторая машина. Ее водитель, видимо, даже не успел понять, что же произошло, и со всего разгона влетел в зад белого автомобиля.

Это была последняя удача.

Удар.

Взрыв.

В воздух взлетели куски металла, обрывки ткани и чело-

веческих тел, и два горящих факела, кувыркаясь и подпрыгивая, кубарем покатались по пологому берегу к реке.

Сашка встал и направился к "мицубиси", даже не оглядываясь на то, что осталось от его преследователей. Никто бы не смог спастись из этого дьявольского костра.

Банда сел за руль, снова дополнил магазин патронами и передернул затвор автомата, поставив его на боевой взвод и не беря на предохранитель.

Приключения в Таджикистане для него еще вряд ли закончились. Теперь впереди его ждала граница. А на границе, а может быть, чуть раньше – засада...

* * *

*Где же ты теперь
воля вольная?*

*С кем же ты сейчас
ласковый рассвет встречаешь?*

Ответь!

*Хорошо с тобой
да плохо без тебя.*

*Голову да плечи терпеливые
под плеть. Под плеть...*

После того-случая с Витькой Дербеневым Банда изменился.

Раньше он воевал старательно, с азартом, но осторожно,

не подставляя под пули и мины "духов" ни себя, ни своих подчиненных. Теперь его будто подменили.

Нет, свой взвод он берег и ни разу не заставил своих ребят лезть напролом через кишлак или беспечно переться вдоль "зеленки", полагаясь на извечное авось.

Но сам он стал как одержимый.

Спуску теперь он не давал ни "духам", ни своим "Духам" мстил за каждого убитого, за каждого раненого и покалеченного, за каждый выстрел и каждую мину. Он лазил по горам как кошка, видел; в темноте не хуже тигра, а стрелял как бог. И не раз и не два в одиночку поднимался он во встречную атаку, когда несколько раз полевые командиры моджахедов пытались ночью взять его блокпост штурмом.

Ловко увертываясь от выстрелов и прячась за первые попавшиеся камни, лейтенант Банда заходил с фланга на атакующего врага и в одиночку гранатами поднимал такой шум, каждым точным попаданием в цель такую суматоху среди "духов", что они немедленно обращались в поспешное бегство.

Несколько раз его наказывали по службе при "разборке ночных полетов". Несколько раз комбат по-отечески журил его, предрекая, что рано или поздно парень обязательно нарвется на снайпера с ночным прицелом.

Но столько же раз его представляли и к наградам, и буквально через год грудь теперь уже ротного старшего лейтенанта Бондаровича украшали два ордена Красной Звезды и

"За службу в Вооруженных Силах".

Солдаты буквально балдели от своего командира, а новички, встречаясь с однокашниками по термезскому карантину, с гордостью травили байки про своего старлея Банду. Кстати, кличка эта закрепилась за ним не только среди офицеров, но и среди солдат, и он совершенно не обижался, когда в бою какой-нибудь молокосос рядовой истошно вопил:

– Банда, слева прикрой!

Но так же, как "духам", не спускал он ничего и своим ребятам.

Он не прощал не только нарушения боевого устава и своих команд. Он не прощал малейшего отступления от того морального идеала, которому должен был, по его представлению, отвечать "воин-интернационалист".

Однажды на блокпосту неподалеку от Кандагара, в горах, где по склонам густо рассеялись кишлаки и крестьяне чуть ли не толпами ходили по дороге мимо обложенного мешками с песком укрепления советских солдат, произошел случай, который мог обернуться весьма большими неприятностями и для самого Банды...

Стоял жаркий июньский день, и блокпост тихо дремал, утомленный коротким ночным боем с невесть откуда взявшимся маленьким отрядом "духов".

Банда и сам расслабился. Они до одури играли со взводными в карты, где ставкой неизменно служили бумажки в десять внешпосылторговских чеков, которые с удивительным

постоянством кочевали из одного кармана в другой, не желая, видимо, нигде надолго задерживаться.

Сашка почувствовал, что от чередования бесконечных "прикупов", "хвалей" и "пасов" голова его начинает раскалываться и протяжно гудеть, угрожая полным отказом в работоспособности, а потому старший лейтенант бросил наконец карты и вышел из офицерского укрытия во внутренний дворик блокпоста, чтобы хоть чуточку проветриться.

Он закурил, подошел к укрепленной внешней стене их заставы и, привалившись спиной к мешкам с песком, замер, запрокинув голову, разглядывая сначала небо, а потом склоны гор и кишлак, что раскинулся километрах в трех от их укрепленной точки на берегу быстрого ручья.

"Хорошо-то как!" – Банда чуть не произнес это в полный голос.

За эти проклятые месяцы он совершенно разучился смотреть на окружающую природу как на красивый экзотический пейзаж, рассматривая эти горы, ложбины, перевалы и ущелья исключительно как плацдарм для боевых действий.

Вот и сейчас он поначалу поймал себя на мысли, что занимается элементарной рекогносцировкой, оценивая позицию их блокпоста с точки зрения военной науки: на предмет доминирования над местностью, просматриваемости подступов, открытости секторов обстрела и привязки линий огня, неуничтожимости во время предполагаемого боя основных ориентиров на местности... Но ведь он хотел другого! А по-

тому безжалостно выбросил всю эту дребедень из головы, насильно заставил себя посмотреть вокруг иными глазами – и вдруг... увидел.

Старлей увидел синее-синее небо над головой, прозрачность и бесконечность которого поражали воображение. Отсюда, с высоты, которую занимал блокпост, линия горизонта казалась неимоверно далекой, и только с юга ее приближали еще более высоко вздымавшиеся горы.

Может быть, впервые не выискивая за камнями или в кустах огневой точки "духов", Сашка обвел взглядом зеленые склоны, пыльную извилистую дорогу, пробегавшую мимо их заставы и исчезающую в кишлаке, желто-красно-серые глиняные хибарки афганцев, похожие отсюда на спичечные коробки, в беспорядке разбросанные по земле и уж с совершенно немислимой для европейского глаза хаотичностью прилепившиеся друг к другу.

Спокойствие, безмятежность пейзажа, тишина, неподвижно повисшая в жарком южном воздухе, были так красноречивы, так величественны, что совершенно невозможно было поверить в то, что в этой чужой стране, на этой прекрасной земле идет война, рвутся ракеты и снаряды, мины и гранаты, кромсая живое тело земли. И каждую секунду ты и твои товарищи ходят по этой земле, что называется, под Господом, рискуя в любой момент отправиться туда, на это безмолвное и бездонное небо...

Банда вострепелась, отгоняя подальше остатки лирики,

затоптал сигарету и хотел было снова потащиться к брошенным картам, как вдруг услышал странный шум, доносившийся из блиндажа первого взвода. Впечатление было такое, что там идет то ли драка, то ли цирковое представление: крики, ржание, гогот, улюлюканье, периодически слышался грохот падающих ящиков, какая-то совершенно непонятная возня.

– Опять надолбаяись, скоты! – в сердцах сплюнул Сашка, направляясь к блиндажу. – Небось теперь снова "молодых" жизни учат...

Ни для кого из боевых офицеров не было секретом, что больше половины личного состава долбится, ширяется и всяческими иными способами ловит кайф, то есть, выражаясь человеческим языком, употребляет анашу, героин и самые разнообразные транквилизаторы. Случалось, и в бой ребята шли с расширенными от "травки" зрачками, не боясь ни черта, ни дьявола и круша все, что ни попадя на своем пути. А зачастую совершенно глупо и бессмысленно погибали, подставляя под пули свои молодые и безрассудные стриженные головы.

Ловить, запрещать или наказывать их было бесполезно – "косяки" ходили по рукам почти легально, и даже в гарнизоне на гауптвахте, в камере, при случае с легкостью можно было "отъехать", купив по абсолютно приемлемой цене нужную дозу прямо у караульного.

Командиры пытались, конечно, как-то влиять на солдат,

но, видя тщетность этих попыток, старались добиться хотя бы одного – полной трезвости и ясности мысли у постовых и караульных. Это, в принципе, удавалась – здесь, в Афгане, слишком многое зависело от того, кто и в каком состоянии охраняет склад или покой своих товарищей. Вот где уж воистину ставка была больше, чем жизнь!

Потому как ставкой становилось сразу множество жизней.

Но с другой стороны, многие офицеры и сами были не прочь "забить" "косяк" – другой, особенно перед рейдом или маршем. Что ни говори, а перегрузки "травка" снимать помогала очень даже эффективно.

Сам Сашка никогда не позволял себе такой вольности – воевать под кайфом, но не мог осуждать за чертово пристрастие своих товарищей. А потому сейчас Банда шел к блиндажу лишь только затем, чтобы приструнить особо буйных и разгулявшихся – снизить, так сказать, накал страстей среди личного состава вверенного ему подразделения.

И вдруг у самого входа, когда Сашка уже даже согнулся перед низкой притолокой, ему почудилось, что изнутри донесся женский вскрик, тут же резко оборвавшийся, а затем раздалось жалобное хрипение, перебиваемое стонами.

Сашка рывком распахнул дверь.

Посреди блиндажа на ящиках из-под гранат лежала афганка, беспомощно тараща на Банду огромные черные глазницы. Ее платье было разодрано, и высоко поднятые ноги жутко белели в полумраке помещения. Двое "молодых" держали

ее за ноги, еще двое зажали руки. Дембель по кличке Груша, вытащив из ширинки свой член, насильовал ее стоя, тиская груди, которые мерно качались от каждого движения взад-вперед, а еще кто-то. Банда в темноте даже не успел толком разглядеть, кто именно, получал кайф, засовывая свой хреновый отросток девчонке прямо в рот, раздирая ее губы руками.

Бешеная ярость мгновенно захлестнула Банду.

Прямым ударом левой ноги под ребра он отбросил от девчонки того "молодого", что держал ее ногу, ребром ладони треснул по шее второго, вцепившегося в ее руку, и, вырубив его, сильно, с разворота, ударом кованого сапога в грудь отшвырнул к дальней стене блиндажа любителя орального секса.

От неожиданности и испуга двое других "держателя" выпустили несчастную афганку, и она с визгом свалилась с ящиков на землю.

Разъяренный таким резким обломом и перевозбужденный "травкой", Груша с ревом бросился на командира, размахивая своими громадными кулачищами. Банда действовал круто, без жалости, что называется, на поражение. Чуть отступив, уклоняясь от удара, он перехватил руку Груши у запястья, резко вывернул ее и, повернувшись на сто восемьдесят градусов, крутанул ее изо всех сил. Дембель взвыл от боли, а его рука, полностью вывихнутая из плечевого сустава, бессильно повисла плетью. Не давая ему опомниться.

Банда, ни на мгновение не останавливаясь, заехал ногой с размаху прямо по еще задорно торчавшему достоинству Груши, и когда тот согнулся пополам от выворачивающей наизнанку боли, вырубил его, с силой, двумя руками съездив по шее.

– Козлы вонючие! – завопил Банда в мгновенно наступившей в блиндаже тишине. – Охренели, гляжу, вконец! Вы, суки, чего удумали? Жить надоело? Да за нее вас "духи" всех до последнего вырежут!..

Он повернулся к с трудом поднявшемуся и пытавшемуся теперь застегнуть ширинку кадру, который мечтал получить райское наслаждение во рту девушки.

Теперь Банда разглядел его.

– Савельев, бля!

"Эти дембеля меня доконают!"

– Ты что, долболоб, на дизель или на зону захотел? Мало тебе два года Афгана было?! Я тебе устрою! Тебя мама еще долго не увидит!..

Банда обернулся к притихшим бойцам.

– Кто держал? Выйти сюда, – ткнул он, пальцем в пол перед собой.

Несмело, переминаясь с ноги на ногу и боясь поднять глаза, выползли на середину блиндажа четыре придурка, только-только попавшие в Афган.

Они-то и должны были сменить в этом взводе увольнявшихся Грушевского и Савельева.

– Долболобы! Вы хоть понимаете, что вам за групповуху органы отвесят? Рэмбо! Сильными себя почувствовали, целым взводом бабу завалили. Что, с воли давно приехали? По девушкам успели соскучиться?

– Товарищ... – попытался провякать кто-то из них, подымая на Банду свои виноватые глазенки.

– Заткнись!

Банда еле удержался, чтобы в кровь не изметелить эти тупорылые морды.

– Анушидзе! – позвал Бондарович командира второго отделения, шустрого расторопного грузина, на которого всегда можно было положиться.

– Я!

– Грушевскому прибинтовать руку к телу, самого связать и положить на лежак до прибытия на смену третьего взвода. Старшего сержанта Савельева разоружить, забрать ремни, шнурки и посадить под замок в каптерке. Назначить караул по его охране. С этих гусей, – Банда кивнул на четверых "держателей", – глаз не спускать. Оружие пока забрать, выдать только в случае нападения "духов".

Он посмотрел на девушку, сидящую на земле за ящиками, сжавшуюся в комок и тихо плакавшую от боли, страха и унижения.

– Ей дашь пока бушлат прикрыться – и к нам, в наше укрытие. Платье ее должно быть зашито – и старательно зашито! – силами этих придурков, – он снова кивнул на чет-

верку, – через пятнадцать минут. Вопросы?

– Никак нет!

Старлей постоял еще несколько минут, вглядываясь в лица своих притихших бойцов. Ребята не могли выдержать его взгляда и поочередно опускали глаза, натываясь на холодный и презрительный блеск в зрачках своего командира.

– Придурки! Скоты вы, вашу мать! Что ли у кого ни мозгов, ни совести нету? Никому противно не стало? Бабу – всем взводом! Гиганты сопливые...

ТЬфу! – он с горечью сплюнул себе под ноги. – Глаза б мои вас не видели!..

Резко повернувшись, он вышел на солнце и жадно закурил, стараясь хоть немного успокоиться.

Да, хлопцы, конечно же, устали. Хлебнули всего-всего. Тот же Груша или тот же Савелий два года, от звонка до звонка, прослужили в Афгане. Савельев награжден орденом Красной Звезды, медалью "За отвагу". Два ранения, одно из них из разряда тяжелых. И Грушевский свою "За отвагу" надраил уже, чтобы на дембельский китель повесить...

Да, много хороших ребят, их друзей, отправилось уже на родину в "черных тюльпанах", кто подстреленный в патрулях на улицах Кабула, кто взорвавшийся на mine, ловко замаскированной в легкой мелкой пыли горных дорог, кто сгоревший заживо на глазах товарищей в пылающих бэтээрах...

Да, всем им надоело все это до чертей зеленых.

И психика у них у всех уже сдвинутая, и нервы никудыш-

ные, и ненависти к проклятым "духам" хоть отбавляй...

Но так подло насиловать девку!.. За что?! Она-то в чем виновата?..

И главное – что дальше-то делать?

В соседнем полку, поговаривают, был такой случай: оттрахали бабу из кишлака всем взводом, а потом добили и похоронили, чтобы афганцы про то никогда не прознали... Но это ведь только поговаривают, а как там на самом деле было – один Аллах знает. Может, его парни тоже от главного свидетеля подобным же образом избавиться хотели?

Во двор вывели афганку. Платье на ней уже было в порядке, сама она немного успокоилась, и только ее красные заплаканные глаза выдавали то, что с ней только что приключилось.

Здесь, во дворе, на свету Банда рассмотрел, что она была уже далеко не девушкой – на вид ей можно было дать даже лет тридцать пять. Это обстоятельство почему-то немного успокоило старшего лейтенанта.

Он отвел ее к себе и усадил за стол, где взводные все еще резались в свою бесконечную "тысячу".

– А елки-палки! Сашка, это что за явление? – даже приу встал от удивления Востряков, командир первого взвода, бойцы которого и натворили, кстати, все эти страсти.

– Твои орлы постарались – тринды им, видишь ли, сильно захотелось. Изнасиловали ее всем взводом.

– Ты что, правда, что ли?

– Я там Грушу немного покалечил. И Савельев под арестом. Сдам, на хрен, в прокуратуру, пусть получают свое под завязку, кони страшные. – Бондарович уже почти успокоился, и своей категоричностью и напускной жестокостью сам себе пытался добавить решительности.

– А е-мое!..

В помещении повисла тяжелая гнетущая тишина. Каждый из офицеров хорошо понимал, в какую паршивую историю они все теперь влипли.

От военных следователей хорошего не жди. Затаскают на допросы, на снятие показаний. Затребуют кучу справок, документов, рапортов. Вынесут какое-нибудь частное определение о неполном служебном соответствии и разгильдяйстве, которые проявились в недостаточном контроле над введенным подразделением...

С другой стороны, "духи", если прознают про этот случай, взлютуются. Кишлак сразу же перестанет быть "замиренным". Сами "хадовцы", союзнички, так сказать, в злейших врагов превратятся.

Блокпост этот самым проклятым местом станет – ни одного дня покоя не будет.

Опять же – за дела такие от начальства благодарности не жди. Мало того, что органы затрахают, так все поощрения, представления, отпуска – все медным тазом для них накроется...

Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, Банда выставил

на стол бутылку водки, вскрыл штык-ножом банку говяжьей тушенки, подвинул ее поближе к женщине, положив рядом ложку, и повернул жестянку этикеткой с изображением головы коровы к неожиданной гостье.

– Ешь! Это не свинина, вам, мусульманам, можно, – Бондарович сказал фразу ласково, чтобы она поняла его хотя бы по интонациям голоса.

Затем налил водку в стакан и тоже пододвинул к афганке, но та в ужасе протестующе замахала руками.

– А, елки, забыл! Этого-то продукта тебе твой Аллах не позволяет, – с досады старлей одним махом вылил водку на пол, к общему неудовольствию взводных, дружно потянувших носами запах вылитой жидкости.

– Сашка, на хрена?!

Но Банда только отмахнулся от них.

Женщина несмело взяла ложку, и Бондарович ободряюще ей улыбнулся.

– Ты ешь-ешь, не бойся! Потом ложись, отдохни, – он кивнул на свою койку, знаками, закрыв глаза и ненатурально захрапев, показывая, чего от нее хочет. Затем повернулся к взводным:

– Пошли, пройдемся.

Офицеры поднялись и потянулись к выходу.

– Петр, – остановил Сашка командира второго взвода, лейтенанта Акулика, – ты посиди здесь, с ней, ладно? Поговори с ней спокойно, чтобы не нервничала, не боялась. По-

старайся не выпускать ее пока. Пусть успокоится. Я кое-что придумал – так вдруг получится...

– Конечно, посижу. А вы куда?

– Да пойдем с архаровцами востряковскими разбираться. Надо же что-то делать.

Они с Востряковым направились к блиндажу.

У дверей каптерки с автоматом на плече, охраняя Савельева, маячил кто-то из новобранцев. Сашка про себя посетовал, что никак не может запомнить их имена, а ведь ребята уже по неделе в его роте. Ну ничего, в первом же нормальном бою все запомнится само собой.

Они вошли в блиндаж, всматриваясь в его холодную темноту – сразу с солнца разглядеть здесь что-либо в подробностях было невозможно. Наконец увидели – в самом углу, на почетном дембельском месте, лежал, скорбно прикрыв глаза, связанный Грушевский.

– Во, погляди на своего героя, – кивнул Банда на Грушу, обращаясь к Вострякову. – Додумался твой горный орел – на командира с кулаками бросился. Бабу я ему, видите ли, поймать помешал...

– Товарищ старший лейтенант! Разрешите обратиться! – мигом открыл Груша глаза и попытался, несмотря на связанные ноги, по-уставному вскочить при появлении командира. Но острая боль, в плече снова отбросила его голову на подушку, и Груша, не удержавшись, даже застонал.

– Помолчите, товарищ сержант! – с подчеркнутой строго-

стью прервал его Бондарович. – Не о чем мне с тобой теперь разговаривать... Анушидзе, развяжи-ка его!

Когда Грушу развязали и освободили туго прибинтованную к телу руку, Банда сел рядом с ним на лежанке, чтобы разобраться с травмой. Плечо уже опухло, и куртку с Груши совместными усилиями стянули с большим трудом.

Старлей принялся умело, с пониманием, ощупывать плечо и предплечье сержанта.

– Где болит? Здесь?

– Ага, – чуть не взвыл от боли Груша, ежась под жесткими пальцами Банды.

Тот сосредоточенно тискал руку сержанта.

– А хрен я тебе не полностью отбил? Шевелится еще? – специально отвлек Банда внимание Грушевского, и когда тот невольно ошарашенно опустил глаза к своим штанам, сильно и четко, как учили когда-то в Рязановке, дернул за руку, вправляя на место вывихнутый сустав.

– Ай, бля, твою мать! – заверещал травмированный, пронзенный острой болью.

– Не ной! Рукой пошевели... Ну вот видишь, целый. До дембеля заживет... Или до суда.

– Товарищ старший лейтенант... – снова заканючил сержант, просительно заглядывая Банде в глаза.

– Заткнись пока. Я тебе слова не давал... Анушидзе, собери здесь всю роту. Всех, свободных от караула. И этого, Савельева, тоже сюда.

Когда через несколько минут все собрались и устроились кто где, Банда сел посередине блиндажа на перевернутый ящик и, чеканя каждое слово, будто гвозди вбивая, в тяжело повисшей тишине произнес:

– То, что сегодня произошло, – позор. Вас, – он смерил взглядом Грушевского и Савельева, – я всегда уважал как хороших солдат. Мы вместе не раз были на волосок от смерти, но в вас я был уверен всегда... Сейчас я вас не уважаю. Вы – не мужики! Слава Богу, что через несколько дней вы дембельнетесь, и я никогда не пойду с вами ни в рейд, ни в разведку...

Он помолчал несколько минут, собираясь с мыслями, и никто не посмел в это время издать ни единого звука.

– Но все вы, – обвел взглядом Сашка собравшихся бойцов, – сволочи. Никто не помешал, ни у кого совести не оказалось... Я вам про интернациональный долг триндеть не буду, это вам и замполит расскажет, когда в гарнизон вернемся. Я вам только одно скажу – если эта несчастная кому-нибудь из своих обмолвится о том, что вы с ней сотворили, "духи" вам будут каждый день "лекции читать" по интернациональному долгу...

Бондарович снова помолчал, а потом резко закончил свою небольшую речь:

– Короче, так. О происшедшем здесь я пока никому не доложу. Вам всем советую тоже – ни слова.

Никому, ясно? Даже другу из соседней роты. Но если это

дело всплывет, все, кто виноват, пойдут под суд. Покрывать никого не буду. Ни за глупость детскую, – он глянул в сторону новобранцев-"держателей", – ни за геройство в прошлом, слышите, Савельев с Грушевским... Все понятно? Вопросы есть?

...В тот раз их пронесло. Женщина, вернувшись в кишлак, видимо, промолчала. Савельев и Грушевский дембельнулись, а оставшиеся бойцы их роты несколько месяцев подряд рвали все жилы, прилагая абсолютно немыслимые усилия, чтобы вернуть уважение своего Банды...

* * *

Муравейник

живет.

Кто-то лапку сломал —

не в счет.

А до свадьбы

заживет.

А помрет —

так помрет...

Сашка положил автомат рядом с собой на сиденье и жадно закурил.

Это всегда с ним происходило – после боя, после напряжения всех физических и моральных сил, вдруг мелко-мелко начинали дрожать руки, и для того, чтобы успокоиться,

парень всегда хватался за сигарету.

Он закрыл глаза, откинулся на спинку сиденья с высоким удобным подголовником и расслабился.

"Слишком много всего сразу", – промелькнула в голове тоскливая мысль.

Разве мог он тогда, выходя из Афганистана, подумать, что война для него еще не кончилась? Что еще не раз будут предательски дрожать у него руки, только что сжимавшие "калашник", сбрасывая напряжение боя?..

Докурив, он щелчком выбросил сигарету в форточку, сделал несколько больших глотков воды из фляги и со вздохом завел двигатель.

– Ничего не поделаешь – ты, Банда, влип. Хочешь жить дальше – выкручивайся! – чтобы хоть немного взбодриться, вслух сказал он самому себе.

Он отпустил ручник, с радостью убедившись, что после экстренного торможения эта штука все еще работает, включил передачу, и джип, резво набирая обороты, снова устремился к границе.

Сашка не заметил, как быстро бежало сегодня время. Только сейчас, вылетев из-за очередного поворота, он понял, что день кончился – заходящее солнце огромным красным шаром висело над самым горизонтом, утратив свой ослепительный дневной блеск и обжигающий все живое нестерпимый жар. Горы за спиной парня налились сочным розовым цветом, а из расщелин и ложбин поползли тени, как будто

концентрировавшие в себе ночную непролазную темень.

Эта темнота быстро заливала все вокруг и буквально с последним лучиком солнца, исчезнувшего за горизонтом, получила полную власть над горами, над рекой и над дорогой, гущаясь с каждой секундой.

Бондарович до последнего не включал фары, полагаясь на мощную подвеску своей "мицубиси", и гнал машину по направлению к границе почти наугад, напряженно всматриваясь в чуть белевшую в темноте полосу дороги.

Это его и спасло.

Отблеск включенных где-то впереди фар он увидел, выехав из-за очередного поворота, и сразу же резко затормозил и побыстрее выключил двигатель.

Определить расстояние в темноте ночи по мерцающим впереди огням практически невозможно, и только по чуть-чуть слышному отсюда ворчанию работающего двигателя парень понял, что до тех, кто ждал его на дороге, не более трехсот-четырехсот метров. А в том, что те, впереди, ждали, и ждали именно его, Сашка уже ничуть не сомневался.

Он в очередной раз подивился четкой организации службы у мафии. На них работала не только милиция и местная продажная власть. У них были не только мобильные отряды боевиков и курьеров, оснащенные любым оружием и любой техникой, вплоть до вертолетов. У них, оказывается, были и свои пограничные заставы, не позволявшие никому незаметно вырваться с территории, находившейся под их контролем.

От самого Пенджикента его никто не обгонял.

Другого пути к границе, кроме как вдоль русла Зеравшана, в природе не существовало. Значит, те, кто ждал его впереди, получив команду по радиации, появились откуда-то сверху, спустившись с гор?, с самой границы, чуть опередив своей заставой пограничников, так сказать, официальных.

Банда взял с сиденья свой верный пристрелянный "калашник", проверил на всякий случай, на месте ли нож, гранаты, трофейные "узи" и "вальтер", и тихо, не захлопывая дверцу, выскользнул из машины.

Он решил подойти к ним поближе, но не по дороге, естественно, откуда они ждали его появления, а сверху, по склону. Горы в этом месте подступали почти к самой обочине дороги, уступами и террасами, с каждым новым десятком метров набирая высоту.

Банда быстро и бесшумно пошел вверх. Афганская выучка, помноженная на проведенные в лагере Ахмета месяцы, не пропала даром, и уже минут через пятнадцать парень прекратил подъем, решив, что высоту он набрал уже достаточную. Теперь он осторожно стал пробираться вперед – на свет ярко горевших в ночной темноте фар.

Он старался идти тихо и аккуратно, чтобы ни один вырвавшийся из-под сапога камешек, застучав по склону, не насторожил тех, ждавших его внизу.

Прокравшись, как ему показалось, метров триста-четыре-ста и оказавшись над самой засадой, Банда почувствовал,

как устал: дыхание его сбилось, а сердце колотилось в груди как бешеное – гулками глухими ударами его стук отражался в ушах и слышен был, казалось, за километр. Банда даже удивился, почему его до сих пор не засекали бандиты.

Парень на минутку остановился перевести дух и вдруг услышал голоса совсем рядом с собой. Он припал всем телом к земле и замер, стараясь не шуметь. Голоса действительно звучали рядом, он даже мог разобрать отдельные слова, произносимые по-таджикски, смысла которых он все равно не понимал. Но главное – он никак не мог разобрать, откуда они доносятся: своеобразная акустика гор дробила и рассыпала звук, не давая возможности определить местонахождение источника. Наконец он твердо решил, что разговаривают на склоне чуть ниже его убежища, и осторожно выглянул из-за камня, всматриваясь в темноту.

Так и есть.

Сверкнул огонек зажигалки, и этой вспышки оказалось достаточно, чтобы Банда смог рассмотреть двоих таджиков, занявших удобную позицию на уступе прямо над самой дорогой. Бандиты были всего метрах в пятнадцати ниже него, и Сашка почувствовал, как пробежал у него по спине нервный холодок при мысли о том, с какой легкостью эти двое могли пристрелить его, если бы он чуть-чуть ошибся высотой: он вышел бы прямо на них тепленьким и даже не понял бы, откуда пришла смерть.

Но сейчас, когда он их заметил, бандиты из охотников са-

ми превратились в дичь: парень очень четко видел две цели, замечательно помеченные в темноте вспыхивающими красными огоньками сигарет.

Очень осторожно, стараясь не издавать ни малейшего звука, Банда стал спускаться. Когда до тех двоих оставалось уже совсем немного, он с досады чуть не чертыхнулся – их разделяла теперь почти отвесная стена, и надо было существенно забирать влево или вправо, чтобы выйти на их уровень и оказаться у них за спинами.

Это было совершенно нереально, и Сашка присмотрелся, стараясь определить как можно точнее расстояние до своей цели.

"Метров пять. Как при боевом десантировании из "вертушки", – мелькнуло у него в голове, и решение созрело сразу же. Он неслышно просунул голову под ремень, забрасывая автомат за спину, освободив руки, сделал несколько глубоких вдохов, собираясь с силами и примериваясь, и, как кошка, сиганул вниз, прямо на таджиков.

"Как черт на голову!" – успел подумать он, прежде чем коснулся земли.

Он спрыгнул прямо за спину сидевшему на корточках таджику и, на счастье, удержался на ногах. А уж дальше все было делом техники, – схватив за голову обернувшегося на звук ближнего к нему бандита, Банда резко крутанул его в обратную сторону и явственно услышал, как треснули сложенные позвонки шеи. Бандит тут же, не успев даже понять,

что случилось, мешком осел парню под ноги.

Второй, ошеломленно глядя, как принял смерть его товарищ, даже не попытался кричать, а лишь молча потянулся за своим автоматом, замороженно не спуская с Сашки глаз. Но было поздно: Сашка резко повернулся к нему и мощным ударом ноги куда-то в область шеи опрокинул таджика навзничь.

Бандит весь изогнулся и захрипел, – видимо, Сашка попал ему как раз в адамово яблоко. Но хрип в ту же секунду оборвался – прямым ударом кулака в грудную клетку Банда остановил сердце бедняги.

На всякий случай Сашка схватил автомат бандита и присел, осматриваясь и прислушиваясь, готовый принять бой, если те, остальные, там, внизу, поймут, что означает неожиданный шум на уступе. Но все было тихо, и он подполз поближе к краю, чтобы лучше рассмотреть, что творится там, на дороге.

Здесь, на краю этой площадки, Сашка наткнулся на РПГ-7 и понял, что делали тут эти двое – они должны были сыграть роль своеобразных снайперов, с совершенно неожиданной для Бондаровича позиции расстреляв его машину из гранатомета.

Что ж, теперь бандитская хитрость оборачивалась большими неприятностями для них же самих...

Дорогу под углом друг к другу перекрывали два открытых армейских УАЗа, и в свете их фар человек десять боевиков

расположились прямо на земле, покуривая и переговариваясь. Еще один сидел в машине, зажав между колен заряженный гранатомет и напряженно всматриваясь в темноту – туда, откуда должна была появиться машина беглеца. Вся компания была вооружена автоматами самых разных конструкций.

Сашка поднял на плечо найденный гранатомет бандитов. Оказалось, он был оборудован ночным прицелом, и Банда снова почувствовал, как неприятно засосало у него под ложечкой от ощущения только чудом минуемой им смерти.

Парень глянул в прицел в сторону своего джипа и с облегчением вздохнул: несколько больших придорожных камней и корявый куст, чудом выросший на этих скалах, надежно прикрывали машину. Возможно, только эти камни да куст и спасли его, Банду, от верной смерти.

Рядом с собой в темноте он нащупал и ящик с гранатами к РПГ и, подняв крышку, взял в руки смертоносное жало. Граната была уже готова к стрельбе, и Сашке оставалось только вставить ее в ствол гранатомета. Вниз стрелять было не слишком удобно, но неудобство скрашивалось близостью мишени, – почти не целясь, прямой, так сказать, наводкой Сашка влупил по машине, в которой сидел дозорный.

– Тьфу, черт!

Он никак не мог привыкнуть к этому совершенно оглушающему грому, с которым стрелял РПГ, и каждый раз чертыхался, нажимая на спусковой крючок этой штуки и неиз-

менно ощущая, как густой тяжелый звон в ушах на несколько минут полностью исключает возможность слышать хоть что-нибудь еще.

Под этот звон, как в немом кино, Сашка видел, как взлетел УАЗ на воздух, теряя двери, колеса, горящие куски металла и резины. Куда-то далеко за реку, оставив в небе огненный след, ушла граната из РПГ, заряженного теперь уже покойником-дозорным. Вторую машину сбросило с дороги взрывной волной, и в свете пламени Сашка видел оставшихся в живых боевиков как на ладони. Они, объятые ужасом, беспорядочно стреляли в темноту, не понимая, откуда пришла смерть.

Один из них указал в его сторону, и Сашка, все еще почти ничего не слыша, увидел, как фонтанчики выбитых пулями камней взметнулись чуть ниже его позиции.

"Всего четверо", – быстро сосчитал Сашка, и, перекатившись метров на пять в сторону и чуть ниже по склону, стащил со спины свой автомат.

В зареве огня он видел их всех великолепно, а потому расстреливал не спеша и с наслаждением, почти как в тире, классическими короткими очередями в три патрона.

– Д-р-р-р, – вздрагивал его автомат.

– Раз, – считал Сашка, и боевик навсегда утыкался лицом в дорожную пыль.

Парень тем временем чуть отползал в сторону, прячась за какой-нибудь камень, меняя позицию, снова старательно

прицеливался, и автомат вновь коротко вздрагивал, а очередная жертва отправлялась к Аллаху, оставляя на берегу Зеравшана свое брэнное прудырявленное пулями тело...

Все было кончено буквально за пять минут, и Сашка с радостью обнаружил, что кончено действительно все – скрытых огневых точек типа этой, на уступе горы, у бандитов не оказалось, и больше неоткуда было ждать неприятностей.

В это время второй УАЗ, до того тихо тлевший, осветил место боя новой яркой вспышкой, сопровождаемой эхом, прокатившимся по горам очередным раскатом грома, – наконец-то рванули бензобаки.

Теперь Сашка стал спускаться вниз почти совсем смело, на всякий пожарный все же не снимая пальца со спускового крючка автомата.

Обойдя каждого боевика и убедившись окончательно, что сопротивления больше не будет, парень собрал несколько магазинов к "калашнику", выбирая потяжелее, в которых еще могли быть патроны, и зашагал по дороге назад к своей машине.

Теперь его сердце билось спокойно и ровно – из этой проклятой Богом страны он вырвется. Это уж точно...

* * *

Волчий вой да лай собак.

Крепко, до боли, сжатый кулак.

Птицей стучится в жилах кровь.

Вера да надежда, любовь...

«За» голосуют тысячи рук,

и высок наш флаг.

Синее небо да солнца круг.

Все на месте —

да что-то не так...

Второй раз в Афгане он залетел куда серьезнее.

Если бы тот капитан из особого отдела оказался посволочнее, до сих пор бы, наверное, тянул бывший старший лейтенант Банда свой срок где-нибудь на Колыме...

Их к тому времени перебросили в Хайратон и в предверии крупного рейда заставили снова заниматься привычным для всего Афгана делом – караулом на блокпостах.

Банда вместе все с тем же лейтенантом Востряковым ехал на смену с его взводом на заставу. Бэтээры натужно выли моторами, преодолевая подъем за подъемом, и когда до цели оставалось всего ничего, чуть более километра, по горам гулким эхом разнесся гром, слишком характерный, чтобы можно было ошибиться, – стреляли из гранатомета.

Банда, который сидел с лейтенантом на броне, прислушался, стараясь хотя бы приблизительно уловить, откуда донесся звук выстрела.

– По-моему, на заставе, – поддержал его самые худшие предположения Востряков, и Сашка, свесив голову в люк, крикнул водителю:

– Жми на всю! На блокпосту стрельба.

В это мгновение донеслось эхо второго выстрела, через минуту-другую – третьего.

Бондарович с Востряковым удивленно переглянулись: ни автоматного треска, ни характерного постукивания крупнокалиберных пулеметов, которыми оснащены бэтээры, слышно не было. Значит, на блокпосту не бой? Но что же тогда, черт возьми, там может происходить?

Бэтээр взлетел на очередной гребень, и с этой точки их застава стала видна как на ладони.

На дороге, на обочине которой был оборудован блокпост, приблизительно метрах в двухстах от него, горели и дымились остатки какого-то невообразимого драндулета. На таких автомобилях, ни страну производства, ни время выпуска которых установить зачастую не было никакой возможности, разъезжало по горным дорогам местное население.

Видно было, что машина взорвана на полном ходу: она перевернулась, жалкий скарб пассажиров разлетелся по всей дороге, и в пламени, охватившем кучу металлолома, еще крутилось, дымя горячей крышкой, смотрящее в небо колесо, чудом не оторванное от ступицы.

Отсюда было видно, как густо усеяна солдатами третьего взвода та сторона заставы, которая была обращена к дороге. А потом у Сашки на голове зашевелились волосы: со всех сторон к перевернутой машине бежали афганцы. Целая толпа их усеяла склон горы, спускаясь из ближайшего кишлака,

и множество фигурок в белых и черных балахонах, передвигавшихся по этой довольно оживленной трассе, тоже теперь устремилось к одной точке – к месту взрыва автомобиля.

Бэтээры резко затормозили у ворот блокпоста, но Сашка, прыгнув с брони, направился не на заставу, а бросился к остаткам странного драндулета, прямо в самую гущу столпившихся вокруг афганцев. Хорошо, что его ребята последовали за ним, подумал он позже, иначе его одного афганцы бы в этот момент просто-напросто разорвали бы на части.

Еще не успели заглохнуть двигатели бэтээров, а Банду резанул по ушам женский плач и вой, доносившийся оттуда, с места трагедии. Толпа расступалась перед ним, и буквально через минуту старлей остановился метрах в пяти от догоравшей машины, прикрывая лицо ладонью от нестерпимого жара.

Прямо у его сапог лежала нога. Нога ребенка, оторванная в колене. У самой машины дымился и маленький трупик, а рядом, как огромная подбитая птица, разметав в пыли черный балахон, горела его мертвая мать. Какие-то узлы, тазики, медные кувшины и коврики горой валялись вокруг автомобиля. Сквозь черный дым и копоть, сквозь вонь горевшей резины Банда чувствовал, как отчетливо пробивался этот проклятый, чуть сладковатый запах горелого человеческого мяса.

Старлей отвернулся, не в силах больше созерцать это зрелище. Он никогда не любил смотреть на жертв безумной ста-

рухи с косою в руках, а когда война и смерть забирали жизни детей, он вообще не мог совладать с нервами.

Вокруг советских солдат выли, плакали и кричали что-то афганцы, потрясая кулаками и насылая на их головы самые страшные проклятия. Разобрать что-нибудь конкретно в этом шуме было невозможно, и Сашка завопил, ни к кому конкретно не обращаясь, но стараясь перекричать бесновавшуюся толпу:

– Что случилось? Мина?

Какая-то сгорбленная старуха подползла на коленях прямо к нему, с ненавистью простирая в его сторону руки и бормоча проклятия.

– Что здесь такое? Ответит кто-нибудь? Кто-нибудь понимает здесь по-русски?

К нему степенно подошел седой старик и, обернувшись к толпе, властно вскинул вверх руки и что-то гортанно прокричал. Сразу же установилась тишина, прерываемая лишь частыми всхлипываниями и женским плачем.

Старик снова повернулся к Банде и внимательно всмотрелся в глаза старшего лейтенанта. Что-то в них внушило, видимо, ему доверие, и старик спросил:

– Шурави – офицера?

– Да, я офицер, командир, – кивнул в ответ Сашка. – Что здесь произошло?

– Не душмана, не моджахеда! – старик сделал движение головой в сторону догоравшей машины. – Не душмана! Со-

всем не душмана!.. Ваша! Шурави! – показал он теперь в сторону их блокпоста и красноречиво вскинул руки, будто держа воображаемое оружие. – Пух! Пух! Не моджахеда!

– Сашка, пошли на заставу, там разберемся, – дернул его за рукав Востряков. – Кажись, если я правильно понял, наши их подстрелили.

– Пошли.

Они снова вернулись к укрепленному посту. В настежь распахнутых воротах, окруженный перепуганными бойцами, стоял старший прапорщик Власовчук, командир этого взвода.

Куртка его была расстегнута, на портупее болтался ремешок, мешком висела сбившаяся на животе тельняшка, совершенно выгоревшие волосы были всклокочены, а на лице блуждала странная, почти безумная улыбка. В правой руке он за рукоятку держал гранатомет. Но более всего поразили Банду его глаза – красные, как у кролика, и абсолютно невменяемые.

– Товарищ старший лейтенант приехали нам на смену. И целый взвод с собой привели. Как мы рады... – начал было Власовчук, но Банда тут же резко осек его:

– Отставить! Товарищ старший прапорщик, доложите, что здесь произошло?

– Да ничего, Сашка, особенного, елы-палы...

"Духа", в натуре, подстрелили...

– Ты что, скотина, пьяный?! – Сашка почувствовал, как

ненависть красной пеленой застит ему глаза. Он сам боялся себя в таком состоянии. Он кричал, чуть не срывая голос, чувствуя, как сами, помимо воли, сжимаются его кулаки. – Ты пьяный, спрашиваю?..

– Банда, ну чего ты? Кончай, в натуре, начальника строить...

– Молчать! – заорал Бондарович, и Власовчук почувствовал, видимо, что-то необычное в его лице и в голосе.

Прапорщик, на глазах трезвея, бросил на землю гранатомет и непослушными пальцами старался нащупать пуговицы своей куртки, пытаясь ее застегнуть.

– Старший сержант Мордовии, ко мне! – приказал старлей, вызывая из толпы окруживших их солдат заместителя командира третьего взвода.

Парень тут же подбежал к нему, по-уставному вскинув руку:

– Гвардии старший сержант Мордовии по вашему приказанию прибыл! – четко доложил замкомвзвода, и по выражению его глаз Банда вдруг сразу понял, что произошло что-то действительно страшное.

– Что здесь случилось? Доложите!

Сержант замаялся, и Сашка схватил его за грудки, а затем потряхнул так, что парень ростом под метр девяносто зашатался как хлипкий мальчишка.

– Говори все! Приказываю!

– Товарищ старший прапорщик во время несения службы

нашим взводом выпил, наверное.

– Что ты гонишь, сука?! – завопил Власовчук, и Банда, отпустив сержанта, бросился к нему, скривив лицо в страшной гримасе:

– Заткнись!.. А ты продолжай! – снова повернулся старлей к Мордовину.

– Ну, по дороге ехал этот... Товарищ гвардии старший прапорщик выбежал из ворот, давай останавливать машину...

– А он не остановился на мои требования!.. – снова начал доказывать что-то Власовчук, но осекся, наткнувшись на страшный взгляд Банды.

– Что было дальше?

– Товарищ старший прапорщик схватил гранатомет – и давай пулять из него. С третьего раза положил...

Банда медленно-медленно начал поворачиваться к Власовчуку.

– Мордовиин, кто в это время находился на посту на внешнем охранении?

– Рядовой Павлытько, товарищ гвардии старший лейтенант.

– Павлытько, ко мне!

– Я!

– Из машины стреляли? – старлей не сводил глаз с прапорщика, испепеляя его взглядом.

Рядовой буквально на мгновение замялся, но этого хва-

тило, чтобы Банда снова сорвался на крик:

– Стреляли, твою мать, или нет, я спрашиваю?

– Никак нет, товарищ гвардии старший лейтенант!

– Ты рассмотрел, кто ехал в машине?

– Так точно!

– Кто?

– Семья ихняя ехала... Наверное... Там же полная машина была – дети, бабы... Тряпья всякого...

Баран на крыше лежал связанный...

– Чего от них хотел прапорщик?

– Не знаю, товарищ старший лейтенант... Ну он кричал что-то такое типа: я знаю, что ты духанщик... Вот...

– Точнее!

– Я не слышал...

– Не трынди! Отвечай!

– Ну... Водки просил...

Власовчук аж попятился, видя, как медленно и неотвратимо, словно танк, надвигается на него Банда, переполненный жуткой, нечеловеческой яростью.

– Так ты, значит, еще не напился, гад? Тебе мало было? Догнать хотелось? И за это – по детям из гранатомета, значит? Так?

– Сашка, ты чего? Ты – серьезно? – забормотал перепуганный прапор, упершись спиной в стену из мешков. Дальше отступать было некуда, и Власовчук прямо на глазах стал как-то ненатурально съеживаться, тем больше, чем ближе подхо-

дил к нему Банда. – Сашка, я же "духа" подстрелил!

Бондарович встал перед ним, несколько секунд пристально, будто прицеливаясь, смотрел прапорщику в глаза и вдруг резко вскинул руки. Власовчук съежился и прикрыл лицо руками, ожидая удара, но Сашка вместо этого схватил его за погоны и сильно рванул, с мясом оторвав.

– Сука! – страшно прошипел старлей, швыряя погоны в лицо перепуганному прапорщику. А потом Банда стал пятиться, не спуская глаз с Власовчука. Солдаты расступались, освобождая ему путь, и постепенно образовался живой коридор длиной метров в пять, на одном конце которого стоял Банда, а на другом спиной к стене – Власовчук.

– Именем Правительства Союза Советских Социалистических Республик... – начал Банда тихо-тихо, и сразу же на блокпосту повисла мертвая тишина, как будто в преддверии чего-то ужасного. – За мародерство, за преднамеренное убийство мирных жителей, за грубое нарушение всех правил и принципов советского воина-интернационалиста...

– Сашка, да ты что?! – ужас в глазах прапорщика был поистине животным.

– За то, что этот гад, служивший вместе с нами, опозорил, невинной кровью замарал святое имя советского солдата и гвардейское знамя нашей части... За то, что детей – из гранатомета...

– Сашка... Товарищ гвардии старший лейтенант! Вы что надумали? – голос Власовчука дрогнул и сорвался на про-

тивный тонкий визг.

– Александр, успокойся! Перестань! – попробовал было успокоить друга и Востряков, но Банда даже не повернул головы в его сторону.

– За пьянство при выполнении боевого задания во время несения караула на блокпосту... За нарушение всех правил и норм боевого устава, Устава внутренней и караульной службы Вооруженных Сил СССР... За невыполнение приказа командования в боевых условиях...

– Ребята, да что же вы стоите?! Да мы же вместе с вами пули ловили и кровь проливали!.. Он же с ума сошел!.. Ну вы же все знаете меня! – Власовчук уже плакал навзрыд, слезы катились по его загорелому лицу, но солдаты стояли молча, не шевелясь, скованные странным чувством справедливости, высшей человеческой справедливости этого суда.

– Я приговариваю бывшего гвардии старшего прапорщика нашего разведывательного батальона Власовчука к расстрелу! – Банда сорвал с плеча автомат и передернул затвор. Солдаты в ужасе бросились врассыпную. Живой коридор распался буквально в один миг, оставив Власовчука у стенки из мешков в полном одиночестве.

Бондарович вскинул автомат, но в этот момент Востряков с силой ударил старлея по рукам сверху, пригибая ствол оружия к земле.

Очередь получилась совсем короткой, но все равно прицельной: пули веером взметнули фонтанчики песка, пробив

мешки прямо на уровне коленей приговоренного к расстрелу, и Власовчук упал как подкошенный. Он громко кричал, стонал и ругался, валяясь в афганской пыли, с каждой секундой намокавшей от вытекавшей из его ног крови.

Банда в ярости повернулся к Вострякову, уткнув ствол "калашника" ему прямо в живот.

– Чего лезешь?!

– Саша, перестань. Успокойся, Саша! Слышишь? Пусть все решает прокуратура... Это их дело.

Мы же – не органы, – лейтенант говорил тихо и вкрадчиво, одновременно осторожно забирая автомат у Банды.

И Бондарович будто очнулся. Он молча отдал автомат и ушел на заставу, в офицерское укрытие.

– Ну чего стали? – прикрикнул Востряков на совершенно растерявшихся и обалдевших разведчиков. – Быстро перевязать прапорщика! Сделать ему укол. Подготовить к транспортировке в гарнизон.

Уложить в бэтээр второго отделения... Замкомвзвода приступить к сдаче-принятию поста!..

А сам поспешил в укрытие следом за Бандой.

Местные жители, тоже ставшие невольными свидетелями этой сцены, некоторое время еще постояли в отдалении, а потом, удивленно покачивая головами и тихо переговариваясь, начали постепенно расходиться...

В гарнизоне, в Хайратоне, Банда сам обо всем доложил комбату. Подполковник сначала схватился за голову, а по-

том, самолично разоружив Бондаровича, на несколько суток отправил его на гауптвахту.

Делом старшего лейтенанта Александра Бондаровича, обвинявшегося непонятно по какой статье – то ли в неправомерном применении оружия, то ли в совершении самосуда, то ли в попытке преднамеренного убийства, – занимался майор-особист. Ох, и помотал же он Сашке нервы, пока оформлял эти свои бесконечные протоколы! По десять раз заставлял Банду пересказывать одно и то же, каждый раз прося расписаться под протоколом допроса.

– Старлей, слушай, – сказал он как-то вечером, закончив очередной допрос и закрывая папку с документами, – а ведь тебе по разным статьям трибунал от пяти до десяти усиленного режима впясть может. Ты это понимаешь?

– Да уж, понимаю... Теперь.

– Ты вот что, парень... Скажи спасибо мне да своему комбату. Может, кое-что у нас с ним и получится. Но только тогда одной бутылкой ты не отделаешься! – как-то странно подмигнул Сашке майор и ободряюще улыбнулся.

А еще через несколько дней Сашку под конвоем доставили с гауптвахты в штаб их батальона.

– Вы свободны, – отпустил подполковник, их комбат, конвоира и взглядом указал Банде на стул напротив своего стола. – Садись, Бондарович.

Когда Банда сел, комбат достал из стола пистолет и бросил парню через стол.

– Твой. Держи. И скажи спасибо Богу, что майор в особом отделе несволочной попался.

– Товарищ гвардии подполковник, я что-то вас не совсем понимаю... – растерянно вертел Сашка в руках оружие, не врубаясь, к чему клонит комбат.

– А что тут не понимать? Несчастный случай произошел с гвардии старшим прапорщиком Власовчуком; Он все указал в своем рапорте. Вот комбат вытянул из стола какую-то бумажку, – цитирую: "По неосторожности я прострелил себе ноги, перезаряжая автомат"... Теперь, надеюсь, тебе все ясно, старлей Бондарович?

– ...

– Ладно, нечего пялиться на меня как баран на новые ворота. Не видел давно, что ли?... Сейчас я тебя, товарищ ротный, познакомлю с твоим новым командиром третьего взвода. Но вообще-то это не главное.

Комбат расстелил на столе карту.

– Смотри сюда... Как тебе известно, готовится крупный рейд. Перед нашим батальоном поставлена задача – расчистить перевал и вот этот квадрат, – он ткнул карандашом в какую-то точку на карте. – На твою роту я возлагаю самую ответственную задачу, так что подвигайся. Банда, ближе и слушай меня внимательно...

А водку они выпили. Потом. После рейда. С комбатом, с тем майором-особистом и с Востряковым, который оказался первым и наиглавнейшим свидетелем того несчастного слу-

чая, который приключился с таким неосторожным гвардии старшим прапорщиком Власовчуком.

Ведь на войне как на войне – всякое случается...

* * *

В небе над нами горит звезда.

Некому кроме нее нам помочь.

В темную, темную, темную

Ночь...

Банда даже не заметил, как проскочил границу – ни столбов, ни шлагбаума, ни тем более классической "колючки" или контрольно-следовой полосы.

Мелькнул, правда, на обочине в свете фар какой-то вагончик. Может, это и был пограничный переход с таможенной службой, но его автомобилем, по крайней мере, никто не заинтересовался.

Вообще парень понял, что он уже в Узбекистане только тогда, когда в дальнем свете фар вдруг неожиданно высветился знак "Самарканд – 46 км".

Он хорошо изучил географию этого проклятого края еще тогда, когда их дивизию вместе со многими остальными боевыми частями в отличие от штабов вывели из Афгана и бросили здесь, в степи, неподалеку от Шерабада, несколько месяцев гнить в палатках.

В те дни от бесконечного ничегонеделания и полной бес-

просветности они все только и делали, что пили горькую, ко-
леся за ней на армейских УАЗах за сотни километров, объ-
ездив все окрестные города и кишлаки.

Сейчас Сашке как нельзя кстати могли бы пригодиться
давние связи и знакомства, которые завелись у него в этих
краях и деньгами укрепились в те сумасшедшие послеаф-
ганские времена. А потому, быстро долетев по ночному пу-
стынному шоссе до Самарканда, парень без раздумий свер-
нул налево, на юг, практически наугад проплутав по узким
улочкам города, выехал на дорогу, ведущую в Шахризабс.

Ему просто до зарезу нужно было попасть в Дехканабад.
И желательно до рассвета: слишком рискованное это дело –
разъезжать на такой тачке, как "мицубиси-паджеро", не имея
ни номеров, ни Документов, зато заполнив машину оружием
чуть ли не под самую, что называется, крышу.

Бондаровичу надо было срочно легализоваться, чтобы да-
лекий путь домой, в Россию, прошел более-менее спокойно,
без особых приключений.

А помочь ему, видимо, способен был только Турсунов –
чайханщик из Дехканабада, старый и толстый узбек с узки-
ми, хитро прищуренными и постоянно бегающими туда-сю-
да глазками.

Тогда, в дни их степной жизни, Турсунов стал для офице-
ров настоящим спасением. Он умел все.

Он мог достать немереное количество водки даже в дни
самого большого мусульманского праздника.

Мог поставить эту самую водку в кредит, почему-то доверяя им, офицерам-"афганцам". Он мог купить у них пару гранат или сотню патронов к "калашнику", не задавая лишних вопросов и не ломаясь, не корча из себя особо законопослушного гражданина. Даже девочек, если им сильно хотелось, он доставал как из-под земли – стройных, красивых, томных и, самое главное, здоровых, за все время сладких утех не наградивших никого из них разными нехорошими болезнями.

Теперь Сашка надеялся, что если только Турсунов жив-здоров, он обязательно поможет...

Ночь беспросветной мглой окутывала все вокруг. Мертвенный бело-желтый круг света, который гнала перед собой по дороге "мицубиси", мерно покачивался и подрагивал, назойливо напоминая Сашке про совершенно сумасшедший прошедший день, про усталость и про возможность и даже необходимость такого сладкого, такого желанного сейчас сна.

Пока машина сразу же после Самарканда шла в гору, преодолевая предгорья Зеравшанского хребта, частые повороты дороги еще помогали парню как-то справляться с усталостью, но через чае; скатившись в долину, Сашка как-то вдруг сразу понял, что очень даже запросто может заснуть прямо за рулем.

Заметив, как вырвали фары из темноты очередной дорожный указатель, Банда остановил возле него джип и вышел из

салона, выключив двигатель и магнитолу.

Он полной грудью вдохнул пьянящий южный воздух, уже успевший остыть после жаркого дня, и прислушался к ночи.

Он любил слушать ночь. Особенно здесь, на Востоке.

В этих краях ночи не бывали безмолвными. Вот и сейчас уши сразу же уловили знакомый звук то ли далекого рычания, то ли какого-то размеренного грохота – значит, где-то неподалеку стремительная горная речка, постепенно успокаиваясь, разливалась по долине, все еще шипя и пенясь на камнях и порогах.

Темнота доносила и массу других звуков – ритмичное пощелкивание цикад, какие-то вздохи, стоны, приглушенные крики. Эта земля оживала имен" но по ночам, когда уходило на покой солнце, и звуками этой жизни наполнилась ночь. Неожиданно громко что-то булькнуло в остывающем двигателе автомобиля, и Сашка вспомнил, что приехал сюда отнюдь не ради ночных вздохов и шорохов.

Он подошел к указателю.

Если верить знаку, то получалось, что он буквально в двух километрах от Китаба и Всорбка – от Шахризабса. Память тут же услужливо напомнила, что от Шахризабса до Гузара еще сотня, а потом до Дехканабада уже и рукой подать – меньше пятидесяти.

"Итого – около двухсот километров. Если стараться "сотку" держать, минус проезд кишлаков и городков, где скорость так или иначе придется сбрасывать, плюс прямые

участки, где можно и "притопить", – получается часа два – два с половиной", – подытожил Банда.

Он вернулся к машине и сел за руль, захлопнув за собой дверцу.

Тишина в салоне "мицубиси" вдруг испугала его.

Она показалась ему подозрительно спокойной, неестественной в этом бурном, идиотском, сумасшедшем мире. Она вселяла в сердце глухую тревогу и какую-то неуверенность в хэппи-энде всех его приключений, и для того, чтобы нарушить, взорвать эту коварную тишину звуконепроницаемого салона, Сашка что есть мочи крутанул регулятор громкости приемника, судорожно нащупывая на цифровом индикаторе волну "Маяка".

Вот он.

"Не слышны в саду даже шорохи... Пип-пип-пип... Московское время – четыре часа утра. Говорит "Маяк"..."

Сашка невольно взглянул на часы – точно. Его старый надежный "Ориент", настоящий, купленный еще в "Березке" за шестьдесят чеков, старательно показывал час ночи по местному поясному времени.

– Два с половиной часа пути. Значит, к половине четвертого буду уже в Дехканабаде. Отлично, даже выспаться успею! – вслух самому себе сказал Банда и, снова включив кассету с песнями Цоя, повернул ключ зажигания. – Вперед...

И я вернусь домой.

Со щитом,

а может быть, на щите.

В серебре,

а может быть, в нищете

Но как можно скорей.

Востряков "получил свое" неожиданно и, что самое обидное, не вовремя.

Все уже было кончено.

Просидев в Афгане десять лет и обильно окропив горы этой земли своей кровью, советские войска бесславно покидали эту землю. Уже никого не осталось на юге страны, под Кандагаром и Калатом.

Уже ушли все из Джелалабада, оттянувшись к Кабулу. Уже, по слухам, сворачивались в Герате, отходя в Кушку. Но их батальон все еще воевал, действуя практически автономно, в отрыве от всех остальных, обеспечивая проходы колонн и разведку перевалов.

Их на "вертушках" перебрасывали с места на место по два-три раза в неделю, и парни просто не успевали запоминать названия кишлаков, долин, гор и хребтов, может быть, в последний раз переходивших под контроль шурави.

Сашка водил свою роту осторожно, спокойно, без лишне-

го риска и авантюризма. Мало того, что ротный поклялся сам себе вывести отсюда как можно больше живых, – чувствовалось, что настроение у его ребят уже не то. Они стали нервными, психованными, легкое ранение товарища воспринимали с завистью, а смерть – с яростью, в дикой ненависти грома засады "духов" и даже старательно добивая раненых. Тактика Бондаровича: не лезть на рожон, четко просчитывать любой ход и любую внештатную ситуацию вкупе со слаженностью бойцов и великолепным знанием каждым своего дела – все это приносило свои плоды, и рота Банды была, пожалуй, самой укомплектованной в батальоне, а может, и во всей их десантно-штурмовой дивизии особого назначения.

И все же не зря говорят: сколько веревочке ни виться – конец будет.

...То утро не предсказывало никаких проблем – все было просто и ясно как божий день. Рота получила боевой приказ в составе двух взводов выдвинуться на расстояние до пятнадцати километров и занять высоту в определенном квадрате, обеспечив тем самым беспрепятственный проход через перевал колонны живой силы и техники.

Все было привычно. Воздушная разведка каких-либо сил противника в том квадрате не обнаружила, единственная опасность могла поджидать на той самой определенной командованием высоте – какой-нибудь небольшой отряд "духов" вполне мог рассеяться на этой стратегически важной

точке, поджидая, когда появятся на дороге жертвы. А потому три бэтэера роты Бондаровича спокойненько и беспечно, вздымая над дорогой тучи пыли, на максимальной скорости неслись в указанный квадрат. Бойцы, рассевшись на броне, хоть и сжимали по привычке направленные на обочину автоматы, все же курили и веселились, расслабившись на ласковом утреннем солнышке.

Они не прошли, наверное, еще и половины пути, как все это и произошло.

Взрыв огромной силы, вмиг поглотивший натужный рев двигателей бэтэеров, сотряс машину Вострякова, шедшую первой. От резкого торможения Банда чуть не свалился в люк, но, удержавшись, поднял глаза и содрогнулся.

Бэтээр Вострякова напоролся на мину. Бойцы как горох покатались с брони в разные стороны, а из-под левого бока машины повалил густой черный дым.

Банда заметил взводного – тот прыгнул внутрь бронетранспортера, и через несколько мгновений распахнулся боковой люк и оттуда кубарем выкатился солдат, с обезумевшим от ужаса лицом бросившийся к пока еще неповрежденным бэтэерам.

В этот же миг, слетев откуда-то сверху, с горы, мелькнула яркая молния выстрела из гранатомета, и взрыв раздался уже чуть позади Банды, у замыкавшей их дозор машины.

Сашке даже не надо было отдавать команду – его бойцы без подсказок своих взводных и ротного уже рассыпались по

обочине, ведя прицельный огонь по огневым точкам "духов" и короткими перебежками двигаясь вверх, на склон. Весело затараторили крупнокалиберные пулеметы бэтээров, и Сашка, спрыгивая вниз, в люк, успел заметить, что стреляет и машина Вострякова.

– Быстро вызови "вертушки"! – крикнул ротный водителю. – Сами можем не справиться, мать ихнюю! Доложи комбату – один бэтээр подбит, напоролся на мину. Есть раненые. Пусть быстрее пришлют помощь!

Когда он снова выскочил на броню и спрыгнул, осматриваясь, на землю, его сердце больно, по-живому, резануло чувство неотвратимой беды: бэтээр Вострякова уже молчал, и из открытого люка водителя наружу пробивались языки пламени. Большинство ребят первого отделения первого взвода, сидевших во время взрыва на броне и послетавших на землю, уже вряд ли когда-нибудь пошевелиятся – стрельбы с того фланга совершенно не было слышно, а неподвижные фигурки солдат застыли в афганской пыли в неестественных позах.

Банда порадовался за второй взвод, который четко и грамотно атаковал противника на правом фланге, огнем пулеметов и гранатометов подавляя огневые точки "духов".

И все же силы были явно неравные. "Духи", по количеству в несколько раз превосходящие силы его неполной роты, занимали куда более выгодную позицию, сверху старательно и беспощадно поливая шурави огнем.

Банда принял решение немедленно отходить.

По радиации он отдал приказ командиру второго взвода лейтенанту Акулику прикрыть их и потихоньку концентрировать силы, готовясь к отходу, а сам подозвал командира второго отделения взвода:

– Анушидзе! Со своими – ко мне! Всех раненых и убитых оттуда, – он кивнул в сторону бэтэера Вострякова, – в машины! Выполняй!

Анушидзе еще не успел отдать приказ своим бойцам, как Сашка первым бросился к подбитому бронетранспортеру, стараясь зайти с защищенной от пуль "духов" стороны.

Он как вихрь ворвался в открытый бортовой люк бэтэера и нос к носу столкнулся со старослужащим рядовым Бурсаком, которого Банда хорошо знал как опытного и надежного солдата, – здоровенным детиной откуда-то с Полтавщины. Округлившимися от ужаса глазами парень таранился на Банду, зачем-то прикрывая голову руками, сжавшись на жесткой лавке машины в той типичной позе, которая лучше всяких слов объясняет, какой животный ужас испытывает человек, сворачиваясь в куколку эмбриона.

Особенно неприятно Банду поразил автомат Бурсака, валявшийся у ног солдата.

– Чего сидишь, блядь? Сгореть хочешь? – закашлявшись от едкого дыма, наполнявшего бэтээр, закричал Сашка. – Взял автомат – и на хрен отсюда! Раненых в машины таскай, сцыкун!..

Солдат не пошевелился, все с тем же выражением бешеного страха глядя на командира.

– Оглох, что ли? Эй, ты живой? – старлей сильно тряхнул бойца за плечо, и тот энергично закивал:

– Так точно! Там стреляют!..

– Притырок гребаный! Знаю, что стреляют! Пошел на хрен отсюда!

Банда с силой врезал парню куда-то в челюсть, и боль моментом вывела Бурсака из шока, – схватив автомат, он опрометью бросился вон из бэтээра.

Банда попытался осмотреться в едком черном дыму, заполнявшем чрево машины.

Обмякшее неподвижное тело Вострякова лежало на полу, под пулеметной башней. Видимо, это он стрелял из КПВТ, пока хватало на это сил.

Банда сгрел лейтенанта в охапку, чувствуя, что начинает задыхаться, и боясь потерять сознание, рванул что было мочи к выходу.

Они оба буквально вывалились из люка, прямо на руки подоспевших бойцов. Банда оттолкнул от себя Анушидзе, пытавшегося взвалить командира на плечи:

– Со мной все в порядке. Лейтенанта – в бэтээр!

– Всех уже собрали! – крикнул Анушидзе, и старлей удовлетворенно махнул головой:

– Отходим!

Они не успели даже доползти до своей машины, как из-за

вертушки нависшей над ними скалы вынырнула пара вертолетов, рокотом моторов перекрывая шум стрельбы.

– "Вертушки"!

Красиво развернувшись, вертолеты четко зашли на позиции "духов". Вспыхнул огонь под крыльями машин, и огненные хвосты реактивных снарядов с воем вонзились в гору, поднимая тучи огня, дыма, песка и камней как раз на том месте склона, где засели "духи".

Два захода – и все было кончено.

Взвод Акулика прочесал гору, как только "вертушки" ушли. Немногих из оставшихся в живых моджахедов, оглушенных и ничего не соображавших после ракетного обстрела, распаленные солдаты просто-напросто расстреляли.

– Противник уничтожен. Пленных нет. Рота потеряла убитыми пятерых, раненых шестеро, – доложил Банда комбату по рации. – Уничтожен один бэтээр, один поврежден.

– Он на ходу?

– Так точно. Оторвано колесо.

– Понял. Продолжайте выполнение боевого задания. Вам на помощь вышел уже твой третий взвод...

Комбат отбросил официальный тон и закончил уже совсем ласково, по-отечески:

– Сашка, милый, держись. Колонна на подходе!.. За ранеными в установленный квадрат я пришлю вертолет, ты не беспокойся. Так надо, Саша...

– Востряков ранен...

– Олег? Сильно?

– Не знаю еще, товарищ подполковник.

– Высылаю "вертушку". Держитесь, ребята! – И рация щелкнула, отключаясь...

Стратегическую высоту они заняли без проблем, не встретив больше ни одного "духа".

Из бэтээров бойцы вынесли убитых и раненых.

Пятерых парней положили отдельно, голубыми беретами прикрыв им лица. Почти все они были из первого отделения и погибли сразу при взрыве мины.

Банда построил остатки взводов, и гулким эхом пронесся по горам залп их прощального салюта.

Шестеро раненых лежали в тени одного из бронетранспортеров. Их уже успели осмотреть и на скорую руку перевязать. К счастью, ранения почти у всех были не слишком тяжелыми.

Только Корнеев, водитель востряковского бэтээра, которого взводный выбросил из машины сразу после взрыва, был не перевязан: у парня действительно не было ни царапины, но мощный взрыв контузил его, полностью лишив слуха. Он сидел, привалившись к колесу бэтээра спиной, и крутил головой, бессмысленно ворочая глазами и раз за разом что-то выкрикивая. Кто-то, кажется, Анушидзе, опустился на колени рядом с ним, заговаривая и пытаясь его успокоить.

Больше других досталось Вострякову. Его тоже контузило, голова была разбита, к тому же он получил огнестрель-

ное ранение грудной клетки. Оказалось, ко всему, что когда Банда вытягивал его, Олег уже начинал гореть, и его босые ноги теперь до колен были забинтованы.

Сашка сел рядом с ним, Востряков был в сознании, и его голубые глаза с благодарностью смотрели на Сашку. Хриплое дыхание вырывалось из груди, и судорога боли то и дело пробегала по его лицу.

– Сашка... – с трудом выговорил взводный.

– Молчи, Олежка, молчи! – Банда успокаивающе погладил Вострякова по руке. – Тебе сейчас никак нельзя говорить. Экономь силы.

– Я... не слышу... тебя... Но ты... послушай...

– Да помолчи ты лучше! – приказал Банда, прикладывая палец к губам.

Востряков через силу отрицательно мотнул головой, прося Бондаровича выслушать.

– Банда, я знаю... ты спас... никогда... не забуду... друг... никогда... слышь? – часто останавливаясь, проговорил раненый. – Жив если буду... И ты если... Всегда ко мне... в Сарны...

Силы, видимо, окончательно покинули парня, и взводный замолк, закрыв глаза и застонав от боли...

Банда обошел занятый его подчиненными рубеж, проверяя, скорее по привычке, чем по необходимости, как подготовились к отражению возможных внезапных нападений "духов" бойцы его роты.

Все было сделано четко, грамотно и аккуратно.

Даже старший сержант Анушидзе, взявший теперь, после ранения Вострякова, на себя командование первым взводом, отлично справился с задачей, правильно определив позиции дозорных, линии огня для каждого отделения и бэтэера.

Теперь солдаты востряковского взвода развалились, покуривая, в тени своих бронетранспортеров.

Банда сел вместе с ними, зажег сигарету и затянулся.

А потом он почувствовал что-то неладное – все курили молча, не произнося ни звука: не вспоминая бой, не подшучивая над "молодыми".

Сначала ротный решил, что это молчание – как память о погибших, как подсознательное чувство вины перед ранеными товарищами. Но по напряжению, которое буквально физически висело в воздухе, по взглядам, периодически бросаемым на спину сидевшего в отдалении Бурсака, Банда понял, что ребятам известно все – как трусливо прятался от пуль в брюхе бэтэера Бурсак, как сидел он рядом с истекающим кровью Олегом, бросив автомат и прикрыв голову руками, а потом, после того, как Сашка выгнал его из машины, убежал в другой бэтээр, невзирая на бой, на раненых и убитых товарищей, которых Анушидзе со своими бойцами эвакуировал из-под огня.

Бурсак теперь тоже молчал, ежась под взглядами ребят и поминутно меняя позу, как будто не в силах устроиться поудобнее.

И первым не выдержал молчания именно он:

– Ну что вы на меня все смотрите?! Ну да, не полез я под пули! Я дембель! Мне домой завтра! Не хочу я больше, ясно? Надоело мне! Я жить хочу!

Он кричал надрывно, страшно, стоя на коленях и повернувшись к своему взводу, и лицо его исказила ужасная гримаса.

А ребята все так же молчали, отводя глаза от труса, теперь уже как будто вообще не замечая его присутствия.

– Мужики, ну в самом деле! – сменил вдруг тон Бурсак, уже не огрызаясь, а будто уговаривая их. – Я же с вами служил столько месяцев... Я же не был трусом никогда, вы же знаете... Просто не понимаю, что на меня вдруг нашло...

Но видя, что ребята не реагируют на его слезливые увещевания, он снова сорвался на крик:

– Ну расстреляйте меня! Пусть сегодня в нашей роте еще одним трупом больше станет!

Банда заметил, как вдруг разом потемнели и без того черные глаза Анушидзе. Яростно сверкнув белками, грузин вскочил и гортанно, с сильнейшим акцентом, который всегда выдавал в его голосе ужасное волнение, с жуткой ненавистью оборвал изливания труса:

– Слышь, заткнись, а? Еще слово скажешь – убью! Панимаешь, а? Засунь свой паганый язык в жопа, понял, а?

Бурсак осекся на полуслове, а потом упал лицом в землю, громко и горько расплакавшись...

...А Востряков нашел Банду, прислав из госпиталя письмо. Одно, второе, третье... Они часто переписывались, пока Сашка еще служил в армии.

Олега списали, отправили в отставку. Для строевой службы после ранения он не годился уже надолго, да и сам Востряков особого желания служить уже не испытывал.

Он уехал к себе домой, к матери, в маленький районный городок Сарны, где в доме на зеленой тенистой улочке начал новую мирную жизнь.

Олег часто и настойчиво звал Сашку к себе. Он знал, что Банда сирота, и готов был помочь всем, чем только сможет, чтобы его ротный вписался в гражданскую жизнь.

Сашка и сам часто подумывал уехать к Вострякову, но жизнь закрутила его, завертела так, как не мог и представить в Афгане никто из них...

* * *

Здесь непонятно,

Где лицо, а где

– рыло.

И непонятно,

Где пряник, где

– плеть.

Здесь в сено не втыкаются

вилы,

*А рыба проходит сквозь
сеть...*

Все получилось так, как Банда и предполагал...

В половине четвертого Сашка уже подъезжал к Дехканабаду.

Город начинался постепенно, с традиционных дувалов и глинобитных хижин без окон – как будто несколько кишлаков вдруг срослись, сплелись в одно целое. И только в центре этого сгустка типичных узбекских деревень вдруг появилась откуда ни возьмись стандартная площадь городка районного масштаба, на которой сгрудились и памятник Ленину, и здание райкома, и универмаг с почтой и пародией на Дом быта, и странный здесь, на Востоке, Дом культуры, своими огромными окнами и фасадом с колоннами нагло и тупо смотрящий прямо на мечеть.

Сашка знал этот маленький забытый Богом городок очень хорошо, а потому без труда отыскал на окраине подходящую тихую улочку и, остановив машину и выключив двигатель, заблокировал все двери изнутри.

Он извлек из-под сиденья бутылку джина, предусмотрительно захваченную еще в лагере, кусок хлеба, консервы и как следует то ли поужинал, то ли позавтракал, приняв, как лекарство от усталости, сто граммов крепкого напитка.

Затем парень опустил спинку сиденья и, закрыв глаза, тут же уснул, чтобы проснуться через пару часов...

После шести утра город оживал. Мычал и блял домаш-

ний скот. Женщины брели за водой. Кто-то волок на базар тележку с фруктами. Из дворов доносились крики, и стелился по улицам сладкий дым из печей, в которых уже пеклись пресные, но удивительно вкусные, пока горячие, лепешки.

Весь этот утренний шум-гам разбудил Банду.

Но, взглянув на часы, парень резонно решил, что в чайхану отправляться еще очень рано, а потому, снова откинувшись на спинку сиденья, выкурил сигарету и закрыл глаза, пытаясь если не поспать, то хоть слегка подремать.

В половине девятого он окончательно отогнал от себя сон, вынул из бардачка документы на машину – техпаспорт и права Ахмета – и, отсчитав десять стодолларовых бумажек, положил их отдельно от остальных денег в карман брюк. Затем проверил, как закреплен на плече под курткой "узи", положил в карман пистолет Макарова, еще раз убедился, что весь его остальной арсенал старательно упрятан под сиденьями, и вышел из машины, тщательно закрыв все окна и двери. Он понимал, что "мицубиси" в этой дикой стране была его единственным шансом на спасение и ее нужно было беречь, что называется, как зеницу ока.

Он отправился в чайхану пешком, не желая лишний раз засвечиваться в центре города на такой приметной машине, как "мицубиси-паджеро".

В начале десятого Банда, пригнувшись у низкой прито-локи, перешагнул порог почти пустого в эти утренние часы заведения. Он взглянул за стойку и сразу почувствовал,

как радостно вздрогнуло и забилося его сердце – хозяином здесь так же, как и тогда, несколько лет назад, был Турсунов, все такой же толстый, лоснящийся, довольный и удивительно хитрый.

– Салам алейкум! – не удержавшись, крикнул Сашка с порога, радостно направляясь к чайханщику.

– Алейкум ассалам... – озадаченно пробормотал толстяк, не узнавая этого пыльного и грязного исхудавшего русского, который вел себя так странно, будто они знакомы, по крайней мере, не один год.

– Что, Турсунов, аль не признаешь?

– Нет, уважаемый, что-то не припоминаю...

– А старшего лейтенанта Банду не помнишь? А "море водки, пива таз" забыл? А сколько девочек хороших в моих объятиях ты, изверг, погубил? – Банду понесло – он даже вдруг заговорил чуть ли не стихами.

– Ай-ай-ай! Банда!.. – расцвел наконец-то в улыбке Турсунов, а его и без того узкие глаза совсем сжались в еле заметные щелочки, почти исчезнув на толстом откормленном лице. – Заходи-заходи, гость дорогой! Давно мы с тобой не виделись, уважаемый Банда!

– И то правда – давненько!

Они обменялись рукопожатием, на восточный манер пожимая обе руки сразу, и ласково потрепали друг друга за плечи как старые хорошие друзья.

– Каким ветром в наших краях, старлей Банда?

Что, девушки наши сильно понравились? Может, невесту ищешь? Так за неверного никто замуж не пойдет, ты такого калыма век не соберешь! – весело ржал Турсунов, усаживая Банду за низенький столик у стены – на самом почетном месте.

– Нет-нет, старый хитрец, мне твои девушки не нужны... Ты мне нужен.

– Так-так!..

Турсунов вмиг посерьезнел, и маленькие глазки его стали еще меньше, опасливо забегав по сторонам – верный признак того, что рыбка клюнула, что он явно заинтересовался, какая проблема могла привести к нему Банду.

– Важное дело, старик, – веско сказал Сашка, глядя чайханщику прямо в глаза.

– Хорошо, дорогой! Но про дело – потом, сначала – кушать. Плов горячий будешь?

– Спасибо, не откажусь!..

Когда тарелка жирного, с огромными кусками баранины, плова опустела, и Сашка устало откинулся на подушки, Турсунов загадочно поманил его пальцем:

– Пошли, уважаемый, в те комнаты. Там хорошо про дела говорить, – позвал его старый хитрец куда-то в глубину помещения, за стойку.

Они прошли через кухню и оказались в небольшом, со всех сторон огороженном дворике, располагавшемся позади чайханы и совершенно невидном с улицы. Турсунов провел

его в маленькую тенистую беседку, где столик был уже накрыт сладостями и стоял заварочный чайник с готовым ароматным зеленым чаем. Разлив напиток по пиалам и как следует устроившись, Турсунов наконец-то показал, что он – весь внимание.

– Мне сильно нужна твоя помощь, – начал Банда. – Дело, конечно, не простое, я понимаю. Но плачу сразу.

– Долларами? – Турсунов был, как всегда, конкретен и деловит, и это понравилось Сашке.

– Ну, дорогой, а чем же еще?!

– Говори, какое дело?

– Мне надо оформить доверенность на право управления и распоряжения машиной – так называемую генеральную доверенность. Вот права хозяина, вот техпаспорт, – он протянул Турсунову документы.

– О-о! "Мицубиси-паджеро"! Хорошая машина, очень хорошая, красивая, сильная, – Турсунов аж причмокнул языком от удовольствия.

– Это можно сделать?

– А почему хозяин не пришел? – хитрый глаз старика быстро скопился в сторону Банды, и парень понял, что такими намеками узбек попытается вывести его из равновесия и запросит как можно больше денег.

– Послушай, хозяин заболел... А вообще ты меня давно знаешь и знаешь, что я не подведу... – Бондарович не спеша отхлебнул из пиалы. – Короче, мне нужна доверенность на

мое имя, оформленная чин-чинарем, а также сто пятьдесят литров бензина. Хорошего бензина, сам понимаешь.

– Да-да-да-да... Уважаемый, это все можно, но это все дорого...

– Послушай, старик, если все это ты сделаешь к сегодняшнему обеду, можешь назвать любую цену.

Глаза старика снова забегали, и теперь Банда был полностью уверен, что все получится.

– Конечно-конечно... Какая любая цена?! Мне ничего не надо! Я только для старых друзей стараюсь... Ну, доверенность – триста долларов, бензин – сто долларов... – старик загибал пальцы, говоря с остановками и присматриваясь к реакции Сашки, стараясь не прогадать. – Мне, старику, на пенсию – пятьде... нет, сто долларов. И к обеду, уважаемый, все документы у тебя будут совсем хорошие!

Банда, не торопясь, с видом стопроцентного миллионера, вынул из кармана брюк деньги и, отсчитав пять бумажек, протянул чайханщику.

– На, держи... Если все сделаешь быстро и хорошо, да еще и еды мне в дорогу соберешь, получишь дополнительных сто баксов на пенсию. Понял? – Банда пошелестел стодолларовой бумажкой, держа ее в пальцах перед жадными глазами узбека – Только я тебя прошу – очень постарайся, Турсунов, сильно хорошие документы должны получиться – О, какой разговор! Может, отдохнешь у меня, дорогой гость? Поспи, сил наберись... – ласково ворковал чайханщик, пряча деньги

куда-то в бесконечные недра своего халата.

Банда знал хитрого старого черта. А потому решил не рисковать.

– Нет, спасибо, я пойду погуляю.

Он взглянул на часы:

– Почти одиннадцать. До четырех успеешь?

– Про что разговор! Конечно, все будет сделано, как ты хотел, старлей Банда.

– Ну вот и ладненько... Значит, в четыре я сюда за документами заеду.

Сашка встал и направился к кухне, намереваясь через чайхану снова попасть на улицу, но старый узбек опередил его, протестуяще преграждая дорогу:

– Подожди, уважаемый! Зачем туда? Зачем чужой глаз чтобы смотрел?.. Тебе это надо? Мне тоже не надо!.. Пойдем-пойдем! – он пальцем поманил Банду в глубь двора, затем к стене, и парень заметил вдруг совсем маленькую калитку, высотой метра в полтора, выходящую, как оказалось, на параллельную, совершенно глухую улицу.

– Молодец, старик, настоящим конспиратором стал! Раньше вроде посмелее был?

– Э-э, время такое, дорогой! Много-много бандитов стало. Молодежь пошла – за одного барана мать родную прирежут. Тебе это надо? – снова повторил Турсунов свой вопрос, суетливо отпирая замок. – И мне не надо! Ты в четыре часа сюда тоже приходи. Я буду здесь ждать. Вот так, – он ко-

стяжками пальцев четыре раза ударил в дверь, – постучишь – я тебе, уважаемый, сразу и открою Хорошо?

– Договорились. Ну пока!

Банда уже согнулся чуть ли не вдвое, чтобы пролезть под низенькой притолокой калитки на улицу, как вдруг будто вспомнил что-то и снова повернулся к Турсунову, внимательно посмотрев ему в глаза.

– И вот что, старик. Ты не обижайся, но время – сам сказал! – сейчас такое – Бондарович вытащил из-за пояса сзади пистолет и, как будто взвешивая его на руке, поднес к самому лицу чайханщика:

– Ты уж гляди, Турсунов, без шуток. Мне, понимаешь ли, терять нечего – я тебя, ежели что, из-под земли достану!

Турсунов часто-часто закивал:

– Ну что ты, гость уважаемый! Обязательно все сделаю, как надо, ты же меня знаешь! Я тебя хоть раз подводил? Так не обижай старого человека!

– А ты и не обижайся. Это я тебе так сообщил, на всякий случай, для информации, – бросил Банда, засовывая пистолет за пояс и, снова согнувшись в три погибели, выбрался на улицу. – Не забудь и не перепутай – ровно в четыре я буду здесь. Откроешь...

* * *

Вечером того же дня после очень сытного и веселого ужи-

на в чайхане Турсунова Бондарович выруливал на трассу, ведущую в Карши.

Старик не подвел – доверенность действительно получилась отличная. Покойный Ахмет перевернулся бы в гробу, если бы знал, что спустя день после смерти он с радостью поручил своему убийце распорядиться своим же автомобилем, даже с правом передоверия и продажи.

Бензобак "мицубиси" теперь был полон, и в багажнике тяжело и сытно плескались пять стандартных канистр, заполненных отличным высокооктановым "девяносто пятым" бензином, судя по приятному, чуть приторно-сладкому запаху – финским.

Банда даже не представлял себе, откуда в этой глуши могло взяться такое великолепное топливо – он мечтал получить хотя бы неразбавленный "семьдесят шестой".

На заднем сиденье в огромных свертках лежала провизия, заготовленная щедрой рукой чайханщика, честно заработавшего дополнительных сто долларов "к пенсии". Старик зачем-то сунул Банде несколько бутылок водки "Смирнофф" с синей этикеткой – пятидесятиградусной.

Парень смело вел теперь уже свою машину, не остерегаясь ни милиции, ни таджикской мафии, и "мицубиси" жадно и страстно поедала километр за километром, все дальше увозя своего нового хозяина от кошмара прожитых дней и все ближе подвигая его вперед, навстречу совершенно неизвестному и непредсказуемому будущему.

Он снова включил магнитолау, в который раз слушаая одну и ту же кассету.

*Наше будущее —
туман,
В нашем прошлом —
то ад, то рай...*

"Ну что ж! – улыбнулся Бондарович. – Будущее, несомненно, в тумане, но хуже, чем то, что хлебнул я здесь, вряд ли где еще увижу!"

*Начинается
новый день,
И машины —
туда-сюда,
Раз уже солнцу вставать
не лень,
И для нас,
значит, —
ерунда.*

"Даст Бог, так и будет!"

До Бухары оставалось километров триста. По пустынной равнинной дороге "паджеро" с легкостью съедал такое расстояние часа за два...

Часть вторая

В омуте

I

Шестой день пути клонился к вечеру.

Уже четыре тысячи шестьсот километров накрутил счетчик спидометра "паджеро" с тех пор, как Бондарович выехал из Дехканабада.

Как ни старался Сашка выжимать из довольно скоростного джипа весь максимум, на который тот был способен, средняя скорость в пути так и не превысила семидесяти километров в час. Да и то сказать – как можно было стать быстрее, когда никудышные узбекские дороги сменялись чуть ли не тропками каракалпакской степи, а те в свою очередь – перегруженными сверх всякой меры шоссе Краснодарского края.

Как ни пытался парень полностью использовать две возможности своего довольно комфортабельного "коня", бесконечно меняя регулировку сиденья и руля, усталость смертельной тяжестью сдавливала плечи, спину, руки, оковывала дремой красные от постоянного недосыпанная ввалившиеся глаза.

Шутки-шутками, но шесть суток за рулем без сменщи-

ка-напарника и с минимальными остановками для отдыха, питания и дозаправки лишили бы сил любого человека, даже такого тренированного здоровяка, каким с полным правом мог считать себя Банда Правда, теперь от этого здоровяка, честно сказать, мало что и осталось За последнюю неделю он изменился неузнаваемо – осунулся, похудел Его глаза, и без того строгие и колючие, запали глубоко-глубоко, выцветшими голубыми хрусталиками сверкая из-под насупленных бровей Пыльные волосы свисали тяжелыми жирными прядями в невообразимом беспорядке, придавая их хозяину странный и страшный вид Милиционеры, таможенники, пограничники, которые попадались на его пути, с удивлением разглядывали Бондаровича, с недоверием вертя в руках его документы, и часто советовали водителю остановиться – поспать, отдохнуть. Но еще чаще представители дорожной власти с задумчивым видом тянулись во внутренний карман кителя, красноречиво вытаскивая книжку квитанций на штраф "Э, дорогой, скорость превысил, надо платить!", "Вы не заметили знак, товарищ водитель, и в результате нарушили пункт такой-то правил дорожного движения Придется вам выписать штраф!" и т.д и т.п.

Вершиной нахальства инспекторов ГАИ ему поначалу показался случай в Ургенче. Там местный инспектор долго чесал голову, не в силах выдумать подходящее в данном случае нарушение, а затем радостно воскликнул, тыча пальцем! в пыльный бок машины "Э-э-э, уважаемый, у тебя машина

совсем грязный Нехорошо Экология, понимаешь, в опасности, а ты такой грязь в город везешь!" Увлечшись, гаишник подбежал к передку "мицубиси" и, просунув руку сквозь решетку мощного никелированного бампера, пальцем протер стекло блок-фары: "Ты смотри, и фары грязный совсем! Ты, уважаемый, аварийный обстановка создаешь. Совсем нехорошо!" Тогда Сашка с тоской взглянул на яркое солнце, в лучах которого он будто бы создавал аварийную обстановку запыленными фарами, и со вздохом расстался с двадцатидолларовой купюрой, которая тут же превратила его "паджеро" в исключительно чистый в экологическом отношении автомобиль.

Потом он пытался мыть машину в каждом более или менее большом городе, но когда уже в Элисте инспектор заговорил с ним про местный налог, которым, видите ли, облагаются все транзитные автомобили с объемом двигателя больше полутора литров, нервы у Сашки сдали окончательно, и, обменяв на десятидолларовые купюры две сотни баксов, Банда продолжал свой путь спокойно и без проблем, с легкостью утрясая все экологические, аварийно-транспортные и прочие проблемы, заодно помогая местным властям поддерживать уровень жизни их инспекторов ГАИ на должном уровне.

Настоящий праздник начался только тогда, когда Сашка пересек границу Украины.

Хохлы, и на самом деле оказавшиеся довольно хитрым на-

родом, все же умели поддерживать в своей стране порядок, к тому же не были избалованы ни жуткими взятками, ни вездесущим, казалось бы, на просторах бывшего СССР духом баксов. Украинские гаишники спокойно и невозмутимо объясняли Бондаровичу его нарушения (которые, честное слово, на самом деле были!) и действительно начинали составлять самый что ни на есть настоящий протокол. Нет, их, конечно же, можно было уговорить пяти– или десятидолларовой бумажкой, но однажды под Белой Церковью с Бандой приключился случай, который надолго остался в его памяти, в самом лучшем свете выставив образ украинского гаишника.

Дело было так. На лесном участке шоссе Сашка заметил знак "Дорожные работы" и сразу же ограничение скорости сначала до шестидесяти, а затем и до сорока километров в час. Сбросив слегка скорость, парень присмотрелся и совершенно резонно решил, что дорожные работы, видимо, кончились асфальт лежал новый, обочины разровняли, – а потому прибавил газу, доведя стрелку спидометра на этом прекрасном новом покрытии километров до ста сорока.

"Вот ведь, – еще подумал он тогда, – все везде одинаково – работы окончены, а временные знаки не убраны!"

Но не успел он толком насладиться кайфом быстрой езды, как на очередном повороте заметил желтую с синей полосой "восьмерку" и парня в форме, поднявшего жезл.

– Превышаете скорость, водитель, – строго произнес сер-

жант, проверив и возвращая Бондаровичу документы и права. – Сколько шли? Только честно!

– Километров сто тридцать, – вздохнул Банда, на всякий случай чуть приврав, и привычным жестом полез в карман за очередной купюрой.

– Да, классная машина – мечтательно протянул тем временем гаишник, обходя со всех сторон "мицубиси".

– Понимаешь, сержант, смотрю – вроде ремонт окончен, а знаки снять забыли, – привычно начал оправдываться Банда, одновременно размышляя, сколько же лучше дать.

– Знаки действительно забыли снять, вы правы, – неожиданно согласился с ним инспектор и, взяв под козырек, произнес совершенно удивительную тираду:

– Вы свободны, водитель. Но я вам делаю замечание – для закрытых поворотов скорость вы выбрали все же слишком высокую.

И, улыбнувшись, добавил:

– А на такой тачке и в самом деле – не грех разогнаться!..

Он повернулся и пошел к своей "канарейке", а Банда еще несколько мгновений удивленно смотрел ему вслед, сжимая в руках десятидолларовую бумажку. За все время своей долгой дороги он впервые видел такого странного стража порядка.

Банда давно уже, еще в Бухаре, решил, что первым делом съездит к Вострякову. У него можно было перевести дух, собраться с мыслями и решить, что делать дальше. У него в конце концов можно было спрятать на время оружие, не показываясь в Москве с таким арсеналом...

Весь последний день пути Банда шел без остановок, с каждым километром чувствуя приближение заветной цели своего путешествия и не желая терять ни минуты, мечтая поскорее достигнуть Сарнов.

Конце концов он даже боялся, что если остановится, ослабится, то может просто не найти в себе сил продолжить путь.

Он уже пересек границу Ровенской области оставалось проехать километров сорок – минут двадцать пять езды! – когда машину вдруг подбросило и мелко-мелко затрясло. Руль буквально рвался из рук, не помогал даже отличный гидроусилитель. Подвеска вся ходила ходуном, и Сашка почувствовал, как плохо на скорости сто тридцать километров в час вдруг стала держать дорогу его "мицубиси" – через каждые пятьдесят метров она подлетала, как на мини-трамплинах, а потом внезапно ныряла вниз и в сторону, чуть ли не вылетая на обочину.

Бондарович резко сбросил скорость.

Он шел на запад, и низко висящее заходящее солнце слепило его, не давало совершенно никакой возможности разглядеть дорогу. Последний час он вел автомобиль практически на ощупь, только по блеску металла замечая встречные и впереди идущие машины.

И вот теперь эта свистопляска доконала его. Не было больше сил удерживать руль, не было желания всматриваться воспаленными глазами в блестящее полотно шоссе, щурясь от нестерпимо ярких лучей солнца.

Сашка нажал на тормоза и выключил двигатель, всей грудью подавшись вперед и положив голову на скрещенные на рулевом колесе руки.

Тишина немного успокоила его. Он вышел из машины и чертыхнулся, уразумев причину такого резкого изменения в поведении джипа – асфальт кончился, и он ехал теперь по совершенно уникальной брусчатке: дорога была выложена плоскими огромными камнями, довольно плотно подогнанным ми друг к другу. Впрочем, это "довольно плотно", может, и годилось для начала века, но сегодня такое покрытие совершенно не позволяло хоть на сколько-нибудь реализовывать скоростные возможности современных машин.

Банда закурил и обессиленно сел прямо на дорогу, на теплые еще камни, привалившись спиной к грязному колесу своего джипа и вытянув ноги поперек шоссе.

"Все, здесь меня и найдут. Может, предсмертную записку накарябать?" – невесело пошутил сам с собой Сашка, разгля-

дывая белесое и чуть розоватое вечернее небо, ровный ряд деревьев вдоль дороги и бесконечные шеренги виноградников, тянувшихся до самого горизонта.

Но, перекурив минут пятнадцать и собравшись с силами, парень встал и снова уселся в машину, с ненавистью берясь за вконец опостылевшее рулевое колесо...

* * *

Честно говоря, свой первый вечер в Сарнах он вспоминал впоследствии довольно смутно.

Все разрывалось на какие-то отдельные, оторванные друг от друга кусочки.

Вот он колесит по городу, с трудом соображая, какого цвета сигналы на светофорах...

Вот он вроде бы находит улицу с таким избитым, но как нельзя лучше подходящим в данном случае названием – Садовую...

Вот он спрашивает у деда, сидящего на лавочке у ворот, как найти дом номер такой-то, а в ответ дед интересуется, кого именно Банда ищет, потому как тут все знают друг друга по имени, а не по номерам, и при имени Олежки Вострякова уверенно машет вдоль улицы, тыча пальцем в крону большущего дерева: "Вон там, под тем вязом ихний дом..."

Вот Сашка стучит уже в высоченные ворота с навесом, и лай собаки прерывается сердитым и таким знакомым окри-

ком бывшего лейтенанта...

Вот калитка открывается, и парень чувствует, как сильные руки сдавили его в объятиях, отрывая от земли, и закружили на месте как мальчишку...

"Мамо, подывися, хто приихав!.. То ж Банда!..

Это же он меня от смерти тогда спас, мамо! Я же тебе рассказывал про него тысячу раз..."

Он помнил, как встревоженно Олег расспрашивал, здоров ли он, испуганный видом своего бывшего командира.

Помнил, как мать Олежки, Галина Пилиповна, звала его за стол, а услышав отказ, участливо поинтересовалась, стелить гостю в хате или в саду, под яблоней...

Помнил, как попросил Олежку, загнавшего машину с улицы во двор, старательно закрыть все двери...

А больше он ничего не помнил – только дотронувшись головой до подушки, Банда сразу же уснул крепким и тяжелым сном – тем сном, который принято называть мертвым, в который человек проваливается, как в колодезь, и спит тихо и беспробудно – без сновидений и без движений...

* * *

– Рота, подъем! Тревога!

Крик ворвался в сон неожиданно и резко, сразу же напомнив что-то очень далекое и одновременно очень привычное...

"Ты что – охренел совсем?! "Духи!" А ты дрыхнешь!" – мелькнуло в голове у Банды, и он вскочил с кровати, не успев толком даже открыть глаза.

– Отбой тревоге! Товарищ гвардии старший лейтенант, разрешите доложить – завтрак готов! – ржал, стоя перед ним, сверкая белозубой улыбкой, Востряков в десантном тельнике и с полотенцем на плече. – Ну не злись, не злись... На, держи, Банда, рушник, пошли мыться. А то ж ты на черта как две капли воды смахиваешь.

– Сам ты черт! Такой Сон прогнал, – попробовал возмутиться Банда, но, вспомнив, что ему в эту ночь так ничего и не приснилось, взглянул на солнце и на часы – "Ого, ничего себе – двенадцать!

Полсутки подрых!" – и сладко потянулся. – Ох, красота-то какая!

– Пошли-пошли, "красота", мыться будем. Я уж баньку протопил, позавтракаешь – ив парилку. Ага?

– Отлично. Олечка, блин, дай-ка я тебя обниму как следует, а то вчера...

– Ладно тебе! Видел я, какой ты вчера был...

Они подошли к умывальнику, но Востряков зачерпнул кувшином воду из стоящего рядом ведра:

– Бери, Банда, мыло на "соске" ... Да ты куртку-то, старлей, снимешь?

Бондарович расстегнул куртку, с радостью сбрасывая пропотевшую тяжелую одежду с плеч.

– Ого! – присвистнул Востряков, разом заметив наплечную кобуру с "узи" и "вальтер" за поясом. – Стой-стой, старлей, так не пойдет!

Он снова накинул куртку Банде на плечи, встревоженно оборачиваясь на окна дома.

– У тебя, брат, смотрю, война еще не кончилась? – серьезно спросил он, пытливо заглядывая Бондаровичу прямо в глаза.

– Теперь, Олежка, вроде кончилась... А потому к тебе и приехал, наверное. Воевать надоело – во! – Банда энергично рубанул себя рукой по шее.

– Так-так... Ну ладно, расстегни кобуру, сними, сложи все в куртку и закрути поаккуратнее. Не стоит, чтобы мама все это видела.

– Конечно...

Бондарович быстро разоружился, а затем сбросил и тельняшку, во всей красе продемонстрировав свой хорошо развитый загорелый торс.

– Загарчик, никак, южный? – пытливо прищурился Востряков, рассматривая Банду.

– Южный... У меня к тебе... разговор большой... и серьезный... – фыркая и пыхтя, обливаясь водой, начал Банда. – Очень серьезный разговор, Олежка...

– Ладно-ладно, поговорим... Но потом. А сейчас пошли в хату, мама нас уже заждалась. Небось весь завтрак остыл, пока ты тут плескался, – накинув Банде на шею полотенце, ска-

зал Вострявков. – Пошли и скруток свой прихвати, не стоит ему здесь без присмотра валяться!

Несколько часов просидели они потом в бане, попивая пиво и вспоминая Афган. Затем покатались на машине Вострякова – старом "Опеле-асконе" – по Сарнам. Банде очень понравился этот небольшой и тихий зеленый городок. Съездили и на фирму Олега, где подобрали для Банды одежду – джинсы, тенниску, кроссовки, ветровку...

Вечером они снова сидели в саду, где Галина Пилиповна накрыла шикарный стол – вареная картошка, огурчики, грибки маринованные, жаренная с лукой свинина и сказочно пахнущее, тающее во рту подкопченное сало с аппетитными мясными прослойками. Под такую закуску не грех било и выпить, и когда первая опустошенная бутылка "Казацкой" ушла под стол и Банда сходил в свой джип за подаренной Турсуновым "Смирновкой", языки ребят стали ворочаться более быстро и разговор у них получился пооткровеннее. Мать вскоре ушла в хату спать, оставив хлопцев наедине.

– Так ты не женился еще, Олежка?

– Да ну! Ты же видел – бизнес не позволяет, все времени нет с девками хороводиться, – засмеялся Востряков. – А ты, старлей, гляжу, тоже некольцованный? Знать, зазнобушку еще не отыскал?

Банда отрицательно замотал головой.

– Расскажи, как ты? После госпиталя-то домой сразу поехал? Долго отходил?

– Ну, – Востряков сочно хрустнул огурцом, – сначала в Термезе валялся, ты же знаешь. Потом в Москву перевезли, грудь плохо заживала. Мне ж гады легкое тогда задели... Комиссия признала – не годен к строевой, а я и рад – надоело до чертей зеленых! Рапорт на увольнение по состоянию здоровья – и домой!.. Давай, Банда, за тех, кто там остался, – молча, стоя, по-нашему, как там. Помнишь?

– Давай!

Они выпили, помолчали, закусывая, и бывший лейтенант продолжал:

– Приехал – слабый-слабый, мать аж за голову схватилась. Ноги болят, дыхания никакого, голову при перемене погоды ломит – жить не хотелось...

Вернулся, словом, сынок – грудь в орденах, да самой груди нету... Наплакалась она по ночам!.. Я ведь все слышал, подолгу заснуть не мог.

– Я тоже, Олежка, пока к тишине привык, к темноте, спокойствию, по полночи без сна валялся...

– Ну я и говорю... Но знаешь, полгода своего молока попил, – кивнул Востряков в сторону хлева, – воздухом родным подышал, а мать тут по бабкам побегала, какие-то травы на ноги и на грудь клала, какие-то заклинания надо мной старушки пошептали, так, поверь, Бог или черт помог, но...

ТЬфу-тьфу! Вроде полный порядок теперь!

– Это хорошо, – немного пьяновато согласился Банда, подцепив вилкой маринованный боровичок.

– Ну а когда оклемался, думаю, поработать надо бы. Знаешь, огород хоть и свой, да и скотина своя, а без копейки – не то. Мать, – она у меня учительница, – гроши получает, не мог же я у нее на горбу-то сидеть... Вот. А у меня – сестра бухгалтером на молокозаводе. Поговорила там с кем надо – взяли меня начальником охраны. Ешь твою клешь – четыре пенсионера на проходной да два божьих одуванчика в ночных сторожах. Зарплата – тьфу, а чуть что – куда охрана смотрит, мол, сметану, масло, сыр центнерами с завода тянут, – Востряков разочарованно вздохнул и налил еще по одной. – Короче, я не выдержал да плюнул на все это гнилое дело... Давай, Банда, шмякнем за жизнь нашу с тобой собачью.

– Поехали!

Парни дружно опорожнили стаканы, привычно занюхивая хлебом.

– И кем ты устроился?

– А никем! Работы тут, в городе родном, никакой... Словом, покумекали мы тут с парнями, кстати, здесь еще трое, которые из Афгана вернулись, и решили начать бизнес. Сначала по мелочам – тот же сыр да масло на Россию гнали, а оттуда шмотки возили, потом в Польшу. Не поверишь – три сотни стаканов "малиновских" на базе взяли по тридцать копеек за штуку да кастрюль несколько десятков.

Ну, водки еще захватили... А, вспомнил, и пару фотоаппаратов купили. Да... Так привезли с хлопцем одним каждый

по видак. За один рейс. Не слабо, а? Во, время было когда-то!

– Вспомнил ты, однако...

– А потом, дорогой мой старший лейтенант", стали мы тачки из Польши гонять. Познакомились случайно с одним чудаком, поляком. Так он покупал их в Германии, перегонял под Варшаву, там мы с ним рассчитывались и сюда гнали. Вот тогда дела у нас пошли – ты бы видел! По триста баксов чистого навара с машины – как не хрен делать.

– Обалдеть... – Банда почувствовал, что уже выпил достаточно много, и сел прямо на траву, почти под стол, уставившись на ночное звездное небо. – Здорово у вас здесь, Олежка!

– А то!

– Давно мне так хорошо не было.

– Раньше приезжать надо было, Банда. Я уж не знал, где тебя и искать-то. Последний раз написал, что увольняться собираешься, и с тех пор – ни слуху ни духу... Не, я не понял, ты мне вообще расскажешь что-нибудь? Откуда "точило" такое пригнал?

Где "пушки" взял, притом такие крутые? В армии ты сейчас? Или в мафии, в натуре?

Вдруг он замолк и как-то подозрительно прищурился, приглядываясь к Банде:

– Слышь, Банда, а может, ты меня трести приехал, а? Может, ты на Быка работаешь? Я ж ему, подлюке, сказал, чтоб в этот город больше не совался!

– Да ты что?! Охренел, что ли? Сам ты бык бешеный... Сам же в гости звал!

– Ну извини, Банда, – Востряков сразу же взял себя в руки, и в его голосе прозвучало самое искреннее раскаяние. – Не обижайся. Черт-те что показалось...

– А ты чего – и впрямь зажирел?

– Так... Здесь магазин, по району пара лотков... Машины на Киев и на Харьков ставим... В Эмираты, Турцию, на Москву и в Питер ребят посылаю... Тут, ты пойми, городок маленький, люди сплошь бедные. Им что – горилку да сигары, ну шоколадку детям. На этом не разбогатеешь, поэтому мы всякие варианты ищем, работаем по многим направлениям.

– Ну так молоток! Правильно, Одежка, – Бондарович сказал это задумчиво, Как будто вспоминая что-то свое, личное, и от внимания Вострякова это не ускользнуло. – Надо брать жизнь за горло. Иначе нельзя теперь, а то она, проклятая слишком крутой в последнее время стала...

– Слышь, я серьезно – ты про себя-то расскажи, – настойчиво вернул Востряков Сашку к предыдущему их разговору. – Ты это... В общем, ты ж не бойся, если что, я ж тебя не сдам, черт побери.

– Я знаю, Олежка. Потому, собственно говоря, к тебе и приехал, – Банда сказал это так просто и так уверенно, что у Вострякова подозрительно екнуло сердце, как будто предчувствуя беду. – У меня ж кроме тебя, на всем белом свете больше никого и нету.

Он замолчал на несколько минут, и Востряков сидел молча, не встречая, понимая, что Сашка собирается с мыслями, не зная, с чего начать.

– Из армии я ушел. Уволился к чертям по собственному желанию. Надоело. Ты представь: по ящику показывают – Громов последний выходит из Афгана. Все, мол, за его спиной советских солдат больше нет. Прикрыл героический генерал отход нашего ограниченного контингента собственной задницей... Не, мужик он нормальный, я ж ничего не говорю, – Банда заторопился, увидев протестующий жест друга. – Только ж репортаж этот мы, разведбат наш, в Афгане еще смотрели... Кому я, в натуре, объясняю! Сам понимаешь, сколько парней его торжественный выход обеспечивали. И сколько времени мы еще в Афгане мудачились, когда генералы уже докладывали в Кремле об окончании войны.

– Да уж, представляю...

– Нет, ты даже представить себе не можешь!

Кинули нас, как котят бесхозных, в песках этих траханых! Мол, пока разберемся, кого куда, надо пожить немного в полевых условиях. Это ясно. Но чтоб условия эти – да на полгода, а? Как скоты последние, все время в палатках. Каждый день – макароны с тушенкой. Вода – и то за счастье. Мужики к женам своим, к детям рвутся – хрен на рыло! "А кто будет технику охранять-сдавать-передавать?" Мне-то, сам понимаешь, рваться особо некуда было, но так все это осточертело! Уволился – и точка. Чеки последние подытожил – и на

Москву.

– И правильно!

– А ты б посмотрел, бляха, на этих, которых из Германии выводили. Во, где герои, мать их за ногу! Один Пашка-Мерседес чего стоит!..

– Да уж слышал, – Востряков недобро усмехнулся. – Тут по соседству капитан в отпуск приезжает. Кореш. В одной школе учились. Он, правда, постарше чуть... В ГСВГ служил. За последний год три машины перегнал. Он мне много интересных вещей понарасказывал.

– Во-во...

– А вообще-то, Банда, – с жарена заговорил Олег, снова разливая водку по стаканам, – противно-то как! Я, блин, понять не могу, чего мы в том Афгане делали-то? Кому это надо было? Сколько ребят полегло... А сейчас! Герои-"афганцы"! Да в меня пальцем тычут! Знаешь, за что меня в городе не любят? Не-е-ет, не за фирму! За то, что "афганец"! Как будто я с клеймом каким. Как будто виноват в чем-то перед ними перед всеми...

– Ай, не трави ты душу, Олежка! Давай лучше выпьем еще, как тот поп говорил, по единой – и спать!

– А ты ж еще не рассказал...

– Давай завтра, Олег, ладно? Устал я сегодня, наверное, еще не отошел...

Банде явно не хотелось продолжения разговора, и, выпив, он встал, потрепал по плечу, успокаивая, бывшего своего

взводного и побрел к своей кровати под яблоней.

– Пока, Олежка, пошел я спать.

– Иди-иди. Но завтра ты мне все расскажешь, пьяно тряхнул головой Востряков – Не отвертитесь, товарищ бывший гвардии старший лейтенант!..

* * *

В эту ночь Банда не спал до рассвета, до тех пор, пока чуть-чуть не посветлело небо на востоке, а затем не набралось яркостью, голубизной, пока на утренней свежей чистоте небосвода четкими контурами не обозначились ветки, склонившейся над его кроватью в саду яблони. Только тогда, в самый предрассветный час, когда наступает полнейший покой и даже листья на деревьях повисают неподвижно и безмолвно и лишь робко и коротко пробует у реки свой голос соловей, – только тогда парень смог уснуть. Всю ночь, лежа под черным одеялом неба и устремив взор в бесконечно далекие звездные выси, Сашка в мыслях витал где-то далеко, вспоминая и переживая заново последние годы своей бестолковой жизни. Годы, прошедшие с тех пор, как он подал рапорт на увольнение из рядов Вооруженных Сил по собственному желанию. Годы, за которые он сам себя ненавидел.

Он лежал и думал, что рассказать завтра Олежке.

Что делать? То ли рассказать все, не утаив от самого близкого друга ничего, то ли лучше промолчать чтобы в конце

концов не потерять этого друга. Последнего и единственно-го.

Рассказать, как два года провел он в Москве!

* * *

Старший лейтенант Бондарович так и не дождался, когда его знаменитую десантно-штурмовую дивизию выведут из Таджикистана, приписав к какому-нибудь более цивилизованному округу. Он уволился прямо на этой дикой земле. И получил заверение в отделе кадров местного военного округа, что лет этак через деять-пятнадцать он сможет претендовать на получение какой-то там квартиры, может быть, даже в Бишкеке.

Квартира эта сто лет ему не нужна была, поскольку обзавестись домашним скарбом, сразу после детдома попав в Афганистан, он не успел и даже не думал об этом, а семьи у него, кроме детдомовской дружной оравы, попросту не существовало. И ничего его в этой стране более не удерживало.

Распрощавшись с сослуживцами, сложив в "дипломат" бритвенные принадлежности и расовав по карманам кителя все свои сбережения в рублях и чеках Внешпосылторга, Банда с легким сердцем махнул в Москву.

Он считал, что новую, мирную жизнь стоит начать именно так – в омут головой. А там, глядишь, и выплывешь.

И попал он действительно в омут...

II

Банда сидел в маленьком и мало кому известном кооперативном кафе и не спеша ужинал, запивая бифштекс холодным болгарским "Рислингом".

Он любил это заведение. Зальчик для посетителей был маленьким, всего-то двенадцать столиков, да и они большей частью пустовали, а потому Сашка любил сидеть здесь по вечерам, слушая тихую музыку и отдыхая. Может быть, именно своей атмосферой – спокойствия и умиротворенности, чем-то похожей на атмосферу парижских кафе, как они представлялись Банде по фильмам, ему и нравилось это кафе. Впрочем, готовили здесь тоже неплохо, а хозяин и два штатных официанта-вышибалы давно признали его за своего чуть ли не главного клиента, здороваясь и стараясь обслужить всегда в первую очередь.

Он только что попросил Жору, одного из официантов, принести кофе и двести граммов коньячку. Именно в тот момент, когда парень скрылся на кухне, выполняя заказ, в кафе и вошли эти странные ребята. Их было четверо.

Сашка сразу почувствовал что-то, неладное: они шли напрямиком к стойке бара, за которой стоял хозяин заведения, даже не переговариваясь между собой, как будто точно знали, что выбор блюд и напитков им не нужен. Банда быстро взглянул на хозяина кафе и по его напряженно-встревоженному

лицу понял, что его опасения не напрасны.

Дима, второй официант, поднялся навстречу странным посетителям, но не успел сделать и шага, как упал навзничь, сраженный четким прямым ударом кулака одного из них.

На грохот опрокидываемых стульев из кухни выбежал Жора, но и он вскоре оказался на полу, получив пару ударов милицейской дубинкой по голове. В углу, за крайним столиком, раздался женский визг. Банда просто не верил своим глазам – действие разворачивалось с каждой секундой все круче – покруче, чем в голливудских боевиках.

Бывший старлей просто не знал, как себя вести, как реагировать на все происходящее.

Эти четверо приблизились к стойке, и теперь Банда четко понял, кто из них был "начальником" – высокий и, судя по всему, крепкий парень в малиновом пиджаке и солнечных очках. Он стоял в центре группы, с трех сторон окруженный своими помощниками. Именно он и заговорил первым, обращаясь к хозяину кафе:

– Ну что, ты не понял, о чем тебя просили?

– Что вы имеете в виду?

– Брось дурочку ломать! Тебя ведь предупреждали, что если не продашь эту контору сам знаешь кому...

– Но послушайте...

– ...ее у тебя просто заберут. Или уничтожат. Из двух вариантов у тебя остался один. Выбирай.

Банда заметил, как разволновался хозяин, беспомощно

оглядывая валявшихся на полу официантов.

– Ребята, послушайте, мне нужно время, чтобы решить, как лучше свернуть...

– Все сроки вышли. Думать надо было быстрее, – с этими словами главарь четверки схватил со стойки поднос с хрустальными бокалами и грохнул его оземь. – Теперь уже поздно. Мы пришли, чтобы твое кафе просто перестало существовать. Чтоб стереть его с этого места.

С наглой улыбкой он обвел взглядом помещение, как будто прикидывая, что уничтожить в первую очередь. Заметив наконец-то посетителей, которых, как обычно, было всего с десяток, главарь прикрикнул:

– Хорош жрать! Пошли на хрен отсюда!

Суетясь и спотыкаясь, клиенты бросились к выходу, давась и тесня друг друга в проходе.

И вот тогда-то Банда и почувствовал, как медленно начинает закипать в его жилах кровь – он никогда и никому не позволял на себя кричать, я тем более грубо и матерно.

Сашка неспешно налил себе еще бокал "Рислинга" и отпил глоток, смакуя кисловатый напиток, но не отрывая глаз от бандитов. Привычно, взглядом разведчика, он рассматривал противника, оценивая его потенциальную силу, и, готовясь принять бой.

"Малиновый", как обозначил про себя Сашка типа в пиджаке, был, пожалуй, самым сильным из четверки и более тренированным. По крайней мере, его фигура и уверен-

ность, с которой он держался, позволяли это предположить.

Вторым по значимости был, видимо, "кожа" – затянутый в кожаные штаны и такую же куртку коротко остриженный малый. Именно он вырубил обоих вышибал, но техника его действий, по Сашкиной оценке, оставляла желать лучшего. "Кожа" держал в руках дубинку, и пока это было единственное оружие, которое заметил Сашка у бандитов.

Двое других парней, удивительно похожих друг на друга в своих адидасовских костюмах и кроссовках, с короткими ежиками волос, пока себя не проявили никак, но, судя по неуверенности и какой-то нервозности, которая была заметна в их взглядах, Банда сразу решил, что это – не противники.

– Эй, ты чего, не понял? – крикнул малиновый, заметив Сашку – Тебе что, особое приглашение надо идти что? Быстро шуруй отсюда, козел вонючий!

Банда молча отставил бокал с недопитым вином, вытащил из кармана пачку "L&M и не спеша закурил.

Его спокойствие взбесило непрошенную четверку.

Забыв на время и про цель своего визита, и про хозяина кафе, они все дружно повернулись теперь к Банде с удивлением разглядывая его, этакого смельчака, готового, в одиночку сражаться сразу против четверых.

Малиновый сделал знак, и послушные ему ребяташки в "адидасе" бросились на Банду. Они вяло и непрофессионально пытались махать ногами и рухнул на пол, судорожно

дернув руками, попытался схватиться за голову и тут же отрубился.

Счастьем для него стало то, что бутылка оказалась из-под итальянского шампанского – более легкая, чем отечественная...

* * *

Ночью, уже выбросив из кафе незадачливую четверку налетчиков и приведя в чувство Жору с Димой, которые навели затем в заведении порядок, они отправились с хозяином кафе в казино, "скромным" владельцем которого оказался... этот же самый хозяин.

Да, у Виктора Алексеевича, так звали хозяина, бизнес, как стало известно в эту поворотную для Бондаровича ночь, далеко не заканчивался кафешкой, которая служила скорее для отвода глаз конкурентов и для утаивания доходов от всевидящего ока государства. В Москве он владел чуть ли не целой "империей", в которую входили десяток киосков, несколько магазинов, три кафешки и шикарный ночной ресторан с казино. Был и еще кое-какой бизнес, но о нем Сашка узнал много позже, когда стал своим в доску.

А тогда они дружно пили отличный французский коньяк "Мартель", выставленный Виктором Алексеевичем в знак благодарности Сашке, и не спеша говорили о том о сем. По правде, говорил в основном немного захмелевший Саш-

ка, которого Виктор Алексеевич очень осторожно вынуждал рассказывать о себе, хитрыми вопросами вызывая парня на откровенность.

– Где ты так сражаться-то научился, Александр? Мои орлы, – он пренебрежительно махнул рукой в сторону приунывших Жоры и Димы, – на первых же секундах сдохли. Охраннички!..

– Я в спецназе служил, Виктор Алексеевич. Рязановку закончил в свое время.

– Что это значит – "в свое время"? Тебе сколько лет-то, Сашенька?

– Двадцать шесть, а что?

– Рязановку, говоришь... – ловко увернулся Виктор Алексеевич от вопроса, возвращая Сашку к теме разговора. – Подожди, так ты – офицер-десантник получается?

– Бывший. Старший лейтенант, который уволился из Вооруженных Сил.

– А почему?

– Надоело.

– Может, в Афгане был?

– Был.

– И после него ушел?

– После него, проклятого... Надоело, Виктор Алексеевич, собакой неприкаянной по земле скитаться. Там, на юге, – Банда неопределенно махнул рукой куда-то в сторону, – все еще хоть понятно было – есть приказ, есть свои, есть про-

тивник, "духи". А здесь – ну ни черта не понимаю. Ни как вывели нас оттуда, ни сейчас... Вот скажите, вы кто?

– Саша, ну ты же видишь!

– Вижу... А я кто?

– А ты хороший, сильный, смелый мужик, который мне сегодня здорово помог.

– Нет, это ясно. А вообще?

– Хе-хе, – засмеялся бизнесмен, хитро прищурившись, – это уж тебе самому, хе-хе, лучше знать, кто ты.

– А я вот не знаю!

– Ну как же... Работаете где-нибудь?

– Нет.

– Семья есть?

– Нет.

– Квартира в Москве?

– Нет.

– А где же ты живешь-то?

– У бабки в Чертаново. Комнатку снимаю.

– А деньги?

– Ну то, что после службы осталось... Да я скоро найду себе дело. Просто освоиться на гражданке получше хотелось бы. Я же, знаете, Виктор Алексеевич, – Сашка понизил голос, доверительно склонившись к собеседнику, – детдомовский. Этой жизни вообще, считайте, не знаю. Да и профессия у меня... Одно слово – людей убивать. Ничего больше и не умею. А в милицию идти работать мне что-то не хочется...

– Ну и правильно, что не хочется. Там знаешь, какие оклады? На твою комнатуху в Чертаново не хватит!.. Да, кстати, насчет того, что ты умеешь делать... Драться ты, я видел, умеешь неплохо...

– М-м-м, – неопределенно промычал Банда, видимо, соглашаясь с подобным утверждением.

– Стреляешь?

– Вот тут честно отвечу – отлично стреляю.

– Машину водишь?

– Любую. От "запорожца" до танка.

– Компьютеры, радиостанции, электроника всякая – знаешь это дело?

– В определенных, скажем так, пределах.

– И, наверное, первую медицинскую помощь при случае сумеешь оказать?

– Да уж. В полевых и боевых, что называется, условиях закрепил на практике полученные знания, – горько усмехнулся Банда – Ну и что с того, что я умею то, что Должен уметь офицер спецназа? Здесь-то с кем воевать? Вот с такими, как тот "малиновый"? Хе, четыре удара – и готов. Только на вышибалы, наверное, и схожусь.

Виктор Алексеевич замолчал, закуривая и рассматривая Банду из-под полуприкрытых век. Сашка почувствовал взгляд, но коньяк уже успел подействовать, я парень совсем не понял значения этого взгляда.

– Зачем же так, Александр?! – негодование в голосе дик-

тора Алексеевича, казалось, было самым искренним. – С ролью вышибал, даст Бог, и эти, – он кивнул в сторону Димы и Жоры, сидевших за соседним столиком, – как-нибудь справятся а ты же столько всего умеешь! Вот, например, должность исполнительного директора в моей "фирме" тебе бы, по-моему, в самый раз подошла. Как считаешь?

– Директора?! – Сашка помнил в своей жизни только одного директора – детдомовского Ивана Савельевича, и с тех пор слово директор неизменно ассоциировалось у него с личностью очень важной и уважаемой. А тут директором станет он сам! Банда не зная еще в те времена, что на просторах СНГ "новые русские" научились уже придумывать для своих должностей потрясающе красивые наименования.

– Исполнительного директора. Где-нибудь в центре подыщем квартиру служебную. Машину дадим. Будешь всегда рядом со мной, станешь работать непосредственно под моим началом, выполнять мои поручения. Будешь в курсе всех моих дел. По сути превратишься в главного моего помощника. Если потребуется, будешь сопровождать меня на определенные встречи или в кое-какие служебные командировки... Зарплату я тебе предложу, скажем, долларов двести. Для начала, конечно. Процент с прибыли будет капать определенный. Ну и так далее...

– Ого! – парень просто не мог поверить своим ушам, и червь сомнения зашевелился у него в душе.

– Сначала, конечно, ты войдешь в курс дела, в ритм на-

шей работы. Пройдешь, скажем так, испытательный срок, – вкрадчиво увещевал Бондаровича тем временем Виктор Алексеевич, внимательно присматриваясь к его реакции. – А затем и настоящей работой займешься...

Сашка молчал, огорошенный предложением, и бизнесмен решил закрепить успех, наливая еще по одной рюмке и доверительно приговаривая:

– Я тебя, Александр, не неволю, пойми. У меня много желающих на эту должность...

– Я понимаю...

– Нет, ты, видимо, не совсем понимаешь, раз все еще колеблешься, – голос Виктора Алексеевича вдруг стал жестким и категоричным. – Ты парень хоть и хороший, хоть и толковый, но в Москве такой работы, как я тебе предлагаю, никогда не найдешь. Это уж я знаю. Поверь!

И Банда поверил.

Залпом осушив свою рюмку; он задал только один-единственный вопрос:

– Виктор Алексеевич, так когда и куда именно выходить мне на работу?

– Ну вот и ладненько!.. Знаешь, подъезжай завтра часиков в шесть вечера. Есть тут одна работенка. Поедешь с ребятами, посмотришь.

– Хорошо. То есть, я хотел сказать – спасибо, Виктор Алексеевич. Я, конечно, буду завтра здесь ровно в шесть... А можно вам, Виктор Алексеевич, один вопрос задать? Но

только вы не обижайтесь, ладно?

– Какой разговор, Александр! Задавай, конечно! – новый шеф Банды явно насторожился, но Сашка ничего не замечал, запутавшись и в чувствах, и в мыслях.

– Виктор Алексеевич, вы ведь такой крутой, а там, в кафешке, целыми вечерами торчите. И охрана у вас слабенькая. Если бы не я сегодня...

– Да, ты мне сегодня помог. Мои ребята, я имею в виду настоящую мою охрану, а не этих официантов, – он снова кивнул в сторону неудачников за соседним столиком, – к сожалению, были очень заняты, и со мной остались только эти двое. А все остальное... Как мне жить и как мне работать – мое дело, Александр.

Тебе не стоит пока этим интересоваться. Станешь исполнительным директором – сам поймешь.

Голос шефа звучал теперь совсем резко. Он, видимо, думал, что уже добился своего, и более не считал нужным искать к Банде какие-то особые подходы.

Вставая из-за стола, Виктор Алексеевич спросил:

– Так завтра точно придешь? Не передумаешь?

– Нет. Приду. Я же сказал.

– Ну-ну, – и шеф удалился, оставив Банду наедине со своими раздумьями и сомнениями.

И Сашка действительно не передумал...

Как только на следующий вечер Банда переступил порог ресторана, к нему тут же подошел довольно представительный парень в черном двубортном костюме и белоснежной рубашке с ярким шелковым галстуком.

– Ты – Бондарович?

– Я.

– Черный, – коротко представился парень, протягивая Сашке руку. – Хорошо, ты вовремя. Ребята все уже у Виктора Алексеевича, он ждет нас. Пошли.

Черный проведшего через кухню, а затем вверх по лестнице на второй этаж.

Здесь было тихо и спокойно – звуки музыки и ресторана-ного гула сюда не долетали. От лестницы шел длинный коридор, устланный толстой ковровой дорожкой. Десяток дверей по обе стороны его были плотно закрыты, и коридор был совершенно пуст. Лишь в дальнем конце его, у массивных двустворчатых дубовых дверей маячили двое парней. Их колючие взгляды, скользнувшие по Черному и ощупавшие Банду с головы до ног, и ужасно грозный вид. На сто процентов давали понять, что парни торчат в этом коридоре не просто так, от нечего делать.

Это были охранники Виктора Алексеевича, и притом охранники настоящие. Как потом узнал Банда, шеф не по-

скупился, уплатив за совершенствование подготовки каждого из них тысячу триста долларов на трехнедельных курсах телохранителей в специальной израильской школе.

– Это со мной, к шефу, – кивнул провожатый на Сашку. – Он ждет нас.

Банда даже поежилась невольно, входя вслед за Черным в двери и чувствуя, как буравят его спину взгляды этих громил.

Они пошли через небольшую приемную с обязательной длинноногой и светловолосой секретаршей и еще двумя "гориллами" – охранниками и оказались в просторном кабинете, напоминавшем офисы солидных фирм, какие видел раньше Сашка в крутых американских фильмах, – огромный стол шефа с компьютером, кучей бумаг и телефонами, перпендикулярно ему – длинный стол для совещаний, за которым уже устроились восемь спортивного вида парней. Финская мебель черного цвета, горизонтальные жалюзи на окнах черные кожаные вращающиеся кресла и черное же ковровое покрытие пола – все создавало великолепный эффект мрачного комфорта и безусловной роскоши.

Виктор Алексеевич восседал во главе стола, и Байду сразу поразила перемена в облике этого человека теперь он уже не походил на того пугливого владельца кафешки, за которого вступился вчера Сайка. Здесь он был настоящий шеф – диктатор, монстр, босс, "глава семьи", если пользоваться терминологией итальянской мафии.

– А вот и они! – удовлетворенно воскликнул Виктор Алексеевич как только Банда с Черным переступили порог кабинета. – Прощу знакомиться – наш новый сотрудник. Это именно он в одиночку положил вчера вечером в моем кафе четверых мерзавцев Корявого.

– Трех, Виктор Алексеевич, не преувеличивайте, Одного – вы – попытался скромно возразить Банда, но шеф тут же резко оборвал его.

– А ты меня без спросу не перебивай, герой. От армейской дисциплины если отвык уже, то придется заново привыкать, Александр!

Виктор Алексеевич достал из верхнего ящика стола сигару и в полной тишине не торопясь раскурил ее. Сашка вдруг заметил, что в комнате курил исключительно шеф, и пепельницы на длинном столе были девственно чисты.

– Так вот. Александр согласился поработать в нашей "фирме". Пока, для начала, стажером... Вы, Черный, с ним уже успели познакомиться?

– Нет, только двумя словами перекинулись...

– Ну ладно, я сам вас представлю друг другу.

Черный, – он указал кончиком сигары на Сашкиного провожатого, – один из исполнительных директоров моей "фирмы". У него есть свой, строго определенный круг обязанностей и работ, выполнять которые ему помогает штат его сотрудников.

Тут шеф обвел взглядом парней, сидевших за столом,

скромно потупив взоры.

– Нам будет полезно, – продолжал он, обращаясь к Черному, – чтобы Александр подробно ознакомился с работой вашего "филиала". И потому я хочу, чтобы он поучаствовал в вашей сегодняшней операции. Там, думаю, вы поближе и познакомитесь... Кстати, у вас все готово?

– Да, Виктор Алексеевич.

– "Пальма" работает?

– Да.

– Людей там много?

– Как обычно.

– Ничего подозрительного?

– Нет.

– Вы не засветились?

– Нет, совершенно посторонний пацан все проверял за пять баксов...

– Что ж, в добрый путь, как говорится в таких случаях! Желаю вам удачи!

Ребята тут же послушно встали из-за стола и направились к выходу.

– Александр, задержитесь на минуту. А ты, Черный, подожди его в приемной.

– Хорошо, Виктор Алексеевич, – покорно ответил начальник "филиала", закрывая за собой дверь.

Когда кабинет опустел, шеф жестом указал Банде на кресло напротив, приглашая присесть.

– Садись и послушай меня, пожалуйста. Я хочу тебе кое-что объяснить, ведь ты парень горячий...

Нет-нет, я знаю, что ты мужик толковый и все поймешь сам. Просто лучше будет, если я тебя сразу введу в курс дела. Он помолчал, пытливо рассматривая Банду и, видимо, удовлетворившись увиденным, продолжил:

– Вчерашний случай – не просто хулиганство, Саша. Некоторые нехорошие люди объявили мне войну, вторглись, так сказать, на чужую территорию. Да-да, Саша, у нас в бизнесе отношения, как между государствами – каждый контролирует свою территорию и соответственно охраняет ее. Вчера наши границы нарушили. Я теперь больше не могу заниматься своим кафе. Стало просто опасно, понимаешь? А раз я не в кафе – значит, мне придется теперь засвечиваться перед государством. Вот...

Сейчас Черный едет к нарушителю границ, к Корявому. Проведет с ним переговоры, обменяются они мнениями. Потолкуют, словом. Корявому надо напомнить о правилах игры.

Вдруг Виктор Алексеевич встал. Сашка по все еще не отмершей армейской привычке тоже поднялся и тут же, смутившись, по довольной улыбке шефа заметил, что Виктору Алексеевичу это понравилось.

– Я не буду, пожалуй, тебя больше задерживать.

На месте все сам увидишь. Ну а после операции поговорим, ведь вы все снова здесь соберетесь.

Виктор Алексеевич подошел к Банде вплотную и, положив парню руку на плечо, пытливо заглянул в глаза:

– Александр, ты ни о чем не беспокойся. Ты просто присутствуй там. Погляди. Вмешиваться ни во что не надо. Ну в крайнем случае поможешь, надеюсь. Черному. Поможешь?

Сашка утвердительно кивнул.

– Вот и отлично! Давай иди, с Богом!..

* * *

На двух "жигулях-девятках" подкатили они к маленькому частному ресторанчику с довольно дурацким для Москвы названием "У пальмы". Впрочем, насчет дурацких названий Москва, наверное, могла бы уже переплюнуть любой город мира, столько здесь расплодилось в последние годы забегаловок, комков, бутиков и прочей дребедени, нареченной самыми неудачными именами.

Банда, знавший столицу еще довольно слабо, решил, что приехали они куда-то в район Сокольников, но более точно, кружа по вечерним московским улицам в тесном салоне "жигулей", он не сориентировался.

Когда они вылезли из машин, к нему подошел Черный, протягивая какую-то картонную коробку:

– Держи, это товар. Будь все время рядом со мной. Да, кстати, ты знаешь, у нас не принято называть друг друга по

именам. Я, как тебе уже известно, – Черный. Он, – кивнул новый опекун Банды на водителя их машины, – Малыш. Этот – Кулак, вот Шварц. А как тебя величать будем? Может, у тебя была какая кликуха? Или мне самому придумать?

– Можете Бандой звать. Так меня всю жизнь, кажется, величали, – разрешил Сашка, принимая коробку. – Ого, какая тяжелая! Что тут?

– Водка. "Абсолют"... Так, значит. Банда, говоришь? Ну что ж, по-моему, подходит вполне. Будешь теперь Бандой... Все, ребята, пошли, – сделал Черный знак всем остальным, и они двинулись в ресторан.

Вышибалу на входной двери ребята Черного уложили буквально в два счета, и Банда даже удивился про себя отточенности и слаженности их действий.

Они, судя по всему, прошли неплохую подготовку.

Компания ввалилась в зал ресторана в самый разгар веселья – играл ансамбль, что-то томно-уголовное мурлыкала на эстраде певичка, несколько пар, танцуя, топтались посреди зала, а за столиками всюду гудел народ, накачиваясь спиртным, старательно жуя и неумеренно дымя сигаретами.

Черный, чувствовалось, отлично здесь ориентировался. В полумраке зала он уверенно свернул куда-то влево, в дальний угол, где, как оказалось, располагались маленькие уединенные кабинки с цветами и свечами на столиках. Ребята Черного все как один неотступно следовали за командиром, лишь двое, видимо, по заранее обговоренному сценарию на-

правились к стойке бара, по дороге оборвав наконец-то стелания певички про русскую эмиграцию, красных комиссаров и море шампанского, попросту приказав ей заткнуться.

В зале тут же возник недовольный ропот, но Черный властно вскинул руку:

– Тихо всем!

Они уже стояли у кабинки, и за столиком с водкой и какой-то закуской Банда с удивлением обнаружил "малинового" и "кожу" – тех самых вчерашних незваных посетителей кафе Виктора Алексеевича. Они сидели по обе стороны от совсем невзрачного плюгавенького мужичка в белоснежном костюме и в очках в тяжелой золотой оправе.

Несмотря на его, надо прямо признать, неудачную от природы внешность, именно он, сразу чувствовалось, был за этим столиком главным.

– О-о, кого мы видим! Ну здравствуй, Корявый! – вкрадчиво начал Черный, наигранно пытаясь придать голосу оттенок дружелюбия.

От Банды не ускользнуло, как дернулись вдруг "малиновый" и "кожа", но невесть откуда взявшийся в руках Черного пистолет Макарова весьма недвусмысленно уперся стволом мужичку в белом прямо в лоб:

– Скажи своим образинам, чтобы без шуток.

Руки на стол, всем сидеть тихо... Нам ведь поговорить о кое-каких делах надо бы, ведь так? – снова в голосе Черного звучала чуть ли не нежность. – Как ты считаешь, Корявый?

Тем временем подскочившие ребята из их команды утихомирили "малинового" и "кожу", разбив об голову каждого по бутылке. Те тихо сползли на пол. Лицо Корявого медленно принимало мертвенно-бледный оттенок.

– Ты думал, что очень крутой, да? – Черный в открытую измывался над своей жертвой, втыкая ствол пистолета ему в лоб. – У тебя заведение такое крутое, да? Ты не волнуйся, мы тебе сейчас поможем сделать его еще круче. Я же не ошибся, ты здесь за хозяина?

Корявый молчал, не в силах вымолвить ни звука, и Черный продолжал, вкрадчиво понизив голос:

– Я знаю, что ресторан твой. И вот твоей конторе мы решили сделать маленький подарок. Ты даже удивишься, как тебе станет приятно. Банда, – обернулся он к Сашке, – давай сюда ящик. Ставь-ка на стол.

Корявый с удивлением уставился на коробку, не понимая толком, чего они от него хотят? Избить?

Устроить погром? А при чем тогда коробка, подарок какой-то?

– Это водка, Корявый. Хорошая шведская водка "Абсолют". У крутых ее сейчас модно пить. Вот мы и решили, чтобы твой ресторан стал покруче, тебе ее продать. Здесь двенадцать бутылок. По пятьсот "зеленых" за каждую – итого шесть "тонн". Ты хоть рад, Корявый?

– Шесть тысяч долларов?! Да вы что, с ума сошли?! – наконец-то дошел смысл предложения до хозяина ресторана, и

холодный пот выступил у него на лбу. – Я же не знал... Я не хотел такого делать.

Это было самоуправство моих ребят, честное слово.

Поверьте!

– Да ты не волнуйся. Мы верим. Просто, сам понимаешь, сделанного не воротишь.

– Но...

– Тише, тише! Мы же тебя не бить, не обижать пришли.

Купи у нас водку – и дело с концом.

– а ты подумай, посчитай: бутылка – пятьсот, в бутылке – литр. Значит, сто граммов – пятьдесят баксов. Плюс еще твой навар сверху. За пятьдесят граммов смело можешь тридцать долларов запрашивать, ты представляешь? Старик, да таких цен нигде в Москве не сыщешь. К тебе теперь все крутые будут ходить водку жрать! – засмеялся Черный, с победным видом оглядываясь на своих. – Твой ресторан будет самым престижным. Представляешь, какие перспективы для бизнеса?

Корявый молчал, и Черный ткнул пистолетом в стол:

– Клади сюда бабки – и мы тут же уходим.

– Нет, – дрожа от страха, все же твердо ответил хозяин "Пальмы", боясь поднять на своего мучителя глаза. – Нет у меня таких денег. А если бы и были – не дал бы. Вы – гады. Это беспредел...

– Ах так?! Ты покупать не хочешь? Так, наверное, у тебя у самого "Абсолют" есть? Да?.. Эй, Муха! – крикнул испол-

нительный директор через весь зал парням, топтавшимся у стойки бара. – Посмотри, у него в баре "Абсолют" есть?

Тот, которого окликнул Черный, перепрыгнул через стойку бара и, ударив пару раз кулаком в живот бармену, вставшему на пути, принялся шарить по зеркальным полкам. В многообразии разноцветных емкостей он быстро нашел прозрачные бутылки с тремя сортами знаменитой шведской водки и со вздохом сожаления начал сбрасывать их на пол.

– Чпок!.. Чпок!.. Чпок!..

Вскоре только груда битого стекла на полу напоминала про запас "Абсолюта" в баре ресторана "У пальмы".

– Черный, нету тут никакого "Абсолюта", пусть он нам не заливаает! – радостно провизжал из-за стойки Муха, закончив работу.

– Ну вот видишь, Корявый! А ты у нас покупать не хочешь. Зря, я тебе скажу... Эй, Муха, в холодильнике еще посмотри, может, там найдется?

Муха подскочил к огромному холодильнику со стеклянной дверцей, заполненному рядами горизонтально уложенных бутылок, и буквально через несколько минут весь найденный здесь "Абсолют" постигла та же участь.

– Черный, и здесь нет!

Корявый сидел молча, то бледнея, то зеленея, взволнованно грыз ногти и с каждой новой разбитой бутылкой как будто съеживался, уменьшался в размерах, все глубже вжимая голову в плечи...

– Ай-ай, как нехорошо! – сетовал тем временем Черный, склонившись над своей жертвой. – Такой, казалось бы, почтенный человек, а самым крутым владельцем самого крутого ресторана не желает становиться... Наверное, тут что-то не так. Наверное, Корявый, ты свой "Абсолют" от меня прячешь. Да, дорогой? Признайся.

В ответ послышался только слабый стон – бедняга сидел, спрятав лицо в ладонях.

– Ребята, – кивнул Черный своим, – посмотрите-ка на складах. Может, там найдете?

Минут десять-пятнадцать в напряженной тишине ресторана слышался непрерывный звон разбиваемых бутылок, доносящийся откуда-то из подсобных помещений. Посетители молча сидели, оцепенев от страха. Никому и в голову не приходило во что-нибудь вмешиваться.

– Черный, да у него там вообще никакого спиртного нету, – доложил Шварц, появляясь в дверях кухни. Грохот разбиваемых бутылок наконец-то прекратился.

– Ты что? У нашего друга такая бедная на ассортимент контора? Корявый, последний раз тебе говорю – покупай, пока не поздно! – Черный уже вошел в раж и забавлялся от души, просто талантливо добывая свою жертву. – Муха, а в баре вообще что-нибудь есть?

Снова несколько минут в зале стоял звон разбиваемого стекла, сопровождаемый непрерывными стонами хозяина заведения. Муха отрывался, как хотел, – швырял в стеклян-

ные шкафы бутылками и стульями, расколачивал целые подносы рюмок, бокалов и фужеров, ногой старательно корежил кофейный автомат, отбил и положил себе в карман ручку от пивного крана.

– Черный, ничего нету! – доложил он, закончив с напарником погром и возвращаясь к остальным, утомленно вытирая со лба пот.

– Ну вот... – Черный, как отметил про себя Банда, был действительно прирожденным артистом – печаль и разочарование были в его голосе поистине неподдельными. – Корявый, ну что за ресторан у тебя? Людям даже выпить нечего, елки-палки. Чего молчишь? Как до жизни такой докатился, что даже мне налить не можешь?

Он с силой тряхнул Корявого за плечо. Несчастный владелец "Пальмы" обреченно молчал, и Банда почувствовал, что, видно, теперь уж хозяину раскуроченного заведения абсолютно все стало безразличным.

Заметил это и Черный. Он полностью добился своего – деморализовал и напугал противника, а к тому же нанес "Пальме" огромный материальный урон. Теперь работа его команды была закончена.

– Ты, Корявый, извини, но задерживаться больше мы не можем. Времени нет. Поедем уже, пожалуй... Ах да, чуть не забыл, я же тебе водку предлагал, – Черный, вытащив из коробки одну бутылку, поставил ее на стол перед хозяином ресторана, снова передавая чуть полегчавший ящик Банде. –

Хоть ты и не купил у нас ничего и премия тебе вроде как не полагается, но вот это тебе. Подарок от нашей фирмы. Пей понемногу каждый день и вспоминай нас тихим благодарным словом, ведь мы так заботимся о тебе и о твоей конторе. Кстати, слышь. Корявый, а почему "У пальмы"? Где пальма-то твоя?

– А пошел бы ты... – начал хозяин, но договорить ему не позволил резкий удар в зубы, который мощно нанес Черный, коротко взмахнув рукой.

– Ты, сука, не хамя. А то я добрый-добрый, а могу и клыки показать, понял? Ха-ха!

Он снова заржал, от души радуясь своей выходке.

– Пошли, ребята, здесь мы больше бизнеса не сделаем. Держи, Банда, водку поаккуратнее, мы ее дома выпьем. За нашу неудачную коммерческую сделку. Пошли...

Через несколько мгновений они уже исчезли на своих "девятках" в темноте московских улиц. И, конечно же, совершенно безнаказанно.

А Корявый в ту же ночь по "скорой" попал в больницу, разбитый инфарктом. Его ресторанный бизнес закончился надолго, если не навсегда...

* * *

Они вернулись в ресторан Виктора Алексеевича ближе к полуночи, встреченные при входе бурными аплодисмента-

ми и победными криками товарищей – ребят из различных "филиалов" довольно разветвленной сети "фирмы", и гуляли всю ночь, обильно накачиваясь водкой и шампанским.

Сначала Банде и кусок в горло не лез. Он в подробностях вспоминал каждую деталь их визита в ресторан "У пальмы", пытаясь разобраться, что же это все-таки было такое – защита от агрессии и справедливое возмездие? Или элементарное хулиганство? Обыкновенный примитивный рэкет? Бандитское нападение на чужую собственность?

В какой-то момент он вдруг ясно осознал, что стал нечаянным свидетелем и волею случая активным участником самой настоящей мафиозной разборки. Он читал раньше про такое в газетах – две организации не могут поделить между собой сферу и территорию влияния, и тогда начинается война – в ход идут все средства и все способы борьбы с конкурентами, вплоть до прямого физического уничтожения. И он. Банда, теперь волей-неволей тоже стал солдатом этой войны.

Но с каждой выпитой рюмкой его настроение улучшалось. Теперь Банда смотрел на события двух прошедших дней уже слегка под иным углом – с точки зрения мужской, а возможно, и мальчишеской логики. Разборка? Да, конечно, разборка! Но главное – кто первый начал?

Он вдруг решил, что это, как в детдоме, когда во двор школы класс выбегал драться против другого класса – люто, до крови. За что? Неважно! Важно, что надо было отстоять

какие-то принципы, какие-то права, на которые покушались непрошенные чужаки. И это было свято.

Или, как в армии, когда они, десяток десантников-славян, перед отправкой в Афган минут тридцать метелили вдвое большее количество танкистов-узбеков в аэропорту, пока их со стрельбой в воздух не разогнал патруль комендатуры. В тот раз чурбанам нужно было просто доказать две вещи – во-первых, десантник не может быть "молодым", которого какие-то там танкисты имеют право заслать за сигаретами в киоск, а во-вторых, узкоглазым чуркам можно не обольщаться насчет того, что славяне будут им прислуживать. И когда они били узбеков смертным боем, отрабатывая в очередной раз удары, натренированные в учебке, разве задумывался кто-либо из них о пределах допустимой самообороны или принципах достаточности наказания? Нет! Просто шла крутая мужская разборка, разборка за честь и права.

Так и здесь. Виктора Алексеевича обидели – значит, обидчики заслуживают наказания. Тем более, что сам факт преступления Корявого был налицо – он сидел в компании не с кем-нибудь, а с этими ублюдками – "малиновым" и "кожей". Значит, поделом ему и его подонкам!

Окончательно сомнения Банды развеялись часа полтора спустя, когда в ресторанный зал спустился сам Виктор Алексеевич и подсел к их столику.

– Ну как. Черный?

– Порядок, шеф.

– Водку купил?

– Не-а, не захотел, сука. Зато теперь весь свой запас будет обновлять. Га-га-га! – дружное ржание их компании заглушило шум гуляющего ресторана.

– Ну ладно-ладно, кони! Кончайте ржать! – ласково утихомирил их Виктор Алексеевич. – Мне уже рассказывали в общих чертах, как вы поработали. Молодцы! Я решил вас порадовать и выписал всем за хорошую и качественную работу премиальные. Лично от меня.

С этими словами Виктор Алексеевич вынул из внутреннего кармана пачку долларов и передал Черному.

– Здесь пятьсот баксов. По полтиннику на нос.

Раздашь каждому...

– Спасибо, Виктор Алексеевич!..

– Спасибо!..

– Да мы всегда!..

– Да ежели что!..

Ребята дружно загудели, выражая шефу свою самую искреннюю признательность.

– Черный, пойдем, переговорить надо, – встал из-за стола Виктор Алексеевич. – А вы, ребята, пейте, гуляйте, не буду вам мешать.

Шеф с Черным, о чем-то беседуя, отошли на несколько шагов от их столика, но чуткий слух Банды уловил все же смысл их короткого разговора.

– Слушай, Черный, а вы хоть самого Корявого не трогали?

Только его заведение?

– Только заведение, Виктор Алексеевич.

– Точно?

– Ну один раз по морде...

– Ты не темни!

– Правду говорю!

– Смотри у меня! – погрозил пальцем Черному Виктор Алексеевич. – Мне только что позвонили – Корявый в больницу попал, инфаркт. Если врачи найдут телесные повреждения – менты под нас начнут копать, совать свои носы туда, куда их никто не просит...

– Да я ж понимаю, Виктор Алексеевич! Один раз только – по челюсти. Сам бил, так что знаю точно – цела челюсть. Ни одного зуба даже не вылетело.

– Ну ладно... А как там наш новичок себя вел?

– Банда-то? Нормально!

– Банда?.. – в задумчивости повторил Виктор Алексеевич Сашкино прозвище. – Банда... Красноречивое у него имечко-то, как думаешь?

– Сам подсказал нам – мол, всю жизнь его так кличут.

– Говоришь, держался спокойно?

– Да, Виктор Алексеевич, – стоял, смотрел. Осваивался, одним словом.

– Ну-ну... Ладно, ты иди, гуляй. Про дела завтра говорить будем, – с этими словами Виктор Алексеевич повернулся и ушел на кухню, чтобы подняться затем к себе в кабинет, а

Черный вернулся к столу, чтобы раздать своим бойцам бабки и присоединиться к общему веселью...

Банда ехал к себе в Чертаново, в комнатуху, которую снимал у одинокой старушки, на такси. Он был пьяный и счастливый. Весело шурил в кармане бумажками, перебирая огромную, как ему тогда казалось, пачку купюр, заработанных за один вечер, – прямо у Черного он обменял свой полтинник на рубли, более привычные и надежные. Он радовался, что так удачно, так просто и легко смог найти столь денежную работу. С теплотой вспоминал "чуткого" Виктора Алексеевича, "душевного парня" Черного, всех остальных – "отличных ребят". И никакой червь сомнения более не шевелился в его душе.

Банда сделал свой выбор...

* * *

Несколько месяцев провел Сашка в команде Черного.

Он был на положении обыкновенного бойца, но уважали ребята его и боялись больше, чем даже самого Черного. Банда не понимал, что тому причиной – особое ли отношение к нему со стороны Виктора Алексеевича, неоднократно публично выражавшего свое расположение к Сашке, или же недюжинная сила парня и умение вести бой с любым противником, что в результате позволило их команде прослыть чуть ли не непобедимой. Как бы то ни было – Банда реально ощу-

щал свое особое, привилегированное положение в команде Черного и с удовольствием пользовался этим точно так же, как подсознательно, даже не желая и совершенно не замечая того, пользуется в нашей армии своим особым положением старослужащий солдат.

Обычно команда Черного занималась выбиванием денег – трясли мелких кооператоров и частных предпринимателей, собирали дань с ночных таксистов-частников и торговцев цветами и газетами в своем, так сказать, районе. Банда поначалу даже сам не верил, что это может быть выгодным бизнесом, но их жертвы расставались с деньгами с такой легкостью, а количество жертв было настолько велико, что мелкие вроде бы суммы поборов за день, за неделю, а тем более за месяц складывались в астрономические цифры, успешно пополняя и без того немалый бюджет огромной "империи" Виктора Алексеевича.

Несколько раз у них случались мелкие разборки с конкурентами, но силы команды Черного, во многом определяемые наличием в ее рядах Банды, всякий раз оказывались подавляюще превосходящими, и противник с позором был бит.

Однажды Виктор Алексеевич их команду даже вооружил. Ему нужно было рассчитаться за что-то с другой "фирмой", и на стрелку на Волоколамском шоссе обе группы прибыли вооруженные до зубов, щелкая затворами автоматов и предохранителями пистолетов. Кстати, именно Банде доверил в

тот день Виктор Алексеевич сопровождение "дипломата" с деньгами, и это больно ударило по самолюбию Черного.

В команде явно назревал конфликт, и дальновидный Виктор Алексеевич это великолепно уловил. В один прекрасный день Банду вызвали в офис шефа.

– А, Саша! Заходи, я тебя давно жду. Как твои дела? – доброжелательно, с распростертыми объятиями встретил его Виктор "Алексеевич.

– Нормально. Работаем потихоньку.

– Знаю-знаю, что работаете, и даже совсем не потихоньку, – довольно потер руки шеф. – Деятельностью твоей, Александр, я весьма удовлетворен. Мне кажется, что мы не ошиблись в выборе друг друга. Разве не так?

– Так, Виктор Алексеевич.

– Сколько ты за месяц накрутил?

– Вы же знаете...

– Я то знаю. А ты помнишь?

– Ну баксов двести пятьдесят, наверное...

– Вот видишь! А где живешь?

– Ну вы же сами мне квартиру за ВДНХ сняли!

– Снял, конечно, как и обещал... Ну а по городу на чем едешь?

– На "восьмерке"...

– Ага! – обрадованно воскликнул Виктор Алексеевич. – Значит, я все обещания выполняю – Конечно, Виктор Алексеевич. Но я ведь тоже стараюсь как могу...

– А я ничего и не говорю. Молодец! Да ты садись, – он кивнул на кресло напротив и, вынув из ящика стола сигару, задымил. – Кстати, можешь курить. Тебе, – подчеркнул он Сашкину исключительность, – в этом кабинете курить можно. Я разрешаю.

– Спасибо!

Несколько минут они дымили молча, и Виктор Алексеевич внимательно разглядывал Банду сквозь пелену сизого дыма. Наконец, вдоволь насмотревшись и, наверное, увидев для себя что-то очень важное, он проговорил:

– Вот что, Александр. Ты, конечно, куда лучше Черного, но его команда для тебя – слишком уж мелкая работа. Пусть Черный остается пока на своем месте, а что касается тебя... Тебя ждет карьера покрупче.

Сашка, склонив голову, внимательно слушал, стараясь понять, к чему клонит шеф.

– Тебе, Сашок, пришло время поработать в другом "филиале". Постажируешься там, присмотришься – на будущее все пригодится. Согласен?

– Как скажете, Виктор Алексеевич. А у кого теперь работать надо?

– У Кабана.

– Понятно.

– Ты про его команду слышал уже что-нибудь от ребят?

– Это тот, что на вокзале, что ли?

– Да. Но не только. У него особый бизнес, и между про-

чим, – похотливо захихикал Виктор Алексеевич, – самый приятный в нашей "фирме"...

Короче, Александр, прощайся с ребятами. Я с Кабаном переговорю, и сегодня вечером он заберет тебя.

Жди его в ресторане.

– Хорошо, Виктор Алексеевич, – поднялся, понимая, что разговор окончен, Банда. – Я пойду?

– Иди-иди, ты свободен... Ох, Сашенька, там-то тебе точно понравится! – снова странно захихикал Виктор Алексеевич, на прощание заговорщически подмигивая Банде...

* * *

Чем промышляет Кабан, Банда понял в эту же; ночь.

Из ресторана они вместе поехали в какую-то заштатную гостиницу, Сашка даже не запомнил ее названия, кажется, "Звезда", где-то в районе Лужников. Зашли в ресторан при этом "отеле", взяли по чашечке кофе.

– На работе не пью, – гордо сообщил Кабан как об огромном достижении, кивая на свою порцию дымящегося ароматного напитка. – И тебе не советую.

– Что мы тут делаем? – Банда успел окинуть зал привычным взглядом профессионального бойца, каким он стал за последнее время, но так и не смог выловить достойной жертвы, которую следовало бы проучить и потряснуть, и теперь искренне недоумевал.

– Эта гостиница – под нашим контролем. А все остальное сейчас поймешь.

Через несколько минут к ним за столик подседа крашеная блондинка в сильно декольтированном платье и почти с боевой раскраской на лице.

– А вот и Светочка! Знакомься, Банда, – Светлана наша лучшая девочка, самая большая умница.

От ее взгляда не скроется никто и ничто, а уж от ее сисек и попки сбежать точно никто не сумеет...

– Кабан, кончай, – неожиданно сильным басом выговорила девица, скорчив недовольную рожицу и откровенно разглядывая Банду.

– Светочка, не старайся – Банда не клюнет, он на работе, – рассмеялся Кабан. – Это же не клиент. Он наш парень, недавно работает в "фирме".

Его послали ознакомиться с нашими производственными успехами. Так что запомни его как следует, считай моим заместителем.

– А-а-а, – даже немного разочарованно протянула девица и вздохнула. – Ну привет – Привет, – Банда не мог отвести взгляд от ее полных груди, заманчиво выглядывавших из смелого выреза платья.

Честно говоря, его опыт общения с прекрасным полом был весьма и весьма мал: несколько мимолетных встреч до армии, две большие "любви" в училище, где он впервые, кстати, и познал женщину. С тех пор он вполне обходил-

ся без них, без этих созданий, – бешеные нагрузки Афгана ему, не привыкшему к более, так сказать, тесному общению с женским полом, совершенно компенсировали природные желания, сублимируя их в работу мышц и разума. Но теперь, за эти последние месяцы, Банда расслабился, "зажирел", как он иногда говорил о себе, и мужская природа все чаще брала свое, заставляя иногда тоскливым взглядом провожать каждую пару прекрасных ножек.

Ко всему прочему Банда был довольно стеснительным в общении с девушками, не в силах преодолеть барьер какой-то отчужденности от этих существ, с которыми он в жизни встречался так мало.

У него, как ни странно, сохранились самые лучшие представления о женщинах как таковых, и это не позволяло ему глядеть на представительниц прекрасного пола как на предмет лишь плотского вожделения. Именно поэтому он зачастую скрывался у себя на квартире, когда команда Черного гуляла, тиская и трахая в перерывах между водкой сразу дюжину податливых бабенок.

Он убегал в такие ночи от своих товарищей, подсознательно чувствуя и понимая ненужность, невозможность растрачивания сил и ощущений без любви.

Но природа – коварная штука, и теперь Банда заглядывал в вырез платья Светланы, думая лишь об одном: "А что если бы ее грудь вдруг показалась вся?"

Интересно, какого цвета у нее сосок?"

– Светка, ты, наверное, Банде понравилась, – ржал тем временем Кабан. – Смотри-ка – взгляда не может от твоих сисек оторвать. Может, дашь ему?

– Да пошел ты!

– Ладно, не злись. Как тут у вас сегодня дела?

Клиенты есть толковые?

– Как обычно. Работаем, – Светлана отхлебнула шампанского из бокала, принесенного с собой, и оттопыренным мизинцем ткнула куда-то в глубину зала. – Ты лучше во-о-он туда глянь, третий столик от оркестра.

– Ну? – насторожился Кабан, приглядываясь и подсчитывая столики.

– Две шалавы сидят, видишь?

– Да.

– По-моему, девочки сидят не просто так. Понял? Они зашли на нашу территорию. Мы уже сами хотели с ними разобратся, но тут как раз ты подрулил.

– Симпатичные...

– А пошел бы ты! – снова привычно ругнулась Светлана, вставая. – Нам тут особо пополнение не нужно. А в общем, Кабан, дело твое, я тебе показала их, а ты уж поступай теперь как знаешь.

– Спасибо, Светочка!.. Банда, пошли! – толкнул он в плечо Сашку, замороженно провожавшего взглядом мерно покачивающиеся бедра уходящей девушки. – Пошли-пошли, хорош тарашиться.

Сейчас будем знакомиться с "телками".

Они подошли к столику, за которым оказались две довольно юные особы, немного пугливо и настороженно озирающиеся по сторонам, но одетые в слишком уж короткие для такого непрезентабельного заведения юбки.

– Привет, девочки! Скучаем?

– Здравствуйте.

– Можно вас чем-нибудь угостить?

– Да мы и сами себя угостить можем, – независимо, но в то же время очень жеманно откликнулась та, что выглядела чуть постарше.

– Ну зачем же так неласково? – Кабан, казалось, ничуть не смутился, четко отрабатывая давно заученную роль. – Мы же просто поговорить хотим...

– Ну говорите, раз хотите.

Кабан, улыбаясь, присел на свободное кресло и вдруг резко схватил старшую из девушек за руку, с силой прижимая ее запястье к ребру стола. Девушка вскрикнула от боли, пытаясь вырвать ладонь, но Кабан держал крепко. Ее подруга расширенными от страха глазами наблюдала за происходящим.

– Мне кажется, что вы, бедненькие, работаете совсем в одиночку...

– О чем ты? Мы ничего не знаем!

– Точно в одиночку! И вам нужен настоящий покровитель, который мог бы о вас позаботиться. Правильно я гово-

рю?

Кабан потянул ее руку к себе, немного выкручивая запястье, и голова девушки, невольно изгибавшейся от боли, оказалась лежащей у него на плече.

– Пусти!

– Пущу, не волнуйся. Ты мне нравишься!.. Банда, как они тебе? Хороши?

– Нормально, – Сашка промямлил что-то, как обычно застенчившись при необходимости общения с женщиной.

– Пусти же! Я не вырвусь, не убегу! – взмолилась пленница Кабана, и тот отпустил ее руку.

– А как думаешь, ты в состоянии дать мне то, что нужно? – она смотрела на него теперь совсем другими глазами – строгими и деловыми. Глазами бизнесмена, обсуждающего сделку. Ее фраза почему-то взбесила Кабана. Он схватил ее за горло и снова притянул к себе.

– Запомни навсегда, милая детка, я никому ничего не даю! Но если ты выберешь меня своим покровителем... – он уже отошел, и голос его снова стал вкрадчивым и ласковым. Он даже чмокнул ее в лоб, все еще не снимая рук с горла. – Я должен выяснить, какой ты обладаешь квалификацией.

– Ни один мужчина еще не жаловался! – томно проговорила девушка, страстно прижимаясь к Кабану, тем самым отвечая согласием на его предложение.

– Так, может быть, нам пойти куда-нибудь, где бы мы смогли побеседовать? – он провел ладонью по ее груди, слег-

ка пожав бугорок через ткань ее блузки, как будто проверяя величину достоинств женщины.

– Куда, например?

– Наверх. Для нас тут всегда есть прекрасный номер, – он поцеловал ее в губы, и она ласково и покорно отозвалась на его поцелуй. – Пойдем?

Банда, покосившись, поймал нежный взгляд другой девушки. В отличие от подруги, чьи волосы неоднократно обесцвечивались перекисью водорода и от этого потеряли свой естественный, красивый и здоровый вид, она была шатенкой с гривкой тяжелых, чуть выющихся от природы волос, высокая, стройная. На вид ей было лет девятнадцать-двадцать. И Банда ни за что не догадался бы о ее ремесле, если бы случайно встретил такую девушку на улице – она совершенно не выглядела потасканной или повидавшей виды, прошедшей сквозь огонь, воду и медные трубы...

И тут взгляд его упал на ее бедро. Нога, закинутаая за ногу, позволяла ему лицезреть это бедро целиком. Узенькая полоска юбки не только не прикрывала самые загадочные места девушки, но как будто специально подчеркивала эту загадочность, призывая заглянуть туда, проверить степень загадочности. Банде даже показалось, что он рассмотрел ее трусики, белые, кружевные.

Он аж вспотел от волнения, чувствуя, как непреодолимое желание обладать ею охватывает его.

– Эй, Банда, заснул, что ли?! – вывел его из замороженного

состояния оклик Кабана. – Бери свою подружку и пошли. Идите за нами.

По дороге говорил только Кабан, тиская за ягодицы свою девушку и изредка оборачиваясь к Банде и его подруге, задавая иногда вопросы и ей.

– Как вас, девушки, зовут?

– Меня Леной, – заулыбалась старшая, – а ее Ларисой.

– Лена – неплохое имечко, мне нравится, – авторитетно заключил Кабан, в очередной раз поглаживая свою спутницу по округлому задку. – И давно ты этим делом, киса, занимаешься?

– Месяцев пять, наверное. Жить-то надо на что-то!

– У нас я тебя впервые вижу.

– Да мы в общем-то случайно зашли. Просто негде в Москве уже и поработать нормально, всюду все контролируется, не теми, так другими. В одиночку и вправду трудно работать... Заработки никудышные.

– Теперь у вас все будет по-другому... Ну вот и пришли. Входите, девушки!

Кабан распахнул двери, пропуская их в номер.

Апартаменты оказались довольно неплохими для этой захудалой гостиницы: две комнаты, приличная мебель. В первой комнате, которую условно можно было бы назвать гостиной, телевизор был даже снабжен видеоманитофоном, и Кабан первым делом включил его, вставив кассету с какой-то шведской порнухой.

– Вы, ребята, – обратился он к Банде и Ларисе, – в спальню идите, а мы здесь поразвлекаемся...

Он притянул к себе свою спутницу, одной рукой придерживая за талию, другой оголяя левую грудь.

– Может, девочки выпить чего хотят?

– А что у вас есть?

– Шампанское, водка, пиво...

– Шампанское.

– О-о, какая ты роскошная девочка, Леночка! – Кабан пощипывал ее сосок. – С такими данными тебе совсем грешно работать одной. Эй, ребята, ну что же вы! Идите в свою комнату! Банда, займись делом в конце концов! Тебя твоя кисочка уже совсем заждалась.

Действительно, как только они остались наедине, Лариса отработанным движением расстегнула блузку, под которой, естественно, не оказалось и намека на бюстгальтер, и тут же освободилась от нее. Но неизвестно было, кто кого заждался – Банда набросился на девушку страстно и резко, горячо припав губами к ее груди. Он целовал бы и целовал это чудо природы – замечательные сладкие груди, но девушка, видимо, решила отработать свой "номер" сполна – она выскользнула из объятий парня и, упав на колени, вытасила из ширинки напряженную плоть Сашки, то целуя, то посасывая, как сладкую карамельку, то покусывая ее.

Банда оказался слишком заведенным, чтобы такие ласки могли продолжаться хоть сколько-нибудь долго, и он кончил

буквально сразу же, долго, горячо и бурно.

Не успела Лариса взглянуть на парня, озадаченно решая, стоит ли ей продолжать или для него хватит пока, как Банда, по-мальчишески желая еще и еще, опрокинул ее навзничь, неистово срывая с бедер узкую юбку и кружевные трусики, на самом деле оказавшиеся белыми.

Он взял ее с размаху, горячо, мощно...

Она стонала и билась под ним, то ли ловко подыгрывая, то ли действительно теряя контроль над собой под бешеным натиском страсти, охватившей мужчину и толчками передававшейся от него к ней, с каждым движением разливавшейся по ее телу горячей волной...

Они оказались на самой вершине блаженства одновременно, рычанием и криками возвестив о своей победе, а потом затихли, утомленные и счастливые, даже не найдя сил, чтобы освободиться друг от друга.

– Ну ты даешь! – только и смогла выдохнуть Лариса, когда Банда наконец покинул ее, устало повалившись на спину рядом, раскинув ноги и руки и закрыв глаза от необыкновенного, так редко испытываемого им ощущения.

Лена тоже успешно прошла "экзамен" у Кабана, и девушки были зачислены в "штат" гостиничных проституток, контролируемых их "фирмой", и в тот же вечер были сданы под опеку толковой и распорядительной Светланы...

С того вечера Банда словно с цепи сорвался – он как будто спешил получить от природы разом всех женщин, которых он упустил, как ему казалось, за свою жизнь.

Ни одной ночи он не провел в своей квартире один, каждый вечер старательно подбирая себе пару среди "работниц" Виктора Алексеевича.

Кабан, видя такую прыть своего стажера, только посмеивался.

– Ты, Банда, не спеши, еще наиграешься. Обрыднут тебе эти девки по самое горло, – поучал он парня с видом умудренного опытом старца. – Ты на меня посмотри. Сначала, как меня сюда взяли, тоже каждую перепробовал, проверил, а теперь толком и возбудиться не могу, надоели хуже горькой редьки. Только порнуха какая-нибудь свежая и спасает. А то бы жена окончательно обиделась... Кстати, есть у меня задумка – надо нам открыть свою студию. Говорят, русские фильмы обалденным спросом пользуются. И окупаются в момент...

– Ты серьезно, что ли?

– Я тебе говорю! Мне тут днями кассету приносили посмотреть, так я даже не понял сначала, что это русские сделали. Знаешь, как обычно, – трахтрах! Ох-ах! Но поролись, я тебе скажу, капитально.

Снято покруче, чем у шведов. Вот... А потом слышу:

"Еще!", "Ох, хорошо!", "Дай мне его!" Ни черта себе, думаю, – баба русская! Так и мужик по-нашему заговорил... Мне потом ребята, которые давали кассету, сказали, что у нас где-то в Москве вроде снято.

– Класс!

– Слышь, Банда, так я Виктору Алексеевичу предложу – пусть тебя в актеры, главным трахальщиком, возьмет! – ржал Кабан, заговорщически подмигивая Банде.

А спустя несколько дней подарил Сашке огромную упаковку презервативов, мол, подарок от "фирмы".

– Ты, Банда, про резину-то не забывай. У этих мокрорванок чего хочешь подцепить можно, лучше не рисковать, – напутствовал Сашку, вручая подарок, его новый коллега, признанный специалист по секс-делам в их "фирме".

Вообще Кабан оказался неплохим мужиком. Он обладал поистине удивительным нюхом на женщин, распознавая их мысли и намерения издалека, даже не заговаривая с ними. Он моментом вычислял в зале ресторана "чужачку" или "одиночку", решившую заняться промыслом и отбивавшую клиентуру у его "кисок". В вокзальной толчее, – а в их территорию входил Курский вокзал, – он мигом выуживал "свеженьких кадров", четко и грамотно их раскручивая. "Свеженькими" Кабан называл малолеток – девчонок лет четырнадцати-пятнадцати, часто еще и нетронутых, которые кто по своей воле, а кто по стечению жизненных обстоятельств

оказывались на вокзале, на самом дешевом и самом демократичном рынке платной любви. Но рынок этот был к тому же и самым грязным, самым заразным и криминальным, и Кабан профессионально, как настоящий купец, жалел портить хороший "товар" сразу, давая девочек поиграть сначала своим друзьям и знакомым. Именно он, кстати, приволок к Банде ту, которую Сашка впервые в своей жизни сделал женщиной всего-то за каких-то двадцать "зеленых"...

* * *

Надолго у Кабана в команде Банда не задержался. Виктор Алексеевич старательно перебрасывал его из "филиала" в "филиал", знакомя со структурой "фирмы" и всеми направлениями работы. Чем только Банда за последнее время не занимался! Он приглядывал за валютчиками, собирая с них дань на территории "фирмы". Он контролировал волосатиков в метро, продававших "травку", кокаин и "колеса" всем страждущим. Он несколько месяцев занимался хозяйственной работой, организовывая деятельность сети ночных магазинов по продаже спиртного, заключая сделки на бесперебойные поставки водки и на добычу безакцизного дешевого пойла...

Наверное, нет такой сферы деятельности организованной преступности в Москве, в которой бы ни работала "фирма" Виктора Алексеевича. И всюду, в каждой области ее деятель-

ности, успел засветиться за это время Банда.

Не прошло и года, как Сашка стал наконец первым исполнительным директором одного из "филиалов". Его месячный доход измерялся уже как минимум тысячей долларов, не считая целого ряда дополнительных материальных благ, которыми одаривал его шеф. Банда мог заменить Виктора Алексеевича в любой сфере, выполнить любое его распоряжение. Ко всему прочему он был главным телохранителем шефа, на протяжении всего рабочего дня ни на секунду не покидая его без самой уважительной причины.

И только по вечерам Банда немеренно пил водку и махался в ресторанах города с кем попало, влезая в любые, даже самые незначительные конфликты и накаляя страсти до предела, настойчиво доводя дело до драки.

Зачем? Он, пожалуй, и сам не знал ответа на этот вопрос. Ночные драки помогали ему сбрасывать напряжение, водка избавляла от дурных мыслей и нехороших предчувствий. Просто постепенно ему так надоела эта проклятая жизнь в "фирме", что Сашка буквально не знал покоя, боясь остаться с собой один на один. Мысли о постыдности, о преступности выбранного им пути все чаще и чаще овладевали им, и тогда Сашка бесился и буйствовал, сбросом мышечной энергии пытаясь заглушить голос не то совести, не то чести.

Он уже давно прогнал бт себя всех девок. Он почти не общался с корешами из "фирмы", предпочитая проводить вечера в совершенно незнакомых заведениях, не входивших

пока в структуру "империи" Виктора Алексеевича. Поручения шефа он выполнял теперь без бывшего энтузиазма и старания, лишь вяло отработывая свою копейку.

Он бы, честное слово, ушел из "фирмы", если бы только знал куда.

Кому он нужен? Где его ждут? И чем он действительно может быть кому-то полезен, умея все и ничего, ничего, пригодного для мирной жизни.

Открыть свое дело? Но денег, так называемые первоначальный капитал, несмотря на хорошие заработки, он так и не насобирал, с легкостью и без всякого сожаления растранивая баксы налево и направо. К тому же, насмотревшись на порядки, царящие в Москве в сферах частного предпринимательства, Банда даже и думать не хотел о том, чтобы податься в бизнес, чувствуя просто физическое отвращение к этому ремеслу, к отношениям, складывающимся между государством и частником, частником и гражданином, частником и криминальным миром...

Все было просто – всего-навсего однажды Сашка очень хорошо осознал, что он так и не нашел своего места в этой невоенной жизни, успев зато здорово замарать свою совесть и свои руки массой самых постыдных и ужасных вещей, простить которые себе он не мог.

И именно поэтому он бесился и страдал, не умея, не находя в себе сил переломить свою жизнь...

И вот теперь, когда все это уже позади, когда я избавился раз и навсегда от этого кошмара, когда убежал от ужасов Таджикистана, вернулся на свою землю и собираюсь начать все заново – честно и красиво, – именно теперь рассказать все это Олежке? Олежке, который помнит меня еще того, в Афгане, своего командира-старлея? Олежке, которого только и могу назвать своим настоящим и преданным другом?! Нет, пусть уж вся эта грязь остается со мной!"

Пролежав всю ночь не смыкая глаз под звездным украинским небом в саду Вострякова, Банда смог заснуть только тогда, когда твердо и бесповоротно решил – он расскажет Олегу все, все без исключения. Только про Москву промолчит, про свою непутевую жизнь в этом городе.

Не сможет Олег понять, до какой низости, до каких злодеяний доходил его друг.

Не сможет понять, а главное – не сможет простить.

А значит, пусть уж лучше ничего не знает. Ведь все уже позади, все прошло...

Когда Банда, приняв решение и успокоившись, наконец заснул, первые робкие лучи восходящего солнца уже тронули верхушку огромного вяза у дома Востряковых, разлив по ней золотое сияние утренних нежных лучей...

Банда спал тихо и безмятежно.

Часть третья

Концлагерь

I

Вряд ли кто-то жарким изнуряющим летним днем откажется бы от соблазна оказаться на берегу чистой реки, искупаться, позагорать, порыбачить на закате, а затем, сидя под бездонным звездным небом, варить уху, слушать треск ветвей в костре и ночные всплески реки и причащаться ледяной, из автомобильного холодильника, водкой, с самым закадычным другом вспоминая и заново переживая прожитое.

Банда, с самого утра успевший разомлеть на солнце, пока они на пару с Востряковым выкосили небольшой лужок, раскинувшийся у дороги прямо за городком, с радостью ухватился за предложение Олега провести остаток дня и ночь на речке. Согнать пот, восстановить силы, отдохнуть душой и телом – это было бы просто великолепно.

Честно говоря, Сашка вообще слабо представлял себе, как можно отдыхать на природе. Ну не так сложилось его детство! Не знал он, что такое лес, обыкновенный европейский лес – с соснами и елями, с березовыми рощицами и солнечными полянками, с обалденными запахами и неповторимым

шумом ветра в кронах. Не знал он, что такое обыкновенная равнинная река, не обжигающая холодом и не тянущая неизвестно куда, сбивая с ног неукротимым течением, как в Афгане или Таджикистане, а мягкая, теплая, обволакивающая, нежно покачивающаяся на волнах, с замечательным песчаным дном, в котором так потрясающе утопают пальцы ног. Не знал, что такое уха, пропахшая дымом костра, острая, горячая, обжигающая губы и десны, после которой водка кажется пресной, потерявшей свою крепость и забористость.

Учения в лесу во времена его курсантства или переправа в полной амуниции через Москву-реку под Рязанью никогда не давали Банде ощущения праздника единения с природой, о котором часто вспоминали и с удовольствием рассказывали сослуживцы в горах Афгана. Да и в самом деле, что за праздник – ползти в противогазе по кустам вызревшей лесной земляники или хлюпать мокрыми после форсирования водной преграды сапогами по проселочной дороге, на бегу высушивая на себе хэбэшку и тут же снова пропитывая ее собственным потом.

И всегда – быстрее, быстрее, еще быстрее, чтобы вовремя успеть выполнить условную боевую задачу командования!

Может быть, поэтому Банда всегда с таким удовольствием слушал рассказы ребят про деревню, про шашлыки в лесу или уху на реке, про рыбалку, про пляж, про сенокос. Он всегда мечтал познать все это лично, сам, и потому теперь, услышав предложение Олежки, согласился тут же, с радо-

стью и азартом.

Сборы были недолгими. Востряков, видимо, почувствовав волнение друга, не стал созывать большую шумную компанию. Он лишь забросил в машину Банды сеть-"топтуху", удочки, ведро, топор, картошку, овощи, специи, несколько банок сока и водку, и уже через час ребята погнали на Случь, в какое-то потаенное Олежкино любимое местечко.

Свернув с шоссе в лес в километрах двадцати от городка, они еще покружили с полчаса по извилистым лесным тропинкам, благо "паджеро" практически нипочем бездорожье, и выехали на берег реки.

Место действительно оказалось замечательно красивым. Лес подступал здесь почти к самому берегу, оставляя свободной лишь небольшую площадку пять на пять метров на самом уступе обрыва.

Река здесь делала поворот, и берег в результате оказался высоким, метра в два-три, но рядом, буквально в десяти шагах, он снова становился пологим, и спуск к воде поэтому не представлял никаких трудностей.

Не сговариваясь, ребята выскочили из машины, быстро разделись и бросились в воду. Банду охватил настоящий восторг: это было просто замечательно!

Куда лучше, чем в среднеазиатских бешеных горных реках, и гораздо лучше, чем в шикарных московских бассейнах.

Вода в Случи была будто живая. Течение мягко и нена-

стойчиво пыталось увлечь их куда-то вдаль, но с легкостью соглашалось с желаниями пловца, уступая и давая полную возможность преодолеть ее силу.

Сашку поразило и разнообразие глубин этой реки. Прямо под обрывом – не меньше четырех-пяти метров, и было потрясающе здорово нырять, пытаясь достать рукой до дна, но буквально в двадцати метрах выше по течению дно удивительным образом поднималось, и пересечь речку здесь можно было даже пешком – вода не достигала пояса...

Наплавались, наныряться они вдоволь. Сашке особенно понравилось заплывать на отмель, ложиться на дно так, чтобы только голова торчала из воды, и расслабляться – чувствовать, как потихоньку и нежно утаскивает тебя течение на глубину, обволакивая и успокаивая своей лаской, как будто смывая мягкими прикосновениями воды усталость из натруженных за день мышц.

Затем они походили вдоль берега с "топтухой", вытащив из воды вместе с сетью пару ведер небольших сверкающих серебром чешуи плотвичек и вьюнков. Потом Банда с берега понаблюдал, как осторожно и ловко проверял Олег норы под обрывом и под корягами, с радостным криком периодически выбрасывая на берег раков, со злобой и отчаянием шевеливших длиннющими усами.

Банда развел костер, пока Олег чистил картошку и готовил все необходимое для ухи, и вскоре над костром в большом ведре забулькала жирная и наваристая уха, расстилая

над рекой умопомрачительный аромат, а рядом, в ведерке поменьше, кипели раки, с каждой минутой все больше и больше наливаясь ярким красным цветом.

Парни разостлали на траве несколько "подстилок", как называл Олежка домотканые покрывала, захваченные из дому, на рушнике расставили стаканы, банку сока из замечательных кислых яблок сада Востряковых, вытащили из холодильника водку, нарезали сало, огурцы, помидоры, разложили стрелы лука и веточки петрушки. "Стол" получился – загляденье.

Будто нанося последний штрих в мастерски исполненный натюрморт, Востряков поставил среди этого изобилия две глубокие миски, наполненные дымящейся ухой, и высыпал горкой уже готовых раков.

– Все, Сашок, садимся. Наливай!

– С удовольствием.

Они чокнулись, выпили и на несколько минут за столом воцарилось молчание – изголодавшиеся за день парни просто не могли оторваться от пиршества, не желая отвлекаться на всякие там разговоры.

В конце концов, слегка перекусив и разливая водку по второму разу, первым заговорил Банда:

– За тебя, Олежка! За тебя – моего лучшего друга. За этот чудесный вечер, который ты мне подарил. Я тебе правду скажу – никогда еще в жизни не было мне так хорошо!

– И за тебя, Сашка! Ты... Ты мне очень дорог...

Что ж ты, гад этакий, раньше не приезжал?!

Банда опрокинул в рот разом полстакана водки, на мгновение зажмурился и смачно хрустнул огурцом, снова принимаясь за уху. С набитым ртом он промычал:

– Пей. Черт с тобой, не захотел за себя – пей за нас. За то, что мы снова вместе...

Когда Олег выпил, Банда спокойно, как о чем-то обыденном, неспешно очищая рака, произнес:

– Я, Олежка, наемником был.

– Как? – чуть не поперхнулся друг. – В Карабахе, что ли? Или в Югославии? Ты что, серьезно?

– Нет, не в Карабахе и не в Югославии. Хуже, Олежка, – Банда запнулся на секунду, но продолжал уверенно и убежденно:

– Гораздо, друг, хуже, чем на любой войне. Шакалом я был настоящим, хуже "духа" любого...

II

Его московская жизнь закончилась внезапно, совершенно неожиданно как для самого Банды, так и для Виктора Алексеевича. Еще вчера он устраивал "разбор полетов" валютчикам у Курского вокзала, а сегодня уже вылетал из Шереметьева... снова в треклятый Таджикистан, даже не попрощавшись и не предупредив об этом своего шефа. Оставив в Москве квартиру, машину, без вещей, захватив с собой в дорогу только маленький кейс, куда сложил бритвенные принадлежности, пару тельняшек да палку немецкой колбасы и ветчину в вакуумной упаковке – на первое время.

Он покидал Москву точно таким же неприкаянным, не нашедшим себя, не связанным ничем, как и появился здесь два года назад...

* * *

В тот памятный вечер Банда, как обычно в последнее время, сидел в ресторане, коротая время и накачиваясь виски с тоником, и настойчиво искал повод подраться.

Заведение под сколь лирическим, столь и затасканным названием "Ласточка" было, впрочем, довольно необоснованно называть рестораном. Это была самая обыкновенная забегаловка, в которой в одном углу ханурики стаканами пили

портвейн, в другом два спившихся интеллигента сосали уже третью бутылку сухача, а в третьем, жеманясь и похохатывая, блондинка совершенно неопределенного возраста пила водку, игриво позволяя своему соседу явно южных кровей страстно и довольно откровенно тискать себя за грудь.

Банде нравились такие забегаловки именно отсутствием сколько-нибудь аристократических манер, которыми нездорово увлекались в последнее время многие московские заведения. Каждое из них теперь претендовало на звание чуть ли не английского закрытого клуба, выставляя на дверях охрану из громил в смокингах и не позволяя посетителям приходить сюда в джинсах или спортивных костюмах. Между тем бдительное, можно даже сказать ревностное, отношение к внешности клиентов абсолютно не изменяло атмосферу и круг посетителей таких заведений – те же бандиты Черного могли оставить свои спортивные костюмы дома и облачиться в смокинги, став на один вечер псевдоаристократами. Алкоголики из "новых русских", обмывая очередной контракт в костюмах от Валентине и галстуках от Кардена, по-прежнему надирались по-черному, замызгивая свои крутые пиджаки майонезом и соусом, и ко всему прочему оказывались куда противнее этих милых и безобидных любителей портвейна, сидевших в "Ласточке". Портвейнщики, по крайней мере, не корчили из себя центр вселенной и не разговаривали с официантами надменно-снисходительно.

Именно поэтому в свободное от работы время, переодев-

шись в джинсовый костюм, Банда бродил по забегаловкам типа "Ласточки". Здесь всегда было проще, демократичнее, веселее. Здесь можно было нарваться на настоящую драку, без вмешательства охранников и вышибал. А именно повод к драке и искал каждый вечер Сашка, испытывая чуть ли не наркотическую потребность в сбросе энергии, в неожиданностях и опасностях, которые зачастую таили в себе пьяные драки в кабаках...

Банда не ошибся – повод подраться в тот вечер подвернулся довольно скоро.

В "Ласточку" зашли и шумно, громыхая стульями и матерясь, за столиком неподалеку от Банды устроились четверо парней. Таких Сашка про себя называл шпаной – молодые и пустоголовые, часто даже не служившие еще в армии, они нигде не работали, днем занимаясь мелким вымогательством, воровством или грабежами, а по вечерам до одури наливаясь водкой. Шпана никогда не работала на серьезную команду. В криминальном мире это были одиночки, которых притягивала романтика блатной жизни. Но жизнь эта, точнее представление о ней, у них заканчивалась на песенках Миши Шуфутинского типа "гоп-стоп, мы подошли из-за угла", а потому считали они себя, разок напугав учеников соседней школы, ну о-о-очень крутыми и непобедимыми и вели себя соответственно – нагло, развязно, цинично.

Именно шпану больше всего любил наказывать Банда. Ему очень нравилось наблюдать, как менялись лица этих па-

цанов, когда они встречали на своем пути серьезного соперника и получали достойный отпор. Чувствуя, как хрустят кости в выворачиваемом суставе руки, они вдруг волшебным образом снова превращались в детей и жалобно просили, пуская слезу: "Пустите, я больше не буду!" Наверное, в Банде пропадал все-таки хороший воспитатель.

В очередной раз услышав громогласный мат за столиком этой четверки. Банда встал и подошел к ним, заговорив под черкнуто вежливо:

– Ребята, извините, конечно, что я помешал вам беседовать, но вы слишком громко ругаетесь. Нехорошо. Здесь столько женщин! Как вам не стыдно?

– Чего-чего?

– Я говорю, перестаньте ругаться. Вы ведь в общественном месте находитесь..., – Ты, козел вонючий, вали отсюда!

– И все же я вас еще раз прошу – перестаньте, – сдержался Банда. Обычно он не начинал драки сразу, поддразнивая соперников и всячески стараясь как можно больше распалить себя самого. Вот и теперь он вернулся к своему столику и спокойно принялся за очередную порцию виски с тоником.

Компания, как Банда и рассчитывал, совершенно не вняла его просьбам, и когда один из этой четверки во все горло начал взахлеб рассказывать друзьям, как классно он трахнул сегодня какую-то там Светку, Сашка в очередной раз встал и подошел к разгулявшейся компании:

– Ребята, ну я же вас предупреждал!

– Мужики, да что это такое в конце концов!..

– Слышь, ты чо? Звезданулся, а? Ты чо, по зевалу захотел?

А ну вали отсюда! – один из этих четверых выглядел чуть постарше, и именно он начал угрожающе приподниматься со своего места.

И вдруг Банда отчетливо понял, что завелся уже вполне достаточно.

– Сядь, я сказал! И заткнитесь все, – коротко приказал он. – Ясно?

– Ну ты! – подскочил тот, что сидел ближе всех к Банде, но договорить не успел – Банда четко, как на тренировке, пушечным ударом правой ноги достал его голову, и парень полетел на пол, опрокинув стул.

Остальные трое вскочили с самым грозным видом, но Банду уже ничего не могло бы остановить: четко поставив блок против удара справа, он тут же отправил и этого нападавшего на пол, классически, ребром ступни двинув его в солнечное сплетение, и сразу же, ни на секунду не останавливаясь, толкнул стол от себя, опрокидывая его на старшего...

В принципе этот короткий, длившийся не более пяти минут бой можно было бы смело снимать на видеокамеру и затем дарить кассету знаменитому Жан-Клоду ван Дамму как пособие по рациональному ведению схватки. Банда не прыгал, не махал ногами выше собственной головы. Он просто действовал четко и профессионально, на полное поражение,

экономными и выверенными ударами доставая самые уязвимые и болевые точки соперников.

И действительно, спустя всего несколько мгновений после начала драки вся четверка оказалась на полу, не в силах не только пошевелиться, но даже вздохнуть полной грудью...

Банда неспешно вернулся за свой столик, выпил еще порцию виски и, закурив, двинулся к выходу, понимая, что милиция, вызванная как пить дать кем-нибудь из работников забегаловки, появится здесь буквально через несколько минут. Сашка вообще заметил странную закономерность – быстрее всего милиция приезжает на вызовы по причине пьяной драки. Видимо, для милиционеров это самое большое развлечение – отрываться на избитых и пьяных людях: во-первых, никакого серьезного сопротивления ждать уже не приходится, а во-вторых, все телесные повреждения задержанных с легкостью списываются как на саму драку, так и на "попытку сопротивления сотруднику милиции при исполнении им своих служебных обязанностей".

Он не успел еще дойти до своей машины, как услышал топот ног сбежавшего за ним по лестнице человека. Сильно удивленный тем, что кто-то из избитой им четверки уже успел так быстро очухаться и, не успокоившись, желает получить еще, Банда резко обернулся, приняв стойку и готовясь отразить нападение. Но к еще большему его удивлению, бежавший за ним человек был не из шпаны – за ним спешил тот самый мужчина южных кровей, страстно тискавший в

углу проститутку.

– Э, дорогой, подожди, меня бить совсем не надо! Я с тобой два слова поговорить хочу. Очень важный разговор имею, – затараторил, подбегая, южанин, по-азиатски шепелявя, проглатывая некоторые буквы и своеобразно расставляя ударения. – У меня для вас, уважаемый, очень хорошее предложение есть.

В свете фонаря Банда смог разглядеть его повнимательнее. Он оказался еще молод – ему можно было дать лет тридцать, тридцать пять. Хорошо, даже, пожалуй, слишком хорошо, одет – фирменные итальянские брюки, шелковая английская тенниска, на шее – тяжелая золотая цепь, несколько крупных, тоже золотых, печаток на пальцах. В отличие от многих своих соотечественников, промышлявших на московских базарах от фуры до фуры, этот не вызывал отвращения, не производил впечатления грязного, сто лет немытого чурбана. Он был тщательно выбрит, усики аккуратно подстрижены. Весь его облик выражал самоуверенность и довольство. Он как будто лоснился от собственного богатства, благополучия и положения, и пухлый бумажник, набитый купюрами, в нагрудном кармане тенниски, который успел заметить Банда, был тому лучшим подтверждением.

– Ты кто такой?

– Э-э-э... Меня Ахмет зовут. Мне с тобой серьезно говорить надо.

– Слышал уже. Чего хочешь?

– В двух словах, уважаемый, и не скажешь. Но я очень хорошее предложение к тебе имею, очень хорошее! – зацокал Ахмет языком, закатывая к небу, будто от удовольствия, свои маленькие узкие глазки.

– Мне сматываться надо. Сейчас здесь менты будут. Так что извини... – Банда открыл дверцу, собираясь сесть за руль своей "восьмерки", но Ахмет протестующе замахал руками, встав перед машиной.

– Я знаю, уважаемый, ехать обязательно надо.

Но послушай, я за тобой поеду, на своей машине, – он кивнул на припаркованную рядом с "жигулями" Банды симпатичную "тойоту-короллу". – Потом остановишься где-нибудь, и мы с тобой, уважаемый, поговорим немного, хорошо?

– Ладно, поехали. Смотри только, не потеряйся, – Банда сел за руль и резко, с пробуксовкой, рванул с места, скрываясь в темноте.

Благополучно разминувшись через пару кварталов со спешащей в "Ласточку" патрульной милицейской машиной, Сашка увеличил скорость и понесся в центр, несколько раз срезая углы через дворы и малоприметные закоулки. На его удивление, Ахмет не отставал, и яркие фары его совсем новой машины неизменно светили Сашке в зеркало заднего вида, ни разу не удалившись далее, чем на пятьдесят метров.

"Неплохо чурка водит! – отметил про себя Банда. – То ли в Москве давно живет и хорошо город знает, то ли вообще классный водитель, раз так четко за мной держится, всю до-

рогу не отстаёт ни на шаг".

Наконец, заметив очередную дешёвую забегаловку, которая все ещё работала в этот поздний час, Банда припарковался, закрыл машину и, войдя в заведение, заказал виски и устроился в самом темном углу. Через несколько мгновений к нему подсел и Ахмет с чашкой кофе в руках.

– Спать сильно хочу, уважаемый, у нас ведь уже ночь глубокая. А кофе мне хорошо помогает, – кивнул он на свою чашку и, шумно причмокнув, отхлебнул.

– Ну так что ты от меня хочешь?

– Сейчас скажу... Ты, – Ахмет отставил кофе в сторонку и внимательно посмотрел на Банду, – хорошо дерешься, уважаемый. Очень хорошо, однако.

– И что с того?

– Ты мне нужен.

– Даже так?

– Я хочу, чтобы ты согласился у меня работать.

Банда даже смутился от такого напора и категоричности. Он неуверенно произнес:

– А почему, собственно говоря, ты думаешь, что у меня сейчас нет работы?

– Может, и есть. Но я же тебе, уважаемый, такие условия хочу предложить – ты просто пальчики оближешь!

– Ну?

– Есть у меня кое-какие владения... – Ахмет снова шумно отхлебнул кофе. – Большие владения, которые надо хорошо

охранять. Они там, в Таджикистане...

– Где-где?

– В Таджикистане, у меня на родине, в горах...

– О, Господи! – Банда даже не смог удержать вздох разочарования – проклятые горы, кажется, не хотели отпускать его даже здесь, в Москве, за тысячи километров, старательно напоминая о своем существовании.

– Э, дорогой, не спеши отказываться! – по-своему истолковал вздох парня Ахмет. – Работа совсем простая – будешь всего только охранять территорию. Контракт подпишем с тобой для начала на год.

Получаешь пятьсот долларов на руки каждый месяц. Еда – за мой счет, жилье тоже бесплатное – гостиница специальная для охранников... Кстати, ты, случайно, в армии не служил?

– Служил.

– А в Афганистане, случайно, не был?

– Был. А что?

– Да нет, ничего. Просто, раз ты уже войну повидал, значит, многое знаешь, многое умеешь. А мне как раз бывалый человек для этой работы нужен.

Банда тем временем задумался. Противоречивые чувства боролись в его душе. С одной стороны, он распрощался с горами Афгана и Таджикистана, как ему казалось, навсегда. Он был сыт по горло этим проклятым краем, в котором потерял столько своих товарищей, в котором измотал себе нерв-

ную систему и уже после срочной службы, будучи офицером, был дважды ранен, из которого сбежал с превеликой радостью. Но, с другой стороны, Москва, его теперешняя работа и его нынешнее окружение именно сейчас стали для него главным фактором раздражения, недовольства и жгучей ненависти.

Ненависть к этому городу и к укладу собственной жизни в нем теперь пересиливала даже ненависть к горам. Банда уже давно искал повод изменить все, начать новую жизнь, как говорится, с нуля И вот случай сам дает ему такую возможность, сам идет в руки. Может, чем черт не шутит, и воспользоваться?

– Так говоришь, охрана территории?

– Да, уважаемый, охрана. Работа посменная, там не ты один будешь. Отработал – отдыхай в своей комнате, никто тебя ничего заставлять делать не будет. Правда, сам понимаешь, в горах развлечений немного, но зато деньги будешь иметь хорошие, наличными и регулярно.

– А что там охранять-то?

– Ну... на месте увидишь, – замялся Ахмет. – Склады, производственные помещения, общежития, еще кое-что – ты сам посмотришь.

– Слушай, а почему все-таки ты мне это предложение делаешь?

– Честно?

– Честно.

– Понимаешь, есть у тебя сила, есть мастерство.

Но это у многих есть. А у тебя, как мне кажется, есть еще жестокость, безжалостность. А мне нужны именно такие люди... Ведь ты умеешь выполнять приказы?

– Уметь-то умею, но в армии я выполнял приказы командования, руководствуясь...

– Э-э-э, дорогой, подожди! Я сам служил в армии, – Ахмет недовольно поморщился от собственных воспоминаний, – и прекрасно знаю, чьи приказы и на каком основании ты выполнял. Я тебе про другое хочу сказать. Я тебе буду платить деньги, ты у меня будешь работать – значит, логично, если я буду давать тебе задания кое-что выполнять?

– Ладно, кончай базар. Давай лучше выпьем за то, чтобы поменьше сволочей на земле было, – Банда уже и без того изрядно захмелел, а теперь жаждал вообще надраться до зеленых чертиков.

– Так ты согласен, уважаемый?

– Да не гони ты. Дай подумать пару недель.

– Ты что! Дорогой, у меня завтра самолет на Душанбе, везу команду рабочих-сезонников. Тебе сегодня все решить надо, чтобы сразу и улететь.

Банда, конечно же, не ожидал, что он должен решить настолько быстро. Тем не менее в душе с предложением нового знакомого он согласился уже давно и теперь, заказывая целую бутылку виски и хорошую закуску, он знал, что будет сегодня гулять всю ночь, прощаясь с Москвой и с этим пе-

риодом своей жизни.

– Так во сколько наш самолет? – подмигнул он таджику с видом заговорщика, наливая себе и ему порцию неразбавленного крепкого шотландского виски "Джонни Уокер" с красной этикеткой.

– В десять двадцать. Из "Шереметьево". В половине десятого я буду ждать тебя у входа в аэропорт...

Кстати, уважаемый, а как тебя хоть зовут?

– Банда.

– Банда? Какое-то нерусское имя... – удивленно и подозрительно посмотрел таджик на парня. – Я таких раньше не слышал.

– Русское, не волнуйся. Так меня всю жизнь зовут. И всем нравилось.

– Хорошо-хорошо, Банда так Банда... А я – Ахмет. Так ты согласен? Я буду ждать тебя завтра в аэропорту ровно в девять тридцать, У входа. Ты запомнил?

– Запомнил, куда я денусь. Ты не волнуйся, Ахметка, все будет, как положено. Ты пей. Мы сегодня с тобой обязательно напьемся. Мы же с тобой с этим городом, со столицей, прощаться будем...

* * *

– В общем, на следующее утро я был уже в аэропорту.

– Так что, ты действительно вот так сразу и решился? –

чем дальше Олег слушал Банду, тем больше удивлялся. Он, например, не понимал, как можно с такой легкостью менять свою жизнь, переворачивая все с ног на голову. Тем более – принимать решения за считанные минуты. – И что, ты на самом деле снова поехал в Таджикистан?

– Да, – Банда вдруг заметно помрачнел. – Да, Олежка, на-
утро я был в "Шереметьево" и на самом деле полетел в этот проклятый край... Знаешь, давай выпьем лучше, а то... Тя-
жело все это вспоминать.

– Конечно, давай!

Они налили и, не чокаясь, выпили, снова с аппетитом при-
нимаясь за раков.

Тем временем уже совсем стемнело, и лишь последние от-
блески заката на краю небосклона напоминали о прошедшем
дне. Самом счастливом дне в Сашкиной жизни. Но вспоми-
нал сейчас Банда совсем о другом.

– Ахмет вез в Душанбе человек двадцать. Я не знал еще в
то время, какая им уготована судьба. Думал – просто рабо-
чие-сезонники. Правда, они были довольно странные – ка-
кие-то грязные, затравленные. От них несло такой воню,
что стюардесса даже боялась приближаться к их рядам. Ко-
роче, с виду – натуральные бомжи. Впрочем, они и на самом
деле оказались обыкновенными бомжами.

Ахмет их, как я потом узнал, по всей Москве собирал.
Каждый месяц он ездил в такие рейсы-вербовки. Добывал
себе, так сказать, рабочих.

– Зачем? Что они делали?

– Об этом я узнал только в лагере, много позже... Давай закурим, Олежка. Где сигареты?

– Держи.

– Я был этим бомжам неровня, – продолжил через мгновение свой рассказ Банда, выпуская струйку дыма. – Это я сразу понял. Мне и себе Ахмет взял билеты отдельно, в другом конце салона.

Хитрый был, собака, психологию человека здорово знал. Сразу ставил границы – кому что можно и кто на что годен. Кстати, в Душанбе, сразу же по прилете, он запретил мне называть его Ахметкой. Или Ахмет-бей, говорит, или хозяин. Мол, так у них принято.

* * *

В Душанбе их уже встречали. На площади перед зданием аэропорта стоял армейский "Урал" с крытым брезентом кузовом и новенькая "мицубиси-паджеро". За рулем джипа сидел таджик, чем-то неуловимо похожий на Ахмета. Он бросился им навстречу и радостно обнялся с хозяином, по-восточному приветствуя его. Они оба о чем-то дружно по-своему затараторили, при этом Ахмет, видимо, рассказывая о поездке, разок кивнул на кучку бомжей и несколько раз указал на Банду, повторяя его имя.

– Знакомься, Банда, – наконец повернулся к нему Ах-

мет. – Это мой брат, Махмуд-бей Он тоже хозяин. Мы с ним вдвоем ведем дело.

– Очень приятно.

Сашка неуверенно пожал руку брату вербовщика, представляясь.

– Хорошо, очень хорошо. Добро пожаловать. – Махмуд оказался таким же улыбчивым и предупредительно-вежливым, как и его братец. – Надеюсь, мы хорошо поработаем вместе. Садись в машину, а мы пока рассадим этих...

Банда, устроившись на заднем сиденье "паджеро", наблюдал, как погрузили братья всех бомжей в кузов "Урала", и вскоре их маленький караван – грузовик впереди, джип чуть позади – двинулся из аэропорта, а затем по серпантину дороги вверх, в горы...

* * *

– Знаешь, какие владения-то у братьев были? – Банда со злобой сплюнул в костер. – Концлагерь настоящий. Большой дом, в котором жили братья и охрана. Там же была наша столовка – знаешь, что-то вроде клуба, охранники там просиживали все свободные от службы вечера. Потом, значит, еще два домика-барака – казармы для "зэков"...

– Для кого?

– Для "зэков". Мы так этих бомжей называли.

Их же, как только мы в лагерь заехали, в барак загнали,

паспорта отобрали – и все. Мышеловка захлопнулась.

– В смысле? – Олежка ничего не понимал.

– Братья превращали бомжей в натуральных рабов. Мы и нужны были для их охраны, чтоб не разбежались. Выгодное дело так рабочих нанимать – никто не спохватится, не начнет их искать. Работали "зэки" от зари до зари, вкалывали – дай Боже.

Чуть с поля вернутся, покормят их – и снова в барак, под замок. Если что не так – в зубы, а то и вообще братья демонстративный расстрел устроят, чтоб другим неповадно было.

– Ты серьезно?

– Вполне. Концлагерь там был настоящий – вся территория "колючкой" обнесена, вышка сторожевая в углу – все, словом, как положено... Знаешь, Олежка, давай еще выпьем, а то как-то хреново мне.

– Давай, конечно.

Они снова выпили, и Банда продолжил свой страшный рассказ.

– Я там охранником был. Мне сразу же выдали камуфляж, "калашник"...

– Ого! – Востряков от удивления даже присвистнул.

– Да, Олег, у них там все очень серьезно было.

– А как же власти? Милиция?

– Ты что, забыл? Какая там милиция?.. А, черт, я сам забыл – ты же сразу из Афгана в госпиталь попал, порядков местных не видел... Нет там советской власти. Там есть

власть клановая, семейная.

Есть власть денег. Есть власть силы. Есть, правда, слабее немного, власть традиций, старейшин. Но и то только в кишлаках.

Банда снова закурил, и по прыгавшему в темноте огоньку сигареты Востряков понял, как волнуется, переживая все это заново, его друг.

– Короче, стал я охранником. Водил бомжей в горы, охранял по ночам территорию... Там, в горах, у братьев целые плантации анаши и конопли были.

Ты думаешь, московская наркота на чем зелье сидит? Афганского, пакистанского или китайского – мизер. В основном свое, из Средней Азии.

– Да... Ты, брат, такие страсти рассказываешь – никогда б не подумал.

– Страсти, Олежка, потом начались. От страстей тех я здесь и оказался со всеми этими "пушками" ... Давай еще выпьем, а то она, проклятая, – Банда кивнул на водку, – что-то на меня сегодня совсем не действует.

Они выпили, и Банда, не закусывая и снова закуривая, продолжал:

– Ты, например, знаешь, что такое русская рулетка?

– Ну слышал вроде.

– А про русскую рулетку в таджикском исполнении ничего не слышал еще?..

* * *

Охранники лагеря почти все были таджиками. В основном двоюродными и троюродными братьями и прочими родственниками Махмуда и Ахмета.

Профессионалами их назвать нельзя было даже с натяжкой – ни стрелять толком не умели, ни драться. Только злые все были, как шакалы, и жестокие – над "зэками" издевались почем зря, били их смертным боем.

По вечерам из столовки охранников вечно доносились крики и жуткий смех таджиков, что-то там бесконечно праздновавших. Но по четвергам, в тот день, когда у "зэков" была плановая помывка в бане, в столовой творилось что-то уж совсем невообразимое. И слышались выстрелы. Всегда ровно два. Ни больше, ни меньше. И два труп "зэков" на утро сбрасывалось в пропасть...

* * *

– Был там, Олежка, у меня дружок... Ну не дружок, допустим, а так, самый близкий знакомый – Женька Хлыст. Откуда-то из-под Перми. Нормальный был парень, спокойный. В охранники к братьям случайно, как и я, попал – его Ахмет во время одной из поездок на вокзале в Москве выловил,

когда тот, дембельнувшись, в родную деревню возвращался. Знаешь, после армии-то, когда на этой гражданке ничего не знаешь и так хочется хоть как-то свою жизнь изменить... Короче, клюнул Хлыст на пятьсот баксов в месяц и оказался в лагере, Банда совсем разволновался.

– Мы с ним и сошлись-то, наверное, из-за того, что оба были там людьми случайными. Я же, поверь, за целый год ни одного "зэка" не застрелил.

Хотя и были у меня попытки побега. Догонял, бил, назад, в "стадо", загонял – это, Олежка, было. Но убивать – ни разу, клянусь!

– Да я верю, Саша, верю! Что, я тебя не знаю, что ли? – поспешил Востряков его успокоить.

– Ну... Хлыст тоже никогда никого не убивал.

Молодец был пацан, поэтому нам, наверное, таджики и не доверяли никогда полностью, все чего-то опасались. Мы же в крови не были запачканы. Там у нас здание одно было, таджики его баней называли. По четвергам туда "зэков" загоняли. Они даже на работы не ходили в этот день. Да и какая работа – из бани той бомжи выбирались какие-то обесиленные, вялые... Я целый год, Олежка, даже и не догадывался, что в той бане делалось! Нас с Хлыстом к ней и близко не подпускали, а "зэки" разве скажут – мы, охранники, для них же лютыми врагами были. Они со своей стороны нас за людей тоже никогда не считали... Эх, знать бы про все чуть раньше!

– Сашка, да ты спокойнее, спокойнее. Ведь все уже прошло, не нервничай ты так, – пытался хоть как-то успокоить своего бывшего командира Востряков. – Так что ты там про русскую рулетку в таджикском исполнении рассказывать начинал?

– А... Короче, однажды Хлыст уговорил меня – пошли, мол, посмотрим, что там чурбаны вытворяют...

* * *

В столовой оказалось полно таджиков – все свободные от смены чурки собрались здесь. Был даже Ахмет. Он сидел посреди помещения за столом, к которому перпендикулярно был придвинут второй стол. На нем располагались два стакана, бутылка водки, хлеб и кусок вареной баранины. Перед хозяином лежали два револьвера и коробка патронов.

– О, даже наши русские друзья сегодня пришли! – радостно поприветствовал их Ахмет. – Заходите, не стесняйтесь, гостями будете. Может, и сами в нашу игру поиграете, если захотите, конечно...

Таджики дружно заржали, и Сашка с Хлыстом удивленно переглянулись, чувствуя какой-то подвох.

Тем временем Ахмет начал принимать ставки.

Кто больше клал на стол перед ним долларов, тот и получал право принять участие в игре. Точнее, в лотерее, ставкой в которой оказывалась жизнь, как узнали ребята чуть позже.

– Может, все-таки наши новички желают сыграть? – снова с подколкой спросил Ахмет, но парни, ничего не понимая, лишь отрицательно замотали головами.

Наконец ставки, дойдя до суммы в триста долларов, были сделаны, и в помещение столовой втокнули двух "зэков" – самых доходяжных, еле-еле переставляющих ноги после сегодняшней баньки.

Их усадили за стол, налили каждому по стакану водки и придвинули хлеб и мясо.

– Перекусите... перед сном, – слова Ахмета почему-то снова вызвали дружный смех таджиков. – Помните фильм "Судьба человека"? Там после первой не закусывали, а мы вам такую возможность даем. Ешьте, пейте... Времени у вас хотя и немного осталось, но пока еще есть, ха-ха!

Сашка, не понимая причины такого бурного веселья банды Ахмета, с недоумением взглянул на Хлыста. Тот в ответ только удивленно пожал плечами.

Тем временем два таджика, выложивших по триста долларов, подошли к столу, и каждому из них Ахмет дал револьвер и по одному патрону...

Правила рулетки оказались весьма просты. Револьвер заряжался единственным патроном и затем барабан раскручивался. Как в настоящей русской рулетке – угадать, попадет боек на капсулю патрона или сухо шелкнет вхолостую, было совершенно невозможно. Затем охранники – участники рулетки – приставляли револьверы к вискам зэков и одновре-

менно, по команде Ахмета, нажимали на спусковые крючки. Раз, другой, третий. Пока не раздастся выстрел. Тот, чей патрон "срабатывал" раньше, забирал и свою ставку, и ставку соперника. Но если осечка у обоих участников происходила четыре раза подряд, деньги уходили Ахмету – организатору, так сказать, "соревнования", а на "огневой рубеж" выдвигалась новая пара "искателей удачи".

Банда как зачарованный смотрел на происходящее, не в силах оторваться от этого зрелища, не в силах поверить, что происходит все это не во сне, а наяву, всерьез, в конце двадцатого века на территории, некогда входившей в состав "самого человеческого, самого гуманного, самого дружного и очень интернационального" государства!

Вот раздалась команда Ахмета, рулетчики нажали на спусковые крючки... Два сухих щелчка возвестили о том, что первый тур "игры" закончился в пользу "зэков".

– Как ваши имена, о отважные счастливичики? – кривляясь, спросил Ахмет у обоих вмиг протрезвевших и совершенно обалдевших от такого поворота событий "зэков", пока их палачи старательно крутили барабаны, готовясь ко второму туру.

– Федор мое имя, – нерешительно промямлил тот, что сидел слева от хозяина, но именно в этот момент "крупье" крикнул:

– Давай!

Щелчок и тут же – грохот выстрела. Голова Федора тя-

жело упала на стол, опрокидывая пустой стакан. Выражение недоумения и удивления так и не исчезло из его мгновенно остекленевших глаз, и лишь маленькая аккуратная дымящаяся дырочка на виске свидетельствовала о том, что хозяин этой головы уже никогда не сможет вымолвить даже собственного имени.

Дружный восторженный рев всех присутствовавших таджиков сотряс стены столовой. Убийца победно вскинул вверх руки, тут же воздав хвалу Аллаху за избавление мира от очередного неверного. Все шестьсот долларов со стола мгновенно перекочевали в его карман.

– Я могу уже идти? – с дрожью в голосе произнес, приподнимаясь со своего смертного места второй "зэк", расширенными от ужаса глазами пялясь на распластанное рядом тело его "коллеги" по кровавой лотерее.

Но уйти ему, конечно же, не дали.

– Э, дорогой, куда ты так торопишься? – хозяин откровенно глумился над ним, даже не пытаясь скрыть своего издевательского тона. – В барак ты всегда успеешь, лучше посиди с нами, выпей... Налить ему!.. Пей, не стесняйся, закусывай – я хочу, чтобы все было, как у людей.

"Зэк" ошарашенно посмотрел на Ахмета, пытаясь понять, что скрывается за его улыбочкой, и одним залпом осушил протянутый ему кем-то из таджиков стакан.

– А как твое имя? Мы еще не слышали.

– Петром меня зовут. Петр Корнейчик. Да и пойду уже,

пожалуй, завтра на работу рано вставать.

Не хочу вам мешать... – он начал медленно приподниматься, униженно раскланиваясь, но тут же строгий окрик хозяина остановил его, снова пригвоздив беднягу к стулу:

– Сядь, свинья неблагодарная! Игра только началась!

Ахмет яростно сверкнул глазами и властно указал на второго рулетчика, с револьвером в руке стоявшего за спиной несчастного "зэка".

– Этот человек вложил триста своих долларов и проиграл. Неужели ты не хочешь ему помочь? Он должен вернуть свои деньги. И поэтому мы сейчас все вместе будем играть дальше, во втором туре. Ясно?

Ахмет выложил из кармана стодолларовую купюру и положил перед собой на стол.

– Объявляется игра: Мурат против Петра. У одного – голова, у второго – один патрон в барабане.

Я ставлю сто долларов на то, что повезет Петру. Кто согласен – клади деньги сюда. Кто против – клади около Мурата. Ты сам, Мурат, по нашим правилам Можешь на этот раз ничего не ставить – если выиграешь, получишь свою долю наравне с остальными выигравшими. Ставка для всех одинаковая – сто долларов.

Вскоре на столе перед Ахметом лежало шесть сотен, а сторонники Мурата выложили тысячу триста баксов.

Прозвучала команда хозяина, щелчок – и Ахмет сгреб все деньги, честно разделив сумму на шесть частей и раздав каж-

дому, кто поставил так же, как он.

– Молодец, Петр, хорошо сыграл – мы на сто процентов благодаря тебе "поднялись"! – поблагодарил он "зэка" невесть за что...

Второй этап кровавой игры продолжался минут двадцать. Деньги кочевали из одного кармана в другой, револьвер глухо щелкал, а Петр обреченно пил водку, потеряв к происходящему, как показалось Банде, всяческий интерес.

Скоро все было кончено. Раздался выстрел, и на стол тяжело повалился Петр. Пуля прошла через его голову далеко не так аккуратно, как у Федора. Ранение, безусловно смертельное, оказалось сквозным, и вышла пуля где-то на шее, рваной окровавленной раной вспучив обрывки мышц и кожи. Из раны густо, пульсирующими потоками, потекла темно-красная кровь, заливая стол, мясо, хлеб...

Банда, слишком много повидавший на своем веку – видевший и смерть, и кровь, носивший за бронежилетом вытекший глаз товарища и счищавший его мозги с собственного обмундирования, – на этот раз не выдержал. Ведь это была не война – простое убийство. Он не смог вынести жуткого зрелища и бросился вон из столовой, спеша на свежий вечерний воздух.

Следом за ним выскочил Хлыст, и без того всегда круглые и удивленные глаза которого стали сейчас похожи на два медных пятака царской чеканки.

– Суки! – шептал он. – Шакалы! Банда, я их всех порежу,

всех постреляю. Не дам жить гадам!

– Порежем, Хлыст, обязательно. И постреляем.

Только момент найдем подходящий... А пока тихо – идут. Кажется, трупы вытаскивают. Ублюдки гребаные...

С того дня чувствительность и сентиментальность русских охранников стала главной темой разговоров между таджиками. Каждый из них считал за честь напомнить Банде и Хлысту об их "позоре" – о том, как они, сами русские, тем не менее испугались русской рулетки, испугались одного только вида человеческой крови.

– Эй, Хлыст, пошли поможешь, я сейчас баранчика резать буду – крови много будет!..

– Банда, приходи сегодня в столовую в русскую рулетку играть – глядишь, если не обрыгаешься, за один вечер много денег сможешь заработать!..

Правда, после нескольких зубодробительных ударов Банды шуточки прекратились, но отношение недоверия и пренебрежения к Хлысту и Банде со стороны остальных охранников только росло и укреплялось...

* * *

– Ты, наверное, спросишь, почему я не сбежал? – Банда первым нарушил тяжелое молчание, воцарившееся у костра по окончании его страшного рассказа. – А все очень просто – не мог я убежать, Олежка...

– А я и не спрашиваю... Давай лучше еще выпьем, а то ты такие страсти рассказываешь – мороз по коже дерет, – Востряков наполнил стаканы и сразу же, не дожидаясь Банды, одним большим глотком выпил свою порцию.

– Зима началась, Олег. Вокруг горы, снег. Куда пойдешь? – Банда будто не слышал Вострякова, так и не притронувшись к стакану и продолжая свой рассказ. – Подошел я к Ахмету, так, мол, и так, больше работать у тебя не хочу, мы про такие зверства не договаривались, так что переправляй меня в Бишкек – и адью. А он мне в ответ – "не могу, кем я тебя заменю, интересно?" Мы, говорит, с тобой контракт на год заключили, так что работай. Я ему – "пошел к чертям собачьим! Забирай свои сраные бабки, а я ухожу!" – "Иди, – говорит, – я не держу. Сдохнешь в горах как шакал последний..."

Банда тяжело вздохнул и замолчал, а потом, будто до него только сейчас дошло предложение Олежки, схватил свой стакан и тоже выпил его залпом, даже не поморщившись.

– Так что я остался... К зиме там человек сто двадцать "зэков" собралось – Ахмет, как видно, готовился основательно. Ведь до самой весны из лагеря – никуда, только в баню "зэков" водили, все остальное время в бараках они сидели, носа не показывая... Зато весну вряд ли и половина увидела. Кто сам умер, кого в рулетку, так сказать, проиграли... А пятерых Ахмет зарубил. Прилюдно.

– Как? При всех?

Банда закурил.

– Да, Олежка... Был конец февраля, солнце уже пригревало капитально. В горах стали оттаивать тропинки, склоны, перевалы. Правда, в горы мы еще не ходили – опасно было: лавины, оползни. Сидели в лагере, балду гоняли. И вот однажды пятеро "зэков", которые в наряде на кухне были, охранника пристукнули – и деру, – Банда, рассказывая, аж вздрогнул, видимо, вспомнив что-то ужасное. – Короче, далеко они не ушли, слабые ведь были. Их таджики через двадцать минут нагнали...

* * *

Утро выдалось на славу: тихое, спокойное, солнечное.

Заступать на пост Банде нужно было лишь к вечеру, чтобы всю ночь охранять бараки, и времени выспаться впереди у него еще было предостаточно.

Он лежал на койке в своей комнатухе и, глядя на блики солнечных лучей, прыгавших по стене, слушал Цоя. "Кино" помогало Банде "уходить": эти песни оказывались лучше наркотика, отправляя парня в мир грез и воспоминаний, никоим образом не связанных с реальностью.

Вот и сейчас, слушая "Группу крови", Банда был не здесь, а гораздо южнее, в Афгане. Там, где все было так просто и так понятно: где свой и где чужой, где долг и где враг. Где было, за что выкладываться и ради чего рисковать и где было, что

и кого потом с теплотой вспоминать.

Он так углубился в собственные воспоминания и в музыку, что даже не обратил внимания на странные взволнованные крики в коридоре их общежития, на топот ног таджиков, вдруг куда-то дружно побежавших, на гортанные команды Ахмета и неумелый русский мат Мурата.

И лишь автоматная очередь за окном, резко ворвавшаяся в его раздумья, сбросила парня с кровати.

Автоматически (у них было принято в случае стрельбы на территории лагеря всегда на всякий случай "по тревоге" собираться вместе) схватив "калашник" и на бегу присоединяя магазин, Банда бросился наружу.

Шум доносился со стороны бараков для "зэков" – именно там собралось теперь все население лагеря. Банда заметил, что толпа четко разделена на две части – одну составляли "зэки", теснимые несколькими автоматчиками и что-то яростно кричавшие, а другую – сплошь таджики-охранники, сгрудившиеся вокруг чего-то, – Сашка отсюда не мог рассмотреть, чего именно. Он со всех ног бросился к толпе.

Когда он подбежал, таджики расступились. – На земле, у их ног, лежал охранник. Он был мертв, и на его заострившихся скулах запеклись черные ручейки крови, стекавшие откуда-то из-под черной густой шапки волос.

Рядом с ним, затравленно озираясь, сидели на земле пятеро связанных "зэков". Рты их были заткнуты грязными тряпками, руки туго стянуты за спиной, и, ежесекундно получая

со всех сторон удары, они лишь дико вращали вылезавшими от боли из орбит глазами, не в состоянии даже попросить о пощаде. Впрочем, их бы никто и не услышал: таджики-охранники, глядя на своего мертвого товарища, издавали такие жуткие вопли ярости и ненависти, что перекричать их не было никакой возможности.

Лишь неожиданный гром выстрела смог слегка успокоить этих людей.

В воздух стрелял Ахмет. Он стоял теперь перед погибшим товарищем, сжимая в руке пистолет, его глаза дико и страшно сверкали. По этому свирепому блеску Банда сразу же догадался, что сейчас произойдет что-то ужасное, и от страшного предчувствия у него противно засосало под ложечкой.

– Тихо всем! – крикнул хозяин, и тотчас же наступила тишина. – Аллах видит все, он справедлив!

Эти неверные несколько минут назад убили нашего товарища и как подлые шакалы пытались убежать в горы. Но Аллах справедлив! Он вернул их в наши руки, чтобы мы смогли по заслугам воздать им. И мы сделаем это во имя Аллаха!

– Аллах акбар! – дружно заревели охранники, потрясая автоматами над головами несчастных беглецов.

– Аллах желает, чтобы казнь этих неверных ублюдков стала примером и устрашением для всех остальных, – продолжал тем временем Ахмет и, повернувшись к толпе "зэков", прокричал:

– Вы меня хорошо поняли? Я вам покажу, что будет с те-

ми, кто попытается отсюда бежать! Из лагеря дороги назад нет, это должен запомнить каждый из вас!

По рядам "зэков" пробежал негромкий гул, и Банда не понял, был ли это гул согласия или протеста. Впрочем, Ахмет все равно не прислушался бы к тому, какотреагируют на его угрозы "зэки". У него в голове, по всему чувствовалось, уже давно созрел четкий план устрашающего наказания.

– Охрана, построить всех в одну линию лицом к этим шакалам и не спускать с них глаз ни на минуту. Я сейчас вернусь, – отдав команду, Ахмет бросился к общежитию.

Через несколько минут он появился снова, и в руках его ярким, а от этого еще более жутким солнечным блеском отливала кривая восточная сабля.

Таджики восторженно загалдели, увидев в руках хозяина древнее оружие предков, а у "зэков" застыли лица, превратившись в страшные гримасы животного ужаса.

– Я никогда не шучу. Если я сказал, что из лагеря выходить нельзя – значит, нельзя! Но эти шакалы, – Ахмет ткнул саблей в направлении связанных беглецов, – не только решили меня обмануть, но еще и убили нашего товарища, истинного правоверного Абдурахмана Салибова. Кровь – на руках этих неверных, и справедливый Аллах никогда не простит нам, если мы не отомстим за эту праведную кровь кровью самих неверных!

Исступленный рев таджиков заглушил его последние слова. И тогда Ахмет подошел к пленникам поближе, примерил-

ся и резко махнул саблей. Как кочан переспевшей капусты, глухо стукнулась о землю вмиг отрубленная голова крайнего из беглецов. Бедняга не успел даже, наверное, понять, что произошло, как его обезглавленное тело нервно задергалось в последних предсмертных конвульсиях.

Судорожный вздох дикого ужаса пронесся над толпой "зэков", и даже повидавший на своем веку многое Банда почувствовал, как противно подкатывается к горлу тошнотворный комок. Он отвернулся, не в силах смотреть на эту жуткую картину.

– Аллах акбар! – радостно вопили вокруг него таджики, будто одержав неслыханную победу над грозным и могущественным врагом своего Аллаха.

А через несколько секунд еще четыре головы скатились в лужи стаявшего снега, навсегда отделившись от бранных измученных тел неудачливых беглецов.

Их головы, водруженные на колья, несколько месяцев торчали перед бараками "зэков", пока птицы, дождь, солнце и ветер не испортили окончательно это "наглядное пособие" для остальных, придуманное Ахметом...

* * *

– Вот такие дела, Олежка, там и творились...

– Ни хрена себе! – Востряков аж содрогнулся, будто сбрасывая с себя оцепенение и ужас рассказа Банды. – Если б не

ты мне все это рассказывал, я б и не поверил, наверное...

– А я это все своими глазами видел... Наливай, Олег! Не дай Бог снова все это пережить!

Они пили, не пьянея, и лишь одно чувствовал Банда – с каждым новым стаканом и с каждым новым рассказанным эпизодом ему становилось легче и еще больше хотелось выговориться, выложить все, что накипело за эти годы.

– Короче, ты понял, что там творилось. С каждым днем я чувствовал, что закипаю все больше и больше. Я ненавидел этих чучмеков всей душой... И исправно работал на Ахмета, получая за свою шакалью работу неплохие бабки.

Банда взглянул на Олега, будто ища поддержки, но друг на этот раз промолчал, и тогда Сашка заговорил снова:

– Но, Олежка, это, оказывается, было еще не самое страшное. Гораздо худшие штучки вытворял Ахмет. Я это узнал случайно.

По голосу Бондаровича Востряков вдруг понял, что именно сейчас друг расскажет то, что в корне изменило его жизнь и что пригнало его сюда, в Сарны.

– К нам периодически, строго раз в неделю, прилетал вертолет, и на нем Мурат отправлял куда-то контейнеры. В этих жестянках, как мы с Хлыстом предполагали, были какие-то вытяжки из наркотиков или полуфабрикаты из "травки", заготавливаемой в горах "зэками", – Банда снова закурил, и то, как нервно он затянулся, красноречивее любых слов свидетельствовало о его волнении. – Охранники из таджиков вы-

носили эти контейнеры из бани, а уже мы таскали их к вертолету. Нас с Хлыстом никогда не пускали в баню, и поэтому мы догадывались, что там есть что-то такое, чего нам видеть не положено. Мы думали – лаборатория, но даже и представить себе не могли, какая именно... Налей, Олег, ну его! Как вспомню, так аж руки трясутся; мать твою!

Востряков понимающе кивнул и, быстро разлив водку, протянул Банде его стакан. Сашка снова выпил водку, как воду, даже не потянувшись за закуской.

– Короче, было это неделю назад. Снова, как всегда, прилетел вертолет, снова мы носили эти контейнеры... Но вдруг Хлыст споткнулся, и контейнер вылетел у него из рук. Крышка отскочила, а оттуда – кровь... Прямо мне на сапоги, понимаешь?.. Ахмет Хлыста тут же, на месте, прирезал... И тогда я не выдержал, сорвал с плеча "калашник" и...

– Ну?

– Положил всех, кто был в это время в лагере. Мне повезло, часть охранников с "зэками" в горы ушла, так что с оставшимися справился...

– Так, а что это за кровь была? – теперь разволновался уже и Востряков, живо представляя себе всю эту картину и искренне переживая за друга.

– Там в лаборатории старичок сидел. Дедок как дедок – обыкновенный фельдшер. Его-то я и допросил. Кровь, Олежка, они в принудительном порядке каждый четверг брали. Баня – для отвода глаз. На самом деле – донорский пункт.

По поллитра, как этот врач траханый сказал мне, в принудительном порядке выкачивали из каждого.

– Охреть можно!..

– Не то слово!.. Братья эту кровь куда-то, то ли в Пакистан, то ли в Иран, продавали и именно с этого имели самый большой навар. Наркотики – тьфу! За кровь им платили обалденные бабки, – Банда снова потянулся за стаканом, и Олежка с готовностью налил ему и себе. – В общем, кончил я всю эту кровососную команду, собрал там кое-какое оружие, взял машину Ахмета – и на пятах. Думал, что никогда из Таджикистана этого проклятого не вырвусь. Засаду мне на дороге устраивали, погоню посылали... Это когда их вертолет вовремя не вернулся, мафия местная подсуетилась.

– Ну-у, тебя взять не так-то просто, старший лейтенант Банда... – убежденно протянул Востряков, внимательно и с уважением глядя на друга. – Кого другого, но уж тебя я хорошо знаю, черта!

– Они теперь, наверное, тоже догадываются, – вдруг рассмеялся Банда, – и Аллаху своему жалуются!

Он рассказал Олежке все, и теперь ничего не оставалось меж ними недоговоренного, не лежало неподъемным камнем на совести. И напряжение отпустило Банду. Приключения последней недели теперь его даже веселили.

– Я тебе еще расскажу, как добирался до тебя, – со смеху помрешь! – ржал он, толкая в плечо Вострякова. – Гаишников насмотрелся – во! Тупые все, продажные... У меня в

кузове целый арсенал, а им по хрену, лишь бы "зелеными" платил. Я теперь, брат, Басаеву, тому террористу из Буденновска, на все сто процентов верю!

– Да я и не сомневался, что он правду говорит, – поддержал Банду Олег. – Я же тоже поездил дай Боже, видел этих козлов в форме. Охранники правопорядка, мать их!

Водка теперь наконец-то подействовала, и с каждой минутой хмелея все больше и больше, парни долго еще ругали милицию, порядки в стране, потом смеялись над правительствами и президентами, травили анекдоты, стреляли из автомата Калашникова по воде, твердо уверенные в том, что смогут попасть в воображаемую огромную щуку, из которой бы получилась еще одна знатная уха...

Только под утро, вконец обессилев и опьянев, опустошив все свои запасы водки и разделавшись со всеми раками, друзья успокоились и, забравшись в салон "мицубиси" и закрывшись изнутри, заснули молодым богатырским сном. И ничто на свете, казалось, не могло омрачить их прекрасного настроения. Ни одна сила на свете, думалось, неспособна бы справиться с этой парочкой друзей – надежных, проверенных огнем и самыми суровыми испытаниями, какие только могут выпасть в этой жизни на человеческую долю...

III

– Олег, прости, но сегодня я уеду...

Востряков сразу же по голосу Бондаровича понял, что решение друга окончательно и бесповоротно, но все же попытался уговорить его остаться хоть ненадолго:

– Банда, перестань! Ты у меня только две недели пробыл, а не виделись мы с тобой сколько лет? Вот то-то же! Отдохни немного от своих приключений. Я тебе еще столько всего не показал! Мы с тобой еще так погудим...

Бондарович был грустен и задумчив, но голос его звучал твердо и убежденно:

– Ты – отличный парень. Ты здорово умеешь принимать гостей. У тебя в гостях, черт возьми, я провел лучшие дни своей жизни. О таком я и в самых сладких снах мечтать не мог! Спасибо тебе, друг, за все, за все... Но постарайся, Олежка, и меня понять!

Они только что позавтракали и, по своему обыкновению, улеглись в саду под яблоней, развалившись в густой траве, но вместо ежедневного обсуждения планов проведения досуга Банда вдруг заговорил об отъезде. И Востряков, понимавший и предчувствовавший, что день расставания когда-нибудь обязательно придет, вдруг испугался. Ему показалось, что если он отпустит друга, то потеряет его навсегда, что Банда уедет навстречу своим невообразимым приключени-

ям и больше не вернется – жизнь погубит этого отличного, в сущности, парня, умеющего, к сожалению, смотреть на окружающее только сквозь прорезь прицела и видящего все только в двух цветах – черном и белом, делящего всех людей на две категории – "своих" и "чужих".

Он любил Банду. Это даже не было нормальным чувством благодарности за спасенную когда-то в Афгане жизнь. Это было нечто большее, возможно, то, что иногда высокопарно называется настоящей мужской дружбой; Это было чувство любви, нежности и доверия. Между ними существовала осязаемая душевная, психологическая связь, разорвать или уничтожить которую было невозможно.

Это был как раз тот тип связи, взаимопонимания двух людей, который можно сравнить разве что с единством матери и сына или двух братьев, выросших и воспитанных бок о бок, в одной детской комнате.

Все эти годы скучал Востряков по старшему лейтенанту Бондаровичу. Ему не хватало уверенности своего бывшего командира и его бескомпромиссности, спокойной доброй силы и яростной страсти.

Множество раз ловил он себя на мысли, что в той или иной ситуации только рассудительность и надежность Банды, если бы только он был рядом, мог ли бы принести Вострякову душевный покой и равновесие.

Вот уже несколько лет Банда был для него близким и далеким одновременно. Чем-то вроде портрета отца на стене

в зале с черной ленточкой через угол рамки. Олежка знал, что отец всегда бы подсказал ему наилучший выход из любого переплета, и всячески хотел этой поддержки, но одновременно он понимал, что никогда не увидит и не услышит его, потому что мертвые не возвращаются. Со временем Банда стал для него таким же далеким и недоступным, как и отец.

Сначала он ждал Банду. Он надеялся, что тот после московского госпиталя найдет его дома. Он лелеял мечту увидеть воочию приехавшего к нему старшего лейтенанта Бондаровича, принять его как самого дорогого гостя. Но время шло, а Банда не приезжал, вообще не подавал признаков жизни, не присылая даже коротенькой весточки. И постепенно он стал превращаться в легенду, во что-то воображаемое и неосязаемое, светлое и лучшее. Как покойный отец.

А потом вдруг Банда приехал. Будто с неба свалился. Будто воскрес из мертвых.

И вот он снова собрался уезжать, уезжать прямо сегодня, и Олега не оставляло странное предчувствие, как он ни переубеждал себя, что на этот раз Сашка уж точно исчезнет из его жизни навсегда.

Он молча смотрел теперь на Банду, мучительно пытавшегося подыскать хоть какие-нибудь слова оправдания, и во взгляде его было столько печали и разочарования, что Сашка не выдержал, отвел глаза.

– Олег, пойми... Ты нашел себя. Ты твердо стоишь в этой жизни на ногах. Ты знаешь, чего хочешь, и знаешь, чего в

конце концов добьешься. У тебя есть "сегодня" и обязательно будет "завтра", и даже сегодня ты можешь планировать и прогнозировать свое завтра...

Востряков пытался что-то возразить, но Банда жестом остановил друга и тут же снова заговорил – с жаром, искренне, высказывая, выплескивая на Олега все, что накопело у него на душе за все эти бестолковые годы его такой непутевой и такой короткой пока еще жизни.

– А у меня, Олежка, всего этого нет. Я, как дерьмо в про-рубви, болтаюсь между небом и землей, никому не нужный и ничего не значащий. Мне это надоело! Я хочу определиться, хочу какой-то стабильности, какого-то тайного, недоступного мне пока смысла в этой треклятой жизни...

– А ты оставайся со мной. Станешь моим компаньоном. Я введу тебя в курс всех моих дел. Тебе понравится! Будешь работать, нормально зарабатывать, а потом мы найдем тебе отличную девчонку из местных...

– ...я женюсь, нарожаем мы с ней кучу детей, построим дом. Да? Ты это хотел предложить?

– А что в этом плохого?

– Плохого, Олежка, ничего. Я, может, именно об этом и мечтаю всю жизнь. С тех пор, как из детдома вышел, как окончательно понял, что в этом мире я один-одинешенек.

– Так в чем же дело? – Олегу вдруг на миг показалось, что он сумеет уговорить друга. Что Банда вопреки своему упрямству и категоричности на этот раз сдастся, уступит под

напором здравого смысла – Оставайся! Мы сегодня же, прямо сейчас, поедem на фирму. Я начну тебе все объяснять, показывать. А завтра махнем за товаром в Одессу...

– Олег, я в этой жизни кто?

От неожиданного вопроса друга Востряков опешил. Несколько томительных секунд с недоумением всматривался он в лицо Банды: пытаюсь понять, к чему тот клонит, но так и не врубившись, неуверенно произнес:

– Как – кто? Человек.

– Ты тоже человек. И Ахмет был человеком. И "духи", которых мы пачками валили в Афгане, тоже были человеками... А вот лично я – кто?

– Банда, чего ты хочешь?

– Я хочу знать, кто я. Ты мне можешь ответить?

– Конечно. Ты – Александр Бондарович, бывший офицер-десантник...

– Еще?

– Ну... бывший детдомовец...

– Что ты все "бывший", "бывший"... А еще?

– Тьфу, черт! Просто парень хороший, вот и все!

– Вот именно! – Банда в сердцах даже сплюнул. – Просто хороший парень! Что, профессия у меня такая? Что, предназначение в жизни у меня такое? Что это значит – "хороший парень"? И кто сказал, что я был хорошим в том же Афгане, или в Москве, или в лагере Ахмета? Может, "зэки" или "духи" меня хорошим парнем считали, а?

– Зато я так считаю!

– Ты! – и вдруг Банда как-то враз сник и успокоился. – Ты, Олежка, если на то пошло, куда лучше меня будешь. Но даже не в этом дело... Понимаешь, если я останусь здесь, у тебя, я знаю, что ты мне поможешь. И жизнь моя наладится, все пойдет, как надо. Как говорится, все у меня будет по-людски...

– Ты говори-говори, не молчи.

– Я и говорю, – Банда вытянул из пачки сигарету и протянул Вострякову, затем закурил сам. – Ты мне поможешь. Это чертовски здорово – иметь такого друга, как ты, готового на все... Но я хочу добиться чего-то сам. И вот тогда я приеду к тебе. Я буду уверен, что я не лишний человек на земле, даже когда на ней все спокойно и вокруг нет врагов, которых надо уничтожать. Я хочу, Олег, доказать сам себе, что я не только робот-убийца, что я нормальный мужик, способный на многое... Или хотя бы на самую малость.

– Так я тебе...

– Ты мне предлагаешь все готовенькое. А я хочу сам. Мне надо обрести уверенность в себе, понимаешь? Я хочу хоть что-то доказать самому себе Востряков давно уже все понял, и последняя надежда удержать друга рухнула. Он молча курил, думая теперь только об одном – лишь бы Банда не исчез навсегда, не сгинул навечно на жутких поворотах своей странной судьбы.

– Я уеду, но ты будешь теперь всегда знать, где я и что со

мною, – Банда как будто читал мысли Олега. – Я тебе и писать буду, и звонить. Я буду к тебе приезжать и сам с радостью приму в гости, как только у меня будет своя крыша.

– Я знаю.

– Вот видишь!

– Вернее, Банда, я надеюсь, что ты не исчезнешь, как в прошлый раз. Это ж кому скажи – за три года ни единой весточки не прислал!

– Извини, Олежка, еще раз. Виноват я. Но теперь все будет иначе. Ты – единственный близкий мне человек. Ты мне как брат родной. Которого у меня и не было никогда.

– Эх, Банда! – Востряков вдруг почувствовал, что на глаза наворачиваются непрошенные слезы, и поспешил отвернуться и закашляться, будто поперхнулся сигаретным дымом. Но это не укрылось от взгляда Бондаровича, и Сашка положил руку другу на плечо:

– Олег, так и будет!

Они снова замолчали, думая каждый об одном и том же – о предстоящем через несколько часов, а может быть, и минут отъезде, и первым молчание нарушил Востряков:

– Банда, может, тебе денег дать? Хотя бы на первое время. У меня есть, пару тысяч баксов запросто одолжу. Потом вернешь, – Олег специально акцентировал внимание на том, что деньги пойдут в долг, чтобы не ставить друга в неловкое положение, но Банда в ответ лишь покачал головой.

– Спасибо, но мне не надо. У меня еще осталось тысяч

пять долларов, наверное...

– Сколько?!

– Тысяч пять. Мне хватит. Я их у Ахмета в сейфе взял, когда из лагеря уезжал. Плюс свои – зарплата, так сказать... А еще машина есть. Так что первое время выдержу, не пропаду.

– Ты точно не пропадешь! – убежденно подтвердил Востряков, ни на секунду в этом не усомнившись.

– Ладно, оставим. Давай лучше вот о чем... – и Банда чуть заметно кивнул в сторону сарая.

* * *

Сарай во дворе Востряковых был поистине уникальным сооружением. Здесь, в этой части Украины, сараи строили с размахом и выдумкой. Под общей двускатной крышей умещалось с десятков разнообразнейших помещений. Огромные двустворчатые ворота открывали вход в центральную часть – ток с глинобитным, твердым, как бетон, полом. Сюда мог спокойно заехать небольшой грузовик типа распространенного в деревнях пятьдесят третьего "газона". Когда-то именно здесь вручную цепями молотили пшеницу, рожь, овес. В дальнем углу тока стояла старинная, еще с польских времен, ручная сенорезка – агрегат, позволявший измельчать сено и солому в мелкую сечку, нарубая корм для скота двумя огромными, как косы, закрепленными на колесе но-

жами. В боковых стенах тока было множество дверей – помещения под зерно и под дрова, под торфобрикеты и под комбикорм, закуток для телят и несколько загоронок для свиней, скромная мастерская с набором простейших, но самых необходимых в хозяйстве инструментов и наконец кладовка.

С улицы, кроме главных ворот, в сарай вело еще три входа: двери в коровник, в стойло для лошадей, теперь пустовавшее, и вход к свиньям "с тылу", незаменимый при очистке загоронок для хрюшек.

Все сооружение венчал огромный чердак, на который вела лестница прямо с тока и в котором умещалось по меньшей мере тонн пять – семь сена.

– Это еще дед строил! – с гордостью похвалился Востряков в первый же день, когда они с Бандой осматривали подворье. – У нас такие сараи называют "клубня".

Именно здесь они и спрятали оружие, привезенное Бандой.

Когда ребята загнали джип в клубню, на всякий случай поплотнее прикрыв за собой, хоронясь от постороннего взгляда, ворота, Банда удивленно осмотрелся, не представляя себе, где именно в такой активно эксплуатируемой постройке можно найти надежный тайник под столь необычный и опасный груз, как десяток боевых гранат, добрая дюжина самых крутых "стволов" и пара ящиков патронов.

– В сене, что ли, оружие зароем? – спросил Сашка Вост-

рякова, пытаюсь угадать, что придумал Олег, но тот лишь покачал головой.

– Зачем? Не хватало еще, чтобы мама наткнулась. У меня тут куда лучшая схованка есть. Пошли!

Олег толкнул одну из дверей и потянул Банду за собой. Темная, без единого окошка, комнатка оказалась совсем маленькой и тесной. Стены ее были совершенно голыми, и лишь огромные лари, установленные вдоль стен, занимали почти все пространство, оставляя лишь узкий, на две доски, проход между ними.

– Что здесь? – спросил Банда, озадаченно кивая на огромные ящики, таящие в себе, казалось, невиданные чудеса.

– А ты крышку откинь да посмотри.

– Песок?

– Копни-копни, не стесняйся. Он мягкий, рыхлый, руками разгребешь.

Банда углубился в песок примерно на длину ладони, как вдруг его рука наткнулась на что-то круглое и твердое, по-видимому, железное.

– Что это?

– Вытягивай.

Теперь Банда уже понимал, ощутив предмет, что это крышка закатанной банки, и сильно потянул вверх, вытаскивая ее из песочного плена.

В трехлитровой банке красивыми розовыми кусочками лежала подкопченная буженина, с виду совершенно све-

женькая и ужасно аппетитная.

– Паляндвица! – авторитетно прокомментировал Востряков. – Теперь поройся с другой стороны.

Через несколько мгновений из другого угла ларя Банда извлек на свет божий еще одну банку, полную сочных аппетитных колец домашней копченой колбасы, залитой небольшим количеством жира.

– Ухты!

– Самое лучшее хранилище для консервов – зимой не промерзает, летом не портится. Мясо – круглый год. Ну по праздникам, конечно...

– А как их теперь назад-то закопать?

– Ты что – "назад"! Ты, может, настоящей хохляцкой колбаски или паляндвички попробовать не хочешь? – Востряков даже вздрогнул от эдакого кощунства. – Банки эти мы с собой заберем. Дома откроем.

Он осмотрелся и повернулся наконец к Банде.

– Вроде все нормально. Ты тащи "пушки", а я принесу ветошь, бумагу и масло.

– Ты что, решил среди колбас автоматы спрятать? А если мать твоя за банкой какой в песок полезет, а вместо нее "узи" вытянет? – Банда совсем не чувствовал восторга по поводу тайника, придуманного другом. – Давай уж лучше в сено, и то, по-моему, надежнее будет...

– А кто тебе сказал, что среди колбас? Смотри! – с этими словами Востряков поддел принесенным с собой топо-

ром одну из досок пола и, с трудом приподняв ее, отвалил в сторону. Под досками тоже оказался желтый сыпучий песочек – такой же, как в ларях. – Эту схованку я еще в детстве обнаружил. У деда, видать, хозяйство помощнее нашего было, места больше требовалось. А может, время беспокойное было, стоило кое-что припрятывать. Словом, он, окромя ларей, здесь тоже продукты прятал. Мать про это даже и не догадывается.

– Ну тогда совсем другое дело! – успокоенно протянул Банда. – Тогда мне это место нравится.

Вдвоем они быстро почистили и смазали все оружие, старательно завернули в промасленную ветошь и, обвязав плотной бумагой, тщательно закопали свой арсенал в жвир: так называл Востряков этот замечательный мелкий желтый песок.

– Теперь ни одна собака, если и захочет что найти, не докопается! – удовлетворенно хмыкнул Востряков, ловко прилаживая доску на старое место и присыпая песком стыки, обеспечивая максимальную маскировку их тайника. – За свои "пушки" ты теперь спокоен будешь, надеюсь?

Банда улыбнулся и, забирая банки с деревенскими деликатесами, ответил одним словом:

– Вполне!

– Пусть оружие пока у тебя постоит. Я с собой только "вальтер" возьму, – Банда машинально дотронулся до подмышки, проверяя, на месте ли наплечная кобура с любимым пистолетом. – А ты за всем остальным присмотри, ладно?

– Не волнуйся.

– Ты анекдот про старого литовца знаешь?

– Какой?

– Ну про то, как шел однажды один литовец мимо соседского хутора, глядит – а его сосед машинным маслом клумбу поливает... Слышал?

– Нет вроде.

– Останавливается литовец да спрашивает: "Эй, Юозас, что ты делаешь? Ведь у тебя все цветы завянут!" А сосед отвечает: "Цветы? Бог с ними, Гражина новые посадит. Главное, чтобы пулемет не заржавел!.." Что, правда, не слышал? – Банда сам не смог сдержать улыбки, глядя на рассмеявшегося друга.

– Нет!.. Классный анекдот, в самый раз про нас с тобой.

– Так и я о том же: смазывай иногда, посматривай...

– Кого ты учишь, командир? – попробовал возмутиться Востряков, но Банда поспешил успокоить друга:

– Да я так, на всякий случай... Не пропадать же такому добру, правда?

– Еще бы! Да и денег это сейчас немалых стоит.

– Вот-вот. А глядишь, может, и самим когда пригодится.

Кстати, если что, если тут какие разборки начнутся, с тем же Быком, или другая какая необходимость, так ты пользуйся, не стесняйся. Смотри только осторожно, чтоб ментовка не загребла.

– Вот ведь любишь ты людей поучать, Банда!

– Да нет, Олег, я не то сказать хотел... Я ведь тебя представляю в конечном счете... Статья же есть – за незаконное хранение.

– Я про это не слышал никогда как будто!

– Да послушай ты хоть минуту, Олег, не перебивай! – искренне возмутился Банда. – Что ты мне никак высказаться не даешь!

– И так все ясно. Что тут еще говорить?

– Я про то, что если что случится, ты все на меня сваливай – мол, ты тут ни при чем, приезжал к тебе летом друг, в сарае несколько раз ночевал, на сеновале. А что он там делал, что прятал – ему одному и известно. Твоя, мол, хата, вообще с краю, и ничего-то ты не знаешь.

– Ага, прямо так и скажу: ищите бывшего старлея Вооруженных Сил Сашку Бондаровича и сажайте его подальше и покрепче – это он подкинул мне все эти игрушки. Здорово ты, Банда, придумал, ничего не скажешь!

– Олег, ну послушай ты, черт возьми. Я же серьезно! – Банда, навоображав множество сцен обыска в клуне Востря-

кова, все никак не мог успокоиться. – Бог знает, откуда эти "пушки" к Ахмету попали и какие на них дела висят. Может, их по всей Европе и Азии Интерпол ищет. Может, за этим самым "узи" десяток трупов числится.

– Банда, да не волнуйся ты так, никто здесь никогда ничего искать не будет.

– Правильно, и я про то же. Но если что – вали все на меня, потому как Банду они все равно не найдут. Москва большая, и человека без квартиры да без прописки, без семьи и без родных, как бы "опера" ни старались, найти никогда не смогут. Так что меня сдать не бойся.

– Знаешь, Банда, а иди-ка ты... Достал уже! – Востряков не на шутку рассердился.

– Не кипятись, Олежка. Я же как лучше хочу. И пойдем – собираться надо, – Банда встал и сладко потянулся. – Здорово я у тебя, Олежка, отдохнул.

Отоспался, отожрался, отлежался. Отпьянствовал в конце концов.

– Жаль, Сашка, что ты меня слушать не хочешь. Пожил бы еще хотя бы пару деньков. Ты же ко мне приехал совсем трупом ходячим, а теперь вроде как отошел слегка...

– Ага, на таких-то харчах!

– Какие там харчи! Я тебя еще и не начинал угощать как следует, – снова принялся уговаривать друга Востряков, но Банда решительно прервал его:

– Пойдем, Олежка, собираться в дорогу буду. И знаешь,

самое главное – не обижайся. Я к тебе еще обязательно вернусь, слово даю...

* * *

Спустя несколько часов, когда солнце уже успело добратъся до самой высокой точки небосклона и теперь медленно скатывалось вниз, "мицубиси-паджеро" вырулила со двора Востряковых. За рулем сидел Банда, только что отобедавший на дорожку и теперь полный сил и желаний их реализовать.

Они тепло распрощались с Олегом и с его мамой, и улыбка долго еще блуждала по лицу, Бондаровича.

Но чем дальше удалялся он от города, тем строже и серьезнее становилось выражение его лица.

Он снова гнал на Москву, во второй раз собираясь покорить этот город и доказать самому себе свою силу, стойкость, способность жить в этом гражданском мире.

Теперь он был твердо уверен, что не повторит ошибок своего первого московского периода жизни. Он теперь стал стреляным воробьем, знает, что к чему в этой жизни, и уж во всяком случае постарается быть поосторожнее и с выбором друзей, и с поисками работы.

Он, по правде говоря, даже и смутно не представлял, чем займется в столице, как, в какой сфере деятельности попытается себя найти.

Но он был почему-то уверен, что сможет найти свою дорогу и дорога эта не будет больше совершать крутых зигзагов, не будет более устлана подлостью, жестокостью и трупами.

Но он также знал, что найти эту дорогу будет ох как нелегко. И именно поэтому он становился тем более серьезным, чем дальше удалялся от гостеприимного дома Востряковых и чем ближе подъезжал к Москве, к своей новой и непредсказуемой жизни...

Часть четвертая

Счастье и боль

"Олежка, привет!

Вот уже полгода, как я уехал от тебя, а впечатления от нашей встречи, от этих двух незабываемых недель остаются все такими же яркими и живыми.

Мне кажется, что все это было только вчера, а завтра я уже снова увижу тебя, и снова будут лунные ночи над рекой, сенокос, наши бесконечные разговоры в вашем саду...

Как видишь, я пишу тебе регулярно, и это, несмотря даже на наши телефонные звонки. По телефону я успеваю тебе сказать всего несколько слов, а бумага позволяет сосредоточиться, подумать, вычленив что-то главное и важное, что никогда не удастся высказать по телефону.

Ты часто спрашиваешь меня о моих делах и все время обижаешься, что на вопросы о работе я отвечаю односложно. Что ж, кажется, пришло время похвалиться своими успехами. Я, Олег, – тьфу, тьфу! – вроде бы наконец, чего-то добился!

Я говорил тебе, что работаю в фирме. Фирма эта частная, а занимается детективной и охранной деятельностью. «Валекс», может, слышал? Контора довольно знаменитая – ни на рекламу денег не жалеют, ни на громкие дела. Чест-

но говоря, особых проблем попасть сюда у меня не было. Пришел по объявлению, они посмотрели мои документы, привезли из московского офиса на пригородную базу. Там у них что-то вроде военно-спортивного лагеря: казармы, спортгородок, полоса препятствий... Кстати, здесь я и живу – для безквартирных и особо ценных кадров в казарме выделяют комнатку. Вот я и получил такое жилье.

Так вот. Дали мне камуфляж переодеться и вывели на площадку во двор. Там, смотрю, трое кадров стоят, в шлемах и спецперчатках. Тоже, оказывается, претенденты. Инструктор выдал шлем и мне, а затем мы получили задание: разбиться по парам и, не выходя за пределы площадки, по-мужски выяснить отношения. Инструктор попросил работать в полную силу, только постараться не калечить друг друга.

Моего напарника быстро завалили, а я в это время, тоже справился с одним из соперников. Ну и сошлись один на один с парнем. Ты знаешь, крепкий орешек оказался! Уж я ему и «мельницу», и свой коронный в голову правой ногой с разворота, и с кувырком вперед, и назад – ничего не помогает: всюду на блоки натыкаюсь. Правда, я тоже ни одного удара не пропустил.

Инструктор, смотрю краем глаза, уже на часы поглядывает, поединок прекратить желает.

Ну я в это время и схитрил: сделал выпад вправо с намерением удара, парень поддался, а я резкий переход влево и

задний удар по почкам. Тот не успел среагировать и «кайф», конечно, поймал. Ну, несколько мгновений, пока парень отходил, мне хватило – я его завалил и закрутил руки за спину, заламывая голову.

Потом стометровку сдали, пять километров, полосу препятствий – программа, словом, как обычно.

Из четверых нас с этим парнем, с которым несколько промучился на площадке, только и взяли. Отбор, я скажу тебе, суровый у них!

Потом, в раздевалке и в душе, мы с ним познакомились. Оказалось, капитан госбезопасности, служил в "Альфe", но после всех этих подставок уволился.

Белый дом, рассказывает, еще пережил кое-как, перетерпел, но когда Степашин с Ериным «Альфy» в Буденновске подставили, окончательно не выдержал, свалил на хрен, не желая больше работать на такое государство.

Ты знаешь, я его понимаю на все сто! Какого черта элитному подразделению, в котором каждый парень знает, что делать, и умеет это делать, чувствовать себя по жизни, во-первых, виноватым перед кем-то, а во-вторых, сносить все эти насмешки и подколки – мол, до «Кондора» израильского вам далеко, «коммандос» в подметки не годитесь и вообще ничего толком не умеете. Вот он и свалил. Зато теперь служит там, где его по-настоящему ценят и уважают, а к тому же и деньги за это получает. У него жена, двое детей, отца и мужа иногда неделями не видят и не зна-

ют, вернется живым или в ящике цинковом, – так теперь когда материально особых трудностей не испытывают...

Сначала меня на охрану ресторана определили.

Раньше у них мода была в камуфляже в ресторанах торчать, но когда мэр Москвы Лужков подписал Указ об упорядочении ношения одежды военного образца, на костюмы перешли. Знаешь, все чин-чинарем было – строгий черный костюм, галстук, пластиковая карточка на кармане со словами «Служба безопасности».

Милое дело – уже не пугалом огородным торчишь, а представительным мужчиной. Однажды даже девушка какая-то на танец пригласила, так отказать неудобно было, отвлекся на пяток минут от выполнения служебного долга.

Потом, после того, как я пару драк локализовал и еще пяток предотвратил, заметили, на повышение отправили. Тут между прочим все очень четко учитывается, за заслуги перед фирмой и перед клиентами «в звании» регулярно повышают – более интересная работа, более высокая оплата. Меня из охранников ресторана в инкассаторы перевели, в одном крупном банке (ты прости, Олег, но коммерческая тайна – кого мы охраняем!) отвечал за обеспечение безопасности провоза валюты по городу.

Но там ребята тоже долго не задерживаются – по убеждению нашего руководства, инкассаторы, даже самые надежные, не должны задерживаться на одном месте дольше трех месяцев. Наверное, чтобы соблазна не возникало.

Знаешь, странноватое чувство испытываешь, когда пару десятков миллионов долларов сопровождаешь, а они – вот рядом, руками пощупать можно.

И меня снова переместили. Теперь я – боец отряда «сил быстрого реагирования», как называют здесь нашу резервную группу. Это, знаешь ли, элитное подразделение в «Валексе», что-то типа той же «Альфы» или «Вымпела». Если заказ особой важности или сложности, нас используют. А в остальное время деньги платят – не поверишь – за совершенствование боевого мастерства! Вот так-то.

Ладно, Олежка, я так расписался, что не знаю, как и в конверт эти листы засунуть, придется, видимо, в двух отправлять.

Сейчас мы уезжаем на одно интересное мероприятие, как вернусь, обязательно продолжу. Я теперь тебе все в подробностях буду рассказывать. Потому как вроде на человека наконец стал похож. Вроде бы и моя совсем не мирная профессия в наше мирное время на хорошие дела сгодиться может, понимаешь? Я, Олежка, перестал сам себя стесняться, перестал мучиться вроде бы от собственной бестолковости и никому ненужности.

Но, впрочем, все. Времени нет. Пока, пиши мне тоже, не ленись. Звонки писем никогда не заменят.

Твой Банда".

Алина возвращалась теперь домой почти ночью.

Она была студенткой шестого курса юридического факультета МГУ, специализировалась на государственном праве, и ее дипломная работа по реформированию судебной системы в Российской Федерации требовала слишком много сил и огромное количество специальной литературы. Ей приходилось засиживаться в библиотеках допоздна, изучая то опыт США в этой сфере, то традиции европейского суда, снова и снова углубляясь в Римское публичное право в поисках истоков традиций и истины, перекапывая десятки судебных дел современной России в области уголовного, экономического, межгосударственного законодательства.

Ее куратор, профессор Гайворонский, был необычайно доволен своей подопечной, поражаясь ее работоспособности и умению вылавливать самые важные штрихи, подмечать и анализировать самые типичные и определяющие черты. Он всячески помогал Алине, предрекая колоссальный успех ее дипломной работе и намекая на то, что впоследствии из нее получилась бы неплохая кандидатская диссертация.

Гайворонский был уже стар и иногда, глядя на Алину потечески добрыми глазами, любил приговаривать:

– Эх, Алинушка, ну чего тебе сдалась эта юриспруденция? Ты такая красавица, к чему тебе свою молодую головку над

этими талмудами засушивать!

Нашла бы лучше парня, достойного тебя, влюбилась бы по уши. Меня бы на свадьбу пригласили...

Куда между прочим более приятное времяпрепровождение, нежели корпение над трудами таких же старых маразматиков, как я сам!

– Да полно вам, Евгений Эммануилович! Еще тысячу раз погулять на свадьбе успеем, – отшучивалась в таких случаях Алина, скромно улыбаясь. – Кому скажи – вы, мой преподаватель, меня от учебы отговариваете. Где ж это видано такое?

И девушка с удвоенной энергией хваталась за работу, погружаясь в море бесконечных терминов, положений, указов и постановлений правительств и судов всех времен и народов.

Этим вечером она поработала совсем неплохо, и закончив, слава Богу, сбор материала для той части своей работы, в которой обобщался опыт человеческой цивилизации в судебном праве, и возвращалась домой в отличном настроении, решив в остаток вечера полностью отдаться во власть музыки, восстанавливая силы и отгоняя накопившуюся усталость.

Последний февральский морозец заставлял утоптаный снег под ногами звонко поскрипывать, тысячами искорок блестели в свете фонарей сугробы, и Алина зябко передернула плечами, повыше поднимая воротник шубки и искренен-

не сожалея, что не послушалась утром маму и выбежала в университет без шапки, распустив по плечам свои темные густые волосы.

Ей самой нравились собственные волосы – длинные, чуть волнистые, того неопределенного каштаново-пепельного цвета, какой только и бывает у натуральных волос. Что скрывать – ей нравилось и собственное лицо. Она находила его довольно милым и привлекательным – задорно вздернутый носик, маленькие пухлые губки и выразительные карие глаза. Она любила рассматривать себя в зеркале и с удовольствием замечала, какие красивые у нее бедра, какая тонкая талия, нежные плечи... ну, и все такое.

К сожалению, с парнями ей действительно не везло. Многие искали ее расположения, еще с детских лет, с той спецшколы, в которой она училась, где сынки высокопоставленных родителей, подражая своим папашкам, с нарочитой небрежностью и откровенным цинизмом предлагали ей прийти послушать на квартире музыку, посмотреть новые фильмы и вообще поразвлечься, пока предков дома нету. Теперь, в университете, к этим отпрыскам добавились еще одни "хозяева жизни", не имевшие папочек-начальников, но умеющие шуршать баксами в карманах. Многие ее подружки с головой ныряли в омут удовольствий и веселого времяпрепровождения, влюбляясь в очередной раз чуть ли не ежемесячно, а через пару-тройку недель, после нескольких интимных свиданий, бурно переживая очередную жестокую ката-

строфу на любовном фронте.

Алина была другой. Даже мечтая о любви и о прекрасном принце, она ни разу не заметила среди своего окружения ни одного парня, который хотя бы отдаленно напоминал ее идеал. Не отдавая себе в том отчета, она мечтала о парне умном и надежном, сильном и красивом, а главное – о благородном и честном, за широкой спиной которого можно смело и безбедно прожить всю жизнь, – словом, о таком, каким был ее отец, Владимир Александрович Большаков, генерал-лейтенант, известный ученый, физик, доктор наук, крупнейший специалист по ракетным двигателям. Только в нем находила она букет гармонично сочетающихся качеств настоящего мужчины, и только похожего на него парня могла представить рядом с собой.

Она спешила домой и, свернув во дворик их дома на Остоженке, не обратила внимания на то, что следовавшая за ней уже несколько сот метров машина, притушив фары, зарулила во двор и, чуть опередив девушку, остановилась у подъезда. Когда Алина поравнялась с автомобилем, открылись дверцы и из "девятки", как теперь разглядела девушка, вылез Гоша, ее однокурсник, из компании этих денежных и наглых, и какой-то его дружок.

– Привет, киса!

– Гоша? – от удивления Алина даже приостановилась. – Откуда ты знаешь мой адрес? И вообще, что тебе от меня нужно?

– Я же тебе сколько раз говорил, что люблю тебя безумно, – осклабился парень в идиотской улыбке. – Вот сейчас приехал свою любовь украдуть. Повезу тебя кататься, Москву покажу, которой ты вовек не видела. По лучшим кабакам проедем, королевой вечера со мной рядом будешь. Поехали?

– Перестань, мне пора домой, – девушка попыталась пройти мимо парня, но тот схватил ее за плечи и толкнул на своего дружка, который тут же обхватил ее сзади и попытался прижать к себе, стараясь поцеловать в щеку.

Алина, рванувшись, выскользнула из его рук и, отпрыгнув в сторону на пару метров, яростно сверкнула на Гошу глазами:

– Ты одурел, что ли? А ну катитесь отсюда, не то хуже будет. Так опозорю, что в универе побоишься появиться!

– Ах ты цыпочка! Какая ретивая попалась, а, Витек? – Гоша, казалось, совсем не испугался и, надвигаясь на Алину, злобно зашипел:

– Ты, падла!

Ты меня опозоришь? Да я тебя по кругу со своими дружками пушу – иди потом, рассказывай, как оргазм за оргазмом хватала с десятком мужиков.

Что, думаешь, героиней после этого станешь? А ну полезай в машину по-хорошему! Тогда я смилостивлюсь – только со мной поспишь и назад приедешь...

– Ах ты гад! – Алина, всплыв страшной яростью, прыгнула на этого скота и четко и быстро, как учили ее когда-то

в секции боевых искусств, куда отправил ее отец после седьмого класса и где провела она целых три года, пока не пришла пора сдавать вступительные экзамены, Алина острым носочком сапога ударила придурка в пах и тут же с разворота двумя сжатыми в кулачки руками – в ухо, опрокинув это быдло навзничь. Обернувшись к Витьку, она приготовилась принять удар, чувствуя, что потеряла все же былую выучку, но, к ее удивлению, Витек даже не пытался атаковать, медленно пятясь назад к машине. Алина сделала шаг в его сторону, и парень, потеряв равновесие и поскользнувшись на ледяной дорожке, грохнулся оземь спиной, оказавшись в самом нелепом и беспомощном положении.

– Козлы страшные! – жутко, с несвойственной ей грубостью ругнулась Алина и, повернувшись, вошла в подъезд, быстренько зацокав каблучками по лестнице, взбегая на свой третий этаж. Через разбитую оконную раму она услышала, уже подходя к квартире, как взревела "девятка", унося прочь незадачливых кавалеров.

Только теперь девушка поняла, как перепугалась, и, безуспешно пытаясь попасть трясущимися руками ключом в замочную скважину, горько расплакалась не в силах унять страх и ужас.

На скрежет ключа в замке дверь открыл отец.

– Алинушка? Что случилось? – попятился он, пропуская дочь в квартиру. – Что произошло, дочка? Говори немедленно!

– Ничего, папа.

– Ты плачешь?

– Нет, это я так, с мороза. Тушь потекла.

– Дочь, что произошло?

– На меня сейчас пытались напасть, но я отбилась...

– Где?

– У подъезда...

Не дослушав, Владимир Александрович метнулся в свою комнату и уже через секунду снова появился на пороге, сжимая в руках наградной, с гравировкой, пистолет. Он рванул на себя дверь, но его остановил оклик дочери:

– Папа, поздно, они уже уехали.

– Ты их знаешь? – взволнованно и тяжело дыша и крепко сжимая в руках рукоятку пистолета, спросил ее отец, пытается заглянуть Алине в глаза.

– Нет, папа. Первый раз видела, – Алина и сама не понимала, почему соврала отцу. Наверное, не хотела его расстраивать еще больше, не хотела, чтобы у него, и без того всегда занятого и измученного работой, болела голова еще и за дочь.

– Что здесь за шум? – показала из кухни мама, встревоженно вглядываясь в лица мужа и дочери.

– Да вот, на Алину нападение совершили какие-то подонки. Я сейчас в милицию позвоню...

– Не надо, папа. Бесполезно, – поспешила остановить его Алина. – Кого они найдут? Только затаскают потом на до-

знания всякие. Я же знаю эту систему...

– Доченька, ну что же это? Они ничего тебе не сделали? – мама уже обнимала ее, со слезами на глазах помогая стаскивать с плеч шубку. – У тебя ничего не болит?

– Они что, тебя ограбить хотели?

– Да нет вроде.

– А что?

– Володя, ну что ты пристал к ней в самом-то деле! Не видишь, что ли, что ей сейчас не до твоих расспросов! – замахала мать руками на отца, отгоняя его от дочери. – Иди, смотри телевизор, мы сами разберемся. Ведь все, слава Богу, обошлось.

Она приобняла дочь за плечи и осторожно увлекла в комнату девушки.

Отец постоял еще некоторое время, смотря вслед своим женщинам, потом вздохнул и направился в свой кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. Он уложил пистолет снова в ящик стола и, устраиваясь на диване у телевизора, растерянно и незлобиво проворчал, нажимая кнопку "сеть" на дистанционном пульте:

– "Пронесло, пронесло!" Сейчас пронесло, а завтра? Нет уж, милые, больше такого не повторится. Завтра же приму кое-какие меры. По крайней мере за дочку волноваться больше не буду...

"Привет, Олег!

Только вчера опустил тебе письма в почтовый ящик, а сегодня меня уже снова тянет написать.

Жизнь пошла такая – что ни день, то новости. И вроде неплохие.

Помнишь, я писал тебе, что убегая на задание и у меня нет времени, чтобы продолжить письмо? Это мы спешили на спецзадание – охрана концерта. Ты, небось, слышал про такую группу – «Ма-ма»? У них было очередное грандиозное шоу с совершенно идиотским названием (я его даже и запомнить не смог). Давалось несколько представлений в «Олимпийском». А наш «Валекс» получил заказ на охрану.

Честно говоря, надо было видеть это зрелище, чтобы понять, что такое психоз толпы! Тысячи людей кричат, визжат, хлопают. Кошмар какой-то.

Пока на сцене кто-то из «разогревающих» отплясывал, все еще нормально было. Но как сами «мамайцы» на сцену вылезли...

Знаешь, эти «голубые» рафинированные мальчишки дергаются, подвывают, в зал подмигивают и воздушные поцелуи посылают, а с девчонками начинает происходить что-то странное. Сотни пэтэушниц в проходах отплясывают, еще большие перед сценой сгрудились – майки на себе рвут, слезы

ляют, за улыбку любого из этих рахитиков прямо на сцене отдаться готовы. Смотреть противно!

А мы, значит, всю эту компанию охраняем. Два десятка наших вдоль сцены выстроились, чтобы напор сдерживать и эксцессов не допускать, а мы пятеро – из группы быстрого реагирования – за кулисами сидим. Блатная работа, я тебе уже говорил! Сидишь себе, концерт смотришь, ничего делать не надо. Мы там, как последний рубеж обороны, – на случай, если ОМОН служебный вход проморгает или если наши ребята с «мамайской» охраной зал не сдержат. Девяносто девять концертов из ста обходятся совершенно без приключений. Но вчера попался как раз тот единственный, сотый...

По «уоки-токи» наши люди из зала сообщили, что среди зрителей – десятка два-три рокеров. Держатся одной командой, ведут себя сдержанно и организовано, как будто к чему-то готовятся. Ты, может, знаешь, что рокеры «мамайцев» этих страсть как не любят – настоящие мужчины, которыми себя считают рокеры, не могут быть слизью голубовато-розового оттенка в рубашечке с кружевным воротничком, выбеленным чубом и слащавым голоском. И вот этот вечер одна из бригад решила дать бой «мамайским педикам».

Короче, наши в зале их «зевнули» в конце концов.

Среди вопящих девочек рокеры, четко распределив обязанности, очень незаметно прокрались к сцене и половина из

них атаковала нашу службу безопасности, а вторая резко ломанулась на сцену, к самим «мамайцам». Е-мое – волосы дыбом встали! Ты прикинь: нас пятеро, а их человек пятнадцать на сцену влезает. «Мамайские» мальчишки испугались, гитары побросали, а ведь все под фанеру, песенка продолжается, в зале ничего не понимают, продолжают танцевать и хлопать, музыка ревет так, что барабанные перепонки лопаются, и плюс ко всему света нет нормального – прожектора в темноте мечутся, глаза слепят, зала совершенно не видно. В общем, завал получился полнейший.

Мы высказываем. Смотрю – прямо на меня один из «мамайцев» спиной пятится, честь свою сраную перед девчонками ронять не хочет, что ли, а на него уже трое этих придурков в коже несутся. Я этого "гомика за плечи, да как швырнул за кулисы, а сам нападавших встретил. Тут уж режиссер заметил неладное, полный свет в зале дали. Визг поднялся девчачий – ты бы слышал!

Мы, конечно, при нормальном свете с этими придурками быстро справились. Кого покалечили, кого отрубили. Тут уж и ОМОН наконец очухался, вместе с нашими покрутили их всех, повязали, в машины позакидывали и в кутузку.

В зале – дурдом: девки плачут, на сцену рвутся, проверить, видите ли, живы ли их ненаглядные мальчишки? Аж противно!

Ведущий объявил перерыв на полчаса «по техническим причинам», зал кое-как успокоили, и мы снова ушли за ку-

лись. Сидим, курим, тут подходит к нам главный «мама-ея», Гарри Аллигатор, что ли, или как там его звали, со своими «педиками». Один из них на меня тычет, кричит: «Он мне костюм порвал Как я теперь выступать буду?» Но, ты знаешь, Гарри этот мужик крутой, видимо: как цыкнул на этого недоноска, тот сразу заткнулся. Гарри нам руки пожал, поблагодарил и каждому подарил по ста долларов, представляешь?

Дальше все уже спокойно прошло.

Концерт закончился, приезжаем мы на базу, а нас сам Валентин Кириллович встречает – шеф нашей фирмы, ее создатель. Ему, видимо, уже доложили обо всем. Построил он нас и тем, кто в зале был, объявил усиленные занятия по подавлению толпы, а нам пятерым говорит: «Ребята, мол, большое спасибо. Того, что вы сделали, как спасли престиж нашей фирмы, я вам никогда не забуду. Теперь вы – лучшие бойцы нашей группы, у вас будут любые привилегии. А пока – увеличение оклада на четверть и двойная премия за этот месяц». Представляешь? Мы аж обалдели!

А сегодня с утра вызывает меня и Анатолия – помнишь, того парня из «Альфы», с которым мы вместе на работу устраивались? – и объявляет нам о новом назначении. Мол, теперь у вас будет иная работа.

Какая? Самая лучшая и престижная. А пока пройдет тестирование и при необходимости недельные курсы повышения квалификации.

Мы сегодня целый день тесты сдавали: рукопашный бой, стрельба, вождение, бег, прыжки, полоса препятствий. А весь вечер – не поверишь! – какая-то очень серьезная тетя учила нас этикету: как вести себя за столом, как правильно сопроводить даму, как подать ей пальто, как поднять платочек оброненный, как помочь выйти из машины, а также прочей всякой всячине. Анатолий говорит, что нас теперь в телохранители возьмут. Посмотрим, завтра все решится, потому что переподготовка для нас, как решили инструкторы, не нужна. И так сгодимся.

Не зря же, черт побери, нас всю жизнь готовили, правда?

Ой, Олежка, извини, но я заканчиваю. Спать хочу – не могу, вымотался, за сегодня окончательно.

Когда все станет ясно с моим новым назначением, напишу снова. И ты мне пиши, не забывай!

Пока.

Твой Банда".

*** * ***

В полдесятого утра следующего дня Банда и Анатолий, скромно постучав, вошли, как им и было приказано, в кабинет Валентина Кирилловича Шеф был не один. Напротив него в кресле величественно восседал седой подтянутый человек в форме генерал-лейтенанта. Генерал строго посмотрел на парней, как только те переступили порог.

– Вот они будут выполнять ваш заказ, Владимир Александрович. Анатолий, бывший офицер группы "Альфа", и Александр, офицер спецназа, десантник, – представил их шеф генералу. – У обоих отличная боевая биография, оба – великолепные мастера своего дела. С ними, я вам ручаюсь, вопросов у вас не возникнет.

– Надеюсь, – голос важного генерала оказался строг и сух, а колючие стальные глаза пронизывали новоиспеченных телохранителей, казалось, насквозь, – Вам объяснили уже, ребята, суть вашей новой работы?

– Да, Валентин Кириллович, – за двоих ответил Банда, утвердительно кивнув головой.

– Вот и отлично. А объект вам покажет Владимир Александрович. Режим работы – с семи утра до двенадцати ночи, при необходимости – пока объект не окажется дома. Дежурство по одному, через сутки. Цель – ни на мгновение не оставлять объект в общественных местах в одиночестве, задача – не допустить ни малейшей провокации, не говоря уж о нападении, против объекта. Защищать в случае необходимости любыми доступными вам способами. Задание понятно?

– Так точно, – почему-то по-военному снова за двоих ответил Банда, а Толик только согласно кивнул головой.

– Разрешение на ношение оружия при себе?

– Так точно.

– Оружие получите в арсенале, команда уже отдана. В ва-

шем распоряжении будут пистолеты Макарова, а спецсредства подбирайте любые, какие считаете необходимыми. Натальные бронежилеты не забудьте получить тоже. Все ясно?

– Да, Валентин Кириллович.

– Кажется, все... Ах, нет! – вдруг снова что-то вспомнил шеф. – Надо еще обсудить проблему транспорта. Владимир Александрович желает, чтобы объект более не передвигался в общественном транспорте. Это мы можем устроить, но надо подумать, как лучше. Твой "мицубиси", Саша, на ходу? В порядке?

– Конечно.

– Может, ты на нем и будешь, а мы тебе выплатим расходы на бензин и за амортизацию.

– Без вопросов. Мне за родным рулем даже привычнее будет.

– У него свой джип, "мицубиси-паджеро", весьма комфортабельная, к тому же совершенно безопасная машина, – объяснил шеф ситуацию генералу. – Вы не возражаете?

– Нет. Пусть будет "мицубиси".

– Решено. А ты, Анатолий, вечером получишь в гараже "БМВ". Возьми путевку.

– Хорошо, – Анатолий согласно кивнул, взял протянутый листок и, аккуратно сложив, сунул во внутренний карман костюма.

– И последнее. Форма одежды – свободная, соответственно ситуации. Кажется, я ничего не упустил, как вы считаете,

Владимир Александрович?

– Да нет, вроде теперь все обсудили, – военный поднялся и пожал шефу "Валекса" руку. – Спасибо за понимание, за вашу поддержку.

– Да не за что. Это наша работа...

– Вы-то свою работу на отлично сделали, а вот, как они справятся, – генерал снова оценивающе окинул телохранителей взглядом, – это мы еще посмотрим.

– Я вас уверяю, Владимир Александрович, проблем не будет. Только вчера между прочим эти ребята от растерзания группу "Ма-ма" спасли. Слышали, может?

– Нет, мне, знаете ли, все эти группы...

– Ах да, конечно! – шеф пожал генералу руку. – Спасибо, Владимир Александрович, еще раз за большое доверие, мы не подкачаем. До свидания!..

Ребята, поезжайте с Владимиром Александровичем прямо сейчас на джипе Саши, знакомьтесь с объектом. Дежурство начинается с сегодняшнего дня.

Первый, раз у тебя, Анатолий, еще не решены проблемы с транспортом, заступает на смену Бондарович. Все, пока, догоняйте. Он мужик вроде ничего!

– А что за объект хоть, шеф? – не выдержал Банда, с любопытством взглянув на шефа.

– Ой, да сами увидите через несколько минут.

Бегите, не заставляйте клиента ждать!..

"Олежка, снова я приветствую тебя, и если я не очень сильно замучил тебя своей писаниной, то буду счастлив, а впоследствии обещаю исправиться и писать пореже. Договорились?"

Просто, друг, не могу не поделиться с тобой самой последней сногшибательной новостью.

Анатолий оказался прав – нас определили в телохранители. Тело – ты бы видел! Охраняем девчонку, генеральскую дочку. Года двадцать два ей, видимо, на последнем курсе юрфака учится. Девка как девка, ничего сверхъестественного. Что ее папаше в голову втемяшилось, даже понять не могу. Сокровище нашел!

А папашка у нее ничего. Он ученый какой-то, но работает исключительно на оборонку, а потому носит генеральские погонь.

Дочка куда хуже. Занудливая, злая, раздражительная. Кроме учебы, ни о чем вроде и не думает. Ей, видно, не слишком нравится наше присутствие, но с папочкой спорить не решается, так на нас злобу срывает. «Вы меня в женский туалет проводите? А вдруг там покушение произойдет?»; «Я, кажется, дома бюстгальтер забыла. Как вы думаете, это слишком сильно ослабляет мою безопасность?» Издевается, словом, на каждом шагу. Мы ее в университет про-

вожжаем и в коридоре на лекциях торчим, так она возьмет – выведет на перемене стаю своих подружек – знакомьтесь, мол, девочки, это мои бодигарды. Теперь, мол, мое тело в их надежных руках. Хотите, и ваши тела им отдадим?" Короче, нервы с ней надо иметь стальные.

А в основном все нормально. На службу теперь хожу через сутки, правда, на целый день, с утра до самой ночи, считай. А само дежурство, если бы не сволочной характер доченьки, было бы вообще курортом – сиди себе, присматривай за девицей, журнальчики почитывай. Прелесть, а не служба, и деньги идут.

Ладно, Олег, все это ерунда. Гораздо важнее, что в июле шеф обещал мне отпуск. Не открутишься тогда, я к тебе снова приеду. Как вспомню уху да раков, на костре сваренных, да водочку из холодильника – слюнки до земли текут! Мы с тобой обязательно это мероприятие повторим, правда?

А пока до свидания. Напоминаю тебе, что за последний месяц не получил от тебя ни одного письма. А звонить мне сейчас надо по нечетным дням, когда я от дежурства свободен.

Не забывай! Пока!

Твой Банда".

Банда второй раз в жизни соврал Вострякову, когда писал ему письмо и сообщил, что не видит ничего выдающегося в Алине. Это была абсолютная не правда.

Он сразу, как только увидел девушку, был сражен ее красотой. Он смотрел на ее волосы, на ее глаза, на ее снисходительную насмешливую улыбку и понимал, что она – чудо. Что именно ее он ждал всю свою непутевую жизнь. Что именно такую девушку он смог бы смело, без малейших колебаний, назвать своей женой.

Он сразу же испугался и погнал прочь подобные мысли. Еще несколько лет назад, в первый свой московский период жизни, работая у Виктора Алексеевича, Банда посмотрел фильм "Телохранитель", с Кевином Костнером и Уитни Хьюстон в главных ролях. Он помнил, как боялся герой Костнера полюбить свой "объект" охраны, потому что любовь, чувства какие-то к "объекту" совершенно исключали холодное и независимое отношение к делу. Смятение в душе обязательно вызывало сумятицу в мыслях, отвлекало и рассеивало внимание, снижало бдительность и притупляло реакцию телохранителя.

Он очень четко почувствовал это в первый же день своей службы, когда повез подопечную на своей "мицубиси" в университет на занятия. По правилам, ничто не могло отвле-

катель его внимания от дороги, от окружающих машин и даже от резких движений пешеходов на тротуарах. Но Банда внешне ловил себя на том, что, скосив глаза в правое наружное зеркало автомобиля, поворачивает их еще чуть правее, рассматривая непослушный завиток на виске девушки. Или, остановившись на красный сигнал светофора, присматриваясь к машинам справа на предмет чего-либо подозрительного, вдруг понимал, что не может оторвать взгляда от ее слегка приоткрывшихся под юбкой коленей.

Ситуация осложнялась тем, что Алина оказалась не подарочком, и постоянные издевательства и унижения, которым она подвергала своих телохранителей, больно били по их самолюбию и нервам.

Везло Толику – влюбленный в собственную жену, он с улыбкой относился ко всем неприятностям, перепадавшим от их подопечной, воспринимая их с терпением и стойкостью, как какие-то неизбежные тяготы и лишения их теперешней службы. Банда так не мог.

Правда, буквально на второй день его службы, когда он дежурил в коридоре, ожидая перемены и выхода из аудитории "объекта", произошел маленький эпизодик, окрыливший Банду на целых две недели.

А дело было так.

Когда прозвенел звонок и студенты начали вываливать из аудитории, спеша кто в буфет, а кто покурить, Банда подошел поближе к открытым дверям, наблюдая за своей под-

опечной. Алина сидела за столом, не собираясь, видимо, покидать помещение, и читала конспект. К ней подошел какой-то парень и, нагнувшись, сказал на ухо что-то такое, от чего девушка вспыхнула и вскочила, гневно сверкая глазами. Парень захохотал и попытался взять Алину за подбородок, но она резко и с отвращением оттолкнула его руку.

Раздумывать Банде было некогда, и он быстро шагнул в аудиторию. Подходя, он услышал обрывок разговора:

– Ты, цыпочка, хоть понимаешь, с кем связалась?

– Отлично понимаю, хоть и ни с кем не связывалась. Просто я вижу перед собой подонка.

– Попридержи язык, краля, пока я тебе его не откусил, ясно? Ты, сука, еще прощения будешь...

– Простите, – Банда встал между ними, заслонив грудью девушку. – Я не помешал вашему разговору?

– А ты кто такой? Вали отсюда! – парень был невыносимо груб и попытался отстранить Банду, толкая в плечо. Он еще не знал, что это опасно и необдуманно.

– Я советую вам успокоиться и идти по своим делам. Вам, я вижу, не о чем больше говорить с Алиной, – с этими словами Банда железной хваткой перехватил его руку у запястья, слегка заламывая ее в кисти, но говорил в это время совершенно спокойно, не повышая голоса.

Это-то спокойствие как раз и взбесило Гошу, – а парнем, с которым разговаривала Алина, был именно он, – больше всего:

– А ну пойдём выйдем, поговорим, раз ты такой смелый!

Однокурсники Алины уже с любопытством оглядывались на эту сцену, не понимая, что происходит и кто этот чужой парень, не побоявшийся встать против известного своими связями с уголовниками Гоши. Банда заметил, как их стычка стала превращаться в какое-то зрелище, и, стараясь разрядить ситуацию, с радостью согласился:

– Конечно, пойдём в коридор. Здесь слишком много народу, и мы мешаем им готовиться к лекции.

Он повернулся и пошел к выходу. Гоша сделал за ним пару шагов, но то ли уверенность Банды лишила его мужества, то ли, оценив квадратную спину соперника, он понял, что не имеет никаких шансов, но вдруг местный авторитет остановился и крикнул выходящему из аудитории Сашке:

– Вали-вали отсюда, козел!

Банда вздрогнул, но, сдержавшись, обернулся совершенно спокойно и, глядя в глаза этому заморышу, ледяным тоном произнес:

– Послушайте моего совета, молодой человек.

Я вам рекомендую более никогда не оказываться ближе, чем на два метра, от Алины. Это вам мой настоятельный совет.

– Кто ты такой, чтобы мне указывать?!

– Какая разница?

– Ты – труп, понял?

– Очень страшно!

– Козел.

– Вы запомнили мой совет?

– А иди ты...

– Наверное, запомнили, – с этими словами Банда вышел из аудитории и встал в коридоре у окна, не выпуская из поля зрения стол Алины.

Гоша, потоптавшись несколько секунд на месте, с гордым видом победителя прошел на свое место, ни на секунду не задержавшись тем не менее возле стола Алины...

Когда после занятий Банда вез девушку в библиотеку, она вдруг заговорила с ним не совсем так, как раньше, лишь с легкой насмешкой:

– Что ж вы, такой крутой, а подонку этому морду не набили? Может, трусили?

– В этом не было необходимости.

– Как не было? Ведь он вас последними словами обзывал и унижал на глазах всего курса! – девушка, конечно, старалась досадить Банде, но в голосе ее он тем не менее почувствовал и нотки искреннего удивления спокойствием телохранителя.

Только поэтому Банда и посчитал нужным ей ответить:

– "Объекту" моей охраны ничего не угрожало. А сам я был на службе и не имел права ввязываться в любые нештатные ситуации, не связанные с несением дежурства.

– Гм, – хмыкнула девушка, неопределенно покачав головой. – А если бы он попытался ударить меня?

– Для этого я и был рядом.

– Однако нервы у вас – железные... – протянула она. – Ну ладно. А как вас, кстати, зовут?

– Александр.

– Что ж, Александр, как бы то ни было, я вам благодарна. Мне совершенно не хотелось спорить с этим придурком.

Банда почувствовал, как вдруг сильнее забилося его сердце, взволнованное неожиданной благодарностью девушки. Эх, знала бы она, на что он ради нее готов пойти!

Но Алина сразу же постаралась испортить настроение своего телохранителя, задорно провозгласив:

– А вообще-то вы мне помешали. Если бы не вы, я бы ему как врезала с разворота...

– Теперь я буду делать это за вас, – спокойно охладил ее пыл Банда, прибавляя скорость...

* * *

С некоторых пор Алина стала вдруг замечать, что почти каждый вечер, засыпая, почему-то вспоминает об этом телохранителе, об Александре. Ей было приятно вновь переживать какие-то мелкие эпизоды прошедшего дня, в которых он так или иначе принимал участие, или думать о том, что придет завтрашнее утро и ровно в семь ноль-ноль он будет сидеть на кухне, попивая приготовленный мамой кофе и ожидая, когда встанет наконец она, "объект". Она находила, что ей нравится, как ладно сидит на нем костюм или как

мощно вздуваются под рукавами ковбойки его бицепсы. Ей импонировала его аккуратность, пунктуальность и то, что он всегда тщательно выбрит. Она вообще считала его с некоторых пор неплохим парнем и с нетерпением ожидала дня именно его дежурства, но... Но почему он на нее смотрит только как на бездушный дурацкий "объект"?!

Странный парень. Такой спокойный, невозмутимый. Но сколько энергии в нем чувствуется, сколько мощи и обузданной страсти Он, судя по всему, многое пережил, и глаза его стали совсем холодными, колючими, но какая добрая, какая нежная у него улыбка!..

Как он корректен, как он подчеркнуто вежлив и предупредителен! Неужели всему этому учат в их школе телохранителей? Неужели это все – лишь служебная маска?..

Интересно, а что он пережил? Кем был до того, как стал моим телохранителем? Наверное, он был бы неплохим собеседником и мог бы порассказать много чего интересного. Но он такой молчаливый!

А потом однажды он пришел к ней во сне. И надо же было присниться такой глупости – он целовал ее, носил на руках, нежно и одновременно крепко прижимал к себе, гладил по спине, по волосам... В ту ночь Алина испытала какое-то совершенно необыкновенное чувство полета и невесомости и, проснувшись поутру, выбежала на кухню, бессознательно мечтая увидеть его. Но за столом, лениво размешивая сахар в чашечке, восседал Анатолий, и девушка чуть не чертыхну-

лась в полный голос от разочарования. Весь день был неоправдимо испорчен...

* * *

Странная девушка!

Такая красивая, милая, обаятельная, жизнерадостная и в то же время такая холодная, жестокая...

У нее нет парня, по крайней мере за все это время ни разу во время моего дежурства она не отправлялась на свидание, но в то же время она такая общительная, у нее столько знакомых на факультете, и чувствуется, что ее там любят...

Она такая разговорчивая с подругами, может проболтать полчаса по телефону, но из нее лишнего слова не выжмешь для меня, только "здравствуйте", "спасибо", "до свидания"...

Как шикарно и со вкусом она одевается, но чувствуется, что одежда, всякие эти тряпки, обувь, косметика для нее совсем не главное. Единственный раз мы были вместе в ГУМе, и покупки она сделала буквально за сорок минут, успев накупить три огромные сумки всякой всячины...

Иногда я хочу взять ее на руки и унести на край света. И держать на руках целую вечность, собственным телом защищая от всех бурь и невзгод жизни. А иногда, когда она, выйдя поутру на кухню, взглянет на меня, как на предмет мебели, как на неодушевленную табуретку, и коротко бросит свое всегдашнее "здрасьте!" – в такие мгновения я почему-то го-

тов ее задушить собственными руками...

Банда уже привык, что каждую ночь он проводил во сне с Алиной. Она всегда снилась ему в снах ужасах: холодная и жестокая, она издевалась и смеялась над ним, уходя с другими и махая ему ручкой на прощание. Во сне она всегда была такой же недоступной, как и в жизни, и Сашка никак не мог заставить свое сознание "включить" другой сон, более счастливый и радостный.

"Все, хватит! Надо решать – или я хочу свихнуться, или надо просить шефа перевести меня на другое задание. Сил моих больше нет!" – думал Банда, вскочив в шесть утра по звонку будильника и яростно скребя бритвой по отросшей за сутки щетине, собираясь на очередное дежурство. В это утро Банда твердо постановил, что сегодняшний день обязан стать решающим, обязан расставить наконец все точки над i...

* * *

– Спасибо, Александр, за удачное дежурство. До свидания! – она уже готова была захлопнуть перед его носом дверь квартиры, но Сашка вдруг заговорил:

– Алина, подождите!

Целый день искал он подходящий повод для этого разговора. И целый день ему не везло.

Утром, в машине, по дороге в университет? Но она бы-

ла такая серьезная и сосредоточенная, у нее намечался какой-то там зачет, поэтому Сашка так и не решился заговорить, вмешаться в ее раздумья.

После занятий, по дороге в библиотеку? Но она посадила в машину двоих подруг, и всю дорогу девушки тараторили без умолку. Да и что это за серьезный разговор бы у них получился в присутствии совершенно посторонних лиц?

В библиотеке? Было бы вообще глупо и непростительно отвлекать Алину от работы, когда до защиты диплома остается всего ничего и каждая минута дорога.

Наконец по дороге домой? Но девушка ехала молча и выглядела крайне усталой. Она забралась на заднее сиденье "паджеро" и, откинувшись на подголовник и облокотившись на подлокотники, закрыв глаза, тихо дремала, измотанная напряженным днем. Заговорить с ней в такой ситуации Сашка счел себя не вправе.

И вот только теперь, когда дверь почти захлопнулась у него перед носом, он вдруг опомнился и в отчаянии чуть не возопил:

– Алина, подождите!

– Что такое?

– Алина, простите мне мою наглость, но ведь завтра среда?

– А что такое? – девушка смотрела на Банду широко открытыми от удивления глазами: впервые ее телохранитель с ней толком заговорил, к тому же она совершенно не понима-

ла, к чему он клонит. – Вы, может, хотите взять выходной?

– У меня и так завтра выходной...

– Ах, да, я забыла! – с чуть заметным раздражением бросила Алина и нетерпеливо двинула плечиком. – Так в чем же дело? Чем вам не нравится среда?

– Наоборот, очень нравится. В среду в вашей библиотеке выходной, и я подумал...

– Что же вы подумали? – Алина ничего не понимала, и ее удивление с каждой минутой возрастало.

– Я подумал, у вас будет свободный вечер... А я как раз выходной... Словом, разрешите мне вас пригласить завтра куда-нибудь... В какой-нибудь клуб или ресторан... Давайте вместе поужинаем. Я отпущу Анатолия, и мы с вами...

– Александр, зачем вам сверхурочные? Вам что, за это платят? – она не могла больше ударить его.

Она даже понимала это, но черт, который вдруг вселился в нее, требовал крови и жертв. И поэтому Алина добивала своего телохранителя, презрительно и жестко выговаривая ему:

– Может, вам нужно увеличить жалованье? Тогда обращайтесь к своему шефу, а не ко мне или к моему папочке, который за каким-то чертом вас обоих нанял. Далее. Я ваш "объект", а не объект ваших мечтаний, а потому старайтесь держать себя в руках. И наконец, с чего вы взяли, что мне будет приятнее провести вечер в каком-то кабаке с вами, чем с Анатолием дома спокойно поработать?..

– Извините, Алина, я сказал глупость! – Банда готов был стереть сам себя с лица земли. Он покраснел до корней волос и не знал, куда девать глаза от этого испепеляющего взгляда разгневанной, как ему казалось, девушки. Боже, какой он идиот!

Неужели он не мог предвидеть такой реакции раньше?!

– Еще какую! До свидания.

– Прощайте! – и парень быстро побежал по лестнице вниз, на выход, не дожидаясь даже, по обыкновению, когда девушка плотно закроет за собой дверь квартиры.

"Что значит "прощайте"? Навсегда, что ли?.. Боже, дура, что же я наделала!" – Алина чуть не расплакалась, глядя вслед убегающему Банде, и вошла в квартиру только тогда, когда хлопнула внизу входная дверь и дико взвыла во дворе "мицубиси", с пробуксовкой рванув прочь от ее дома.

* * *

– Валентин Кириллович, разрешите? – Ванда постучал в кабинет шефа, выбрав наконец минутку, когда тот остался один.

– Саша? Заходи, заходи, конечно! – шеф даже не пытался скрыть, что явно удивлен появлением Банды. – Что-нибудь случилось? Может, какие-то недоразумения по оплате за бензин или за машину?

Ты говори, не стесняйся!

– Валентин Кириллович, я хотел вас попросить... – Банда замаялся, вдруг сообразив, что не знает, с чего начать, как проще и в то же время не слишком откровенно объяснить шефу истинную причину своего неожиданного визита.

Директор "Валекса" был старый и опытный оперативник, он сразу понял, что Сашке нужен толчок, повод начать разговор, а потому постарался побыстрее успокоить парня. Он кивнул на кресло у стола, подвинул пачку "Мальборо".

– Да ты садись, чего стоишь! Закуривай... Так что там, говоришь, у тебя стряслось?

– Пока ничего, но может стрястись. Может что-нибудь случиться с моим клиентом...

– С вашим клиентом? Вы ведь с Анатолием вдвоем работаете?

– Да, конечно, Валентин Кириллович. Я имею в виду, что я уже не способен нести как следует службу по охране нашего "объекта". А потому прошу заменить меня на этой работе. Я готов пойти на любую другую работу, хоть в самый захудалый кабаk вышибалой...

– А что, она красивая девушка? – Валентин Кириллович использовал старый проверенный ход следователя: резко задав вопрос о самой сути проблемы, можно было на девяносто процентов быть уверенным в совершенно искреннем ответе, и лишь в десяти случаях из ста опрашиваемый успевал среагировать должным образом, не выдавая себя.

Сашка совершенно не ожидал подвоха, а потому клюнул

сразу.

– Да, очень, – выдохнул он.

– Ты чувствуешь, что влюбился?

– Кажется, да...

– А она – нет?

– Да на кой черт я ей сдался, Валентин Кириллович! Она такая!.. Вы бы видели!

– И ты чувствуешь, что больше не можешь находиться рядом с ней?

– Не могу.

– И тем более не можешь ее охранять, оставаясь холодным и безучастным к своему "объекту" как к человеку... – Валентин Кириллович уже не спрашивал, а лишь констатировал факт.

– Да.

– Ну что ж. Жаль, что ты попался в ее сети. Ты отлично подходил для этой работы, в других телохранителях я не был бы так уверен... Самое, Сашка, хреновое дело – это когда красивых девчонок нужно охранять. Хлопцы забывают о работе, увлекаются... А мне ведь нужна именно работа, нам ведь клиенты именно за это деньги платят! Да и престиж фирмы потерять легче всего, а вот заработать...

– Я понимаю...

– Да... Ну ладно, попался так попался. В вышибалы тебе идти, братец, незачем, это работа не для твоих способностей. Ты останешься в телохранителях, я тебе подыщу просто дру-

гой "объект", – Валентин Кириллович на мгновение умолк, а когда снова заговорил, голос его стал мягким и в нем действительно слышались просительные нотки:

– Саша, я тебя только об одном попрошу: сегодня среда, остались четверг и суббота. Отдежурь эти два дня! Соберись, ладно? Я ведь не могу так сразу замену тебе найти! Хорошо, Саша? А в понедельник – на новый "объект" пойдешь, договорились?

– Я попробую... – уверенности в голосе Банды не было никакой, но шеф уже схватился за его согласие и постарался побыстрее свернуть разговор:

– Ну вот и отлично. Вот и ладненько. Иди, Саша, и не беспокойся – с понедельника ты ее больше не увидишь!

* * *

Сердце Алины чуть не выпрыгнуло из груди от счастья, когда она увидела утром на кухне Банду.

"Эх, дурашка! А еще "прощай навсегда!" Какой же ты глупый, ничего не понимаешь!"

Она чуть не взлохматила его волосы, но вовремя отдернула руку и с испугом взглянула на него, опасаясь, как бы он не заметил ее невольной слабости.

Но Банда даже не посмотрел в ее сторону. Он молча читал "Комсомолку", прихлебывая неизменный кофе, приготовленный мамой Алины. Вот уже пять минут силится он

разобраться, что же написано в этой несчастной заметке из двух предложений, но смысл прочитанного никак не мог дойти до него, Не глядя на Алину, он кожей чувствовал ее присутствие, тепло ее тела, аромат ее духов.

Девушка крутанулась на кухне, приготавливая себе бутерброд, и, схватив чашечку кофе, снова исчезла с своей комнате, чтобы привести себя в порядок, и только тогда Банда смог перевести дух и сообразить, что "Комсомолка" сообщала о падении курса рубля на Московской межбанковской валютной бирже на целых десять пунктов.

"Тьфу, черт! Совсем голову потерял! Как я сегодня дежурить буду, не представляю!.."

В машине по дороге на занятия она украдкой рассматривала его, и ей вдруг показалось, что за эти сутки вокруг его серьезных глаз прибавилось горьких морщин, а губы сжаты особенно плотно и жестко.

– Саша, можно, я радио включу?

"Саша! Господи, чего она надо мной издевается?" – Банда от удивления чуть не выпустил руль: так она его еще никогда не называла. Но ответил сухо и строго, чуть разжав губы:

– Да.

"Да". Чурбан железный! Бестолочь солдафонская!" – Алина испытывала страстное желание впитаться ему в волосы, потрясти его глупую голову, чтоб он очнулся, увидел, как она на него смотрит.

Чтобы он догадался наконец, что она еле дождалась сего-

дняшнего утра – утра его дежурства...

Целый день они вели себя так, будто были двумя поссорившимися школьниками: они подчеркнуто игнорировали присутствие друг друга, не перебрасываясь ни малейшим словом, ни мимолетнейшим взглядом. Они злились и дулись, как им казалось, друг на друга, хотя каждый из них готов был сам себя укусить за локоть...

День прошел просто ужасно. Алина чуть не завалила очередной зачет, а Банда чуть не протоптал в подошвах туфель дырки, своими огромными шагами меряя коридор под дверью ее аудитории.

Когда часов в шесть вечера они наконец отъезжали от университета и Банда привычно повернул к библиотеке, Алина неожиданно произнесла:

– Домой!..

Они вошли в квартиру, и Сашка привычно повернул на кухню, на свое обычное место, но день этот выдался все же каким-то странным, и Алина тихо произнесла:

– Александр, а хотите, я вам покажу свою комнату?

– Хочу, – это говорил не Сашка, говорил кто-то другой. Ведь Сашка злился и ненавидел эту жестокую девчонку, а голос его звучал почему-то мягко и нежно.

– Пойдемте! – это говорила не Алина, говорил кто-то другой, ведь Алина ненавидела и презирала этого бестолкового парня, а голос ее звучал ласково и мягко.

– Родители уехали на дачу, вернутся только в понедель-

ник. Так что вы не стесняйтесь, проходите. Я вам сварю кофе, приготовлю ужин.

Она вела его по коридору, и Сашка вдруг почувствовал, что ноги плохо слушаются его, предательски подгибаясь в коленях...

Они вошли в ее комнату, Алина прикрыла дверь.

Они повернулись друг к другу и... Они сами не поняли, как оказались в объятиях друг друга.

Девушка прижималась к нему страстно и доверчиво, так, как это было в ее сне.

Он взял ее на руки и прижал к себе крепко и нежно, так, как ему хотелось, чтобы было в его сне.

Он взял ее на руки так легко, как это было в ее сне.

Она прижалась к нему ласково и беззащитно, так, как ему хотелось, чтобы было в его сне.

Но это был не сон. Они ласкали и целовали друг друга. Они так и не сказали ни слова, но глаза их говорили все. Темные загадочные глаза Алины были сейчас еще более темными, страстными, горящими. Холодные голубые глаза Александра светились необычайной нежностью и теплотой, преобразя лицо парня.

Он покрывал поцелуями ее щеки, губы, волосы, шею. Он расстегивал пуговицы на ее блузке, и она с готовностью помогала ему, ощущая на своей груди потрясающе горячие, сладкие и страстные поцелуи.

Она потянула его галстук, сняла с него пиджак и, наткнув-

шись на наплечную кобуру с пистолетом и специальный тонкий внешне незаметный бронежилет под рубашкой, попыталась справиться с тугой застежкой, но попытка не удалась, и девушка мягко отстранила Банду от себя:

– Сними эту амуницию, Саша!

– Я люблю тебя, Алина! Я до умопомрачения тебя люблю! Я просто не могу прожить без тебя ни единого дня! – он шептал это страстно и искренне, вкладывая в этот шепот всю измученную душу.

– Милый, я люблю тебя! Ты каждую ночь приходишь ко мне! Я не могу дождаться дня твоего дежурства, чтобы снова увидеть тебя! – она задыхалась в горячем шепоте, пытаясь излить в нем все томление, все мучение безнадежно влюбленного девичьего сердца...

Когда он осторожно лег на нее, они застонали оба. Потом она не переставала стонать. Она всем телом прижималась к нему и, чтобы лучше ощутить его, согнула ноги в коленях. Ей хотелось плотнее прижаться к нему, а он, боясь испугать, обидеть, борясь с невероятным желанием, старался казаться как можно легче, невесомее. Она ощущала жар мужской страсти всем своим существом. И кожа парня казалась ей приятной. И запах его был приятен ей. Она дотрагивалась ладонями до его спины, гладила его лицо, грудь, шею, ласково перебирала волосы на его затылке. И все время повторяла: "Милый! Любимый! Родной!"

А он ласкал все ее тело, нежно покрывая его поцелуями,

и в конце концов девушка так опьянела от этих волшебных ласк, что открылась для его поцелуев вся, смело и доверчиво. Она почти бредила от удовольствия в океане нежности, который выплеснулся на нее.

А потом она захватила его губы в свои и задержала их там, слегка укусив, и в ее темных глазах он вдруг явственно прочитал, что ей хотелось большего. Она была готова к боли, а боль ее оказалась так близка к удовольствию, что стон этой боли походил на стон сладострастия. Она вскрикнула и не оттолкнула его, а как бы открылась навстречу, еще теснее прильнув к нему. Он застыл в ней, не двигаясь, испуганный тем, что сделал ей больно, но вдруг совсем ясно ощутил, что она просто невероятно счастлива.

Он начал двигаться, и она ожила. Она на мгновение сжала бедра, приподняв их, и вдруг расслабилась, стала совсем покорной, все больше и больше открываясь навстречу ему. А потом тоже пришла в движение – ее вдруг подхватили совсем неведомые для нее волны, закачали ее, закачали их обоих, лаская и сводя с ума своей нежностью.

Он заметил, как волна наслаждения начала расти в ней, вздыматься, подхватывать ее, и она была этим ощущением искренне напугана. Это было похоже чем-то на тот ее необычный сон, в котором главным действующим лицом оказался именно он, но на этот раз, наяву, все это было в тысячу и даже в миллион раз сильнее и чудеснее.

Она застонала, сначала как раненое животное, потом как

животное бешеное. С ее губ срывались какие-то бессвязные слова, слова рождались из стога и продолжали его. А потом слова эти стали уже не словами, а криком, криком наслаждения и страсти: "Еще! Еще! Еще!.."

А потом они лежали без сил, мокрые, разгоряченные, и у них не было ни малейшего желания отрываться друг от друга, чтобы отдохнуть, открыть глаза или вообще пошевелиться. Они стали чем-то одним, неразрывным.

Наверное, в таких случаях говорят, Что половинки, разбросанные Господом по всей земле, соединились. Они соединились и срослись, сбились в общий комок, слились в общее тело, и не существовало более, казалось, силы, которая смогла бы разлучить их, лишить друг друга. Это было так же невозможно, как лишить небо солнца, атмосферу – кислорода, а человека – любви.

Они познали друг друга. Они нашли друг друга.

Они были счастливы друг с другом.

Они были судьбой один другого...

* * *

На следующее утро Банда ворвался к шефу, даже не обратив внимания на секретаршу, что-то прокричавшую насчет важного звонка и большой занятости Валентина Кирилловича.

– Валентин Кириллович, пожалуйста, отмените все рас-

поряжения насчет смены "объектов" охраны!

Отмените все, о чем я просил вас позавчера! – выпалил с порога Банда, бешено вращая глазами и взволнованно раздувая ноздри.

– Эй, ты что?

– Я вас прошу!

– А ну попей воды! – шеф достал из холодильника бутылку "Кока-колы" и бросил в руки Банды. – Успокойся и рассказывай все толком и по порядку.

Банда действительно с благодарностью хлебнул "Кока-колы" и, переведя дух, уселся в кресло напротив шефа.

– Говори, что случилось?

– Валентин Кириллович, просто отпала необходимость переводить меня на другой "объект". Нет, даже не так! Меня ни в коем случае нельзя переводить на другой "объект" ...

– Она ответила тебе взаимностью?

– Мы не можем жить друг без друга...

– Ох, какие слова!

– Валентин Кириллович!

– Да ладно тебе, я же не со зла. Банда, черт, ты хоть понимаешь, что делаешь?

– Да. Я клянусь, что не позволю даже волосинке упасть с ее головы. Я готов умереть в любую секунду, если это потребуется для обеспечения ее безопасности...

– Знаешь что, Банда, ты сам можешь помирать действительно хоть в любую секунду, в которую только это втемя-

шится тебе в глупую голову! А я отвечаю за безопасность нашего клиента, на которого оформлен неплохой в финансовом отношении контракт сроком на год и с большими перспективами на продление! И я не могу рисковать репутацией своей фирмы ни под каким предлогом! Ты это понимаешь, телохранитель чертов?!

– Да. Я не подведу.

– Банда, да ты пойми...

– Шеф!

– Бондарович...

– Валентин Кириллович!

– Ах! – шеф вскочил и нервно зашагал по комнате. – Твою мать, в какое положение ты меня ставишь!

Банда тоже поднялся и твердо посмотрел своему боссу в глаза.

– Валентин Кириллович, вы же меня знаете. Я вас еще ни разу не подводил.

– Слава Богу!

– И не подведу!

Шеф глубоко вздохнул и остановился против Бондаровича, положив ему руку на плечо.

– Вот что. Банда. Был бы на твоём месте другой... Да не перебивай ты в конце-то концов! Был бы на твоём месте другой – ни за что не разрешил бы путать личную жизнь с делом. Но ты ведь действительно лучший, и я тебе почему-то верю.

– Спасибо, Валентин Кириллович!

– Только, Сашка, смотри!

– Вален...

– Я сказал, слушай меня! И не перебивай! – шеф от ярости даже ногой притопнул, ткнув кулаком Бондаровичу под нос. – Так вот, смотри! Еще полгода ты обязан будешь охранять эту девушку. И если хоть что-нибудь будет не так, ты вылетишь с работы в ту же секунду. И я найду способ отомстить тебе так, что ты запомнишь меня на всю свою оставшуюся жизнь, понял, Бондарович?

– Спасибо, шеф! – глаза Банды сияли, будто два самых чистых бриллианта, полнясь любовью и счастьем.

И Валентин Кириллович не выдержал, усмехнулся, потечески потрепав парня по щеке...

* * *

"Слежка, привет!

Держись, брат, за стенку, а еще лучше – сядь на стул, прежде чем будешь читать дальше. Иначе можешь упасть.

Я влюбился.

Я влюбился, как щенок, как школьник... Нет, не так. Я влюбился, как мужик, многое повидавший и познавший и который влюбляется вдруг в первый и последний раз в своей жизни влюбляется до потери памяти и пульса. Влюбляется до умопомрачения. Который готов отдать все самое дорогое в этой жизни за свою любовь, потому как нет в этой

жизни ничего дороже, чем она.

Ее зовут Алиной. Красивое имя, правда?

Эта та самая генеральская дочка, помнишь, моя клиентка?

Да-да, это она «занудливая, злая, раздражительная» и т.д. и т.п. И это она самая нежная, самая неповторимая, самая красивая.

Она, боюсь поверить, тоже любит меня, Олег!

Я самый счастливый Человек в мире. Это точно.

Я очень хочу показать тебе ее, но у меня нет даже фотографии. Я просто вижу ее каждый день, и уже порядком, по-моему, надоел своему напарнику, Анатолию, который никак не может понять, что за страсть к внеурочной работе вдруг обуяла меня и какого черта в дни его дежурства мы охраняем ее вдвоем. А может, он все понимает, но молчит. Тогда пусть уж лучше молчит дальше, а то не дай Бог узнает про все шеф – крутых разборок не миновать.

Если хочешь – приезжай к нам хоть сейчас. Если не можешь – подожди три месяца, и в июле, как раз после того, как она получит диплом, я уйду в отпуск, и мы приедем к тебе вдвоем.

Ты нас примешь, ведь правда?

Олег, сейчас у меня совсем нет времени, мы договорились встретиться через полчаса у библиотеки, поэтому письмо пока заканчиваю, потом напишу тебе еще. Хорошо?

Прости за сумбур и бестолковость.

Я просто, видимо, сошел с ума.

Пока!

Твой Банда".

* * *

Очень скоро отношения Алины и Банды стали предметом самых жестоких конфликтов.

Первым взъелся Анатолий.

Когда однажды вечером, после занятий в библиотеке, Алина объявила ему, что ей назначено свидание и поэтому домой они пока не едут, бывший боец "Альфы" удивился, но невозмутимо промолчал. Когда девушка попросила отвезти ее в ресторан "Арлекино", Анатолий чертыхнулся про себя за выбор столь беспокойного, с точки зрения телохранителя, места для свидания, но вновь удержался от соблазна вслух комментировать решения "объекта".

Он ничего не заподозрил даже тогда, когда узрел за одним из столиков заведения Банду, горячо приветствовавшего их появление в зале ресторана. Толик лишь слабо помахал ему в ответ, и тут же глаза бывшего альфовца от изумления полезли на лоб: Алина решительно направилась к столику именно Сашки, радостно и нежно улыбаясь.

– Так это у вас свидание здесь? – только и смог вымолвить дежурный телохранитель, переводя удивленный взгляд с "объекта" на напарника и обратно на "объект".

– Да, а что? – решительная интонация Алины не позволяла сомневаться в естественности всего; происходящего.

– Да ты садись, Анатолий, расслабься. Сегодня наш "объект" будет под усиленной охраной, – Банда улыбался широко и совершенно счастливо, и Толик почувствовал неудержимое желание съездить по этой беспечной и самодовольной морде.

– Я – на работе, – сухо ответил он, подчеркнуто внимательно обводя глазами зал.

А когда ситуация повторилась и во время следующего дежурства, и еще через сутки, и опять, Анатолий не выдержал и, усадив после ужина в "Арлекино" Алину в "БМВ", плотно закрыл за ней дверь, придержав Банду за рукав.

– Подожди садиться, мне с тобой поговорить надо.

– Ты о чем?

– Банда, я тебя, конечно, понимаю, и ты, прошу, не обижайся...

– Ну?

– Мальчики, о чем вы там шепчетесь? – выглянула из окна, опустив стекло, Алина.

– Сейчас, Алина Владимировна, нам нужно обсудить кое-какие профессиональные проблемы. Вы нас извините, – Анатолий мило улыбнулся девушке и увлек Банду в сторонку, стараясь говорить тише, так, чтобы девушка не смогла их услышать:

– Банда, хорош ерундой заниматься.

– В смысле?

– Что за отношения у тебя с "объектом"?

– Хорошие. Ты к чему клонишь, не понимаю? Говори, Толя, прямо, черт возьми!

– А я и говорю... Ладно, сегодня, когда я вынужден охранять вас двоих – Бог с вами. Мне, знаешь ли, до фонаря, с кем встречается подопечная. Мое дело маленькое и привычное – поглядываю себе по сторонам и в ус не дую...

– Так чего ты нервничаешь?

– По двум причинам. Первая: ты мне мешаешь. Ты усложняешь мою работу. Как мой коллега и напарник ты должен в конце-то концов меня понять. Я же с Алиной торчу не по своей прихоти...

– Ладно, понял. Мы постараемся что-нибудь придумать. – Банда явно "заскучал", и эта его реакция еще более разозлила дежурного телохранителя.

– А во-вторых, Банда, я доложу шефу о том, что тебя пора снимать с охраны.

– Это еще почему?

– Ты ведь не несешь службу. Вот завтра меня не будет – ты же целый вечер просмотришь на охраняемый "объект" элементарно влюбленными глазами.

Девушка будет беззащитной.

– Да ну перестань...

– Не перестану, Банда. Это все не шуточки: нас наняли обоим на ее охрану, и именно за ее безопасность нам платят

деньги. В таком состоянии, в каком находишься сейчас ты, ты не сможешь выполнять свою работу. А я не хочу отвечать за твоё разгильдяйство.

– Толя, подожди...

– Не собираюсь, – Толик разошелся не на шутку, и глаза его смотрели на Банду слишком серьезно и строго. – Я завтра же, благо, буду свободен, доложу обо всем Валентину Кирилловичу.

– Толя...

– Тридцать два года "Толя".

– Но послушай... Это как стихийное бедствие. Все так неожиданно. Ты пойми... – Банда лихорадочно подыскивал слова, чтобы объясниться с напарником. – У меня уже был разговор с шефом. Я ему во всем признался, он мне поверил...

– Я обязан...

– Толя, я больше не появлюсь во время твоего дежурства!

Напарник задумался, и Банда постарался Как можно быстрее закрепить достигнутый успех:

– Правда, не буду. А за мое дежурство не беспокойся – мухе не позволю Алину обидеть!

Банда произнес эту фразу с такой искренностью и убежденностью, что его напарник не нашел в себе сил не поверить парню. И лишь для того, чтобы не сдаваться сразу, с самому себе противной менторской назидательностью выговорил:

– Но я тебя, Саша, предупреждаю в первый и последний

раз: еще хоть однажды помешаешь мне работать – иду к шефу.

– Договорились!

Они вернулись к Алине довольные, и каждый из них считал, что сумел добиться своего. На все вопросы девушки ребята так и не ответили, отшучиваясь тем, что, мол, обсуждали, в голову стрелять нападающим на нее или в ноги.

Правда, на следующий день Банде пришлось объяснить девушке, по какой причине видятся теперь они смогут лишь через сутки.

* * *

Второй все поняла мать Алины.

Впрочем, не заметить перемены мог разве что слепой: дочь совершенно не таила свое особое расположение именно к Банде. Теперь, если она бывала дома по вечерам, Банда не сидел до одиннадцати на кухне, а уходил в комнату девушки и задерживался там гораздо дольше, чем это было оговорено в контракте. Анатолий между тем так и не смел ступить в квартире Большаковых дальше прихожей и кухни.

Ко всему прочему, возвращаясь домой после дня, проведенного под охраной Банды, Алина всегда с гордостью несла огромный букет роз, так что теперь прекрасные свежие цветы в комнате дочери были лучшим свидетельством перемен в ее жизни.

Банда нравился Настасье Тимофеевне. Он был высок, красив, спокоен, умен. В нем чувствовалась недюжинная сила. Держался он с достоинством и благородством, и Настасье Тимофеевне парень очень напоминал ее Большакова в то время, когда он не был еще Владимиром Александровичем, а лишь аспирантом Володей.

Мать с улыбкой исподтишка наблюдала за дочерью, терпеливо дожидаясь, когда девичья душа не выдержит, раскроется широко и доверчиво и Алина выплеснет на нее, самого близкого человека, поток счастливых признаний в своей первой и сильной любви.

Так в конце концов и произошло.

Однажды, когда Банда уже уехал домой, Алина на цыпочках прокралась мимо кабинета отца в спальню матери и, тихонечко приоткрыв дверь, осторожно позвала:

– Мама, спишь?

– Нет, – быстро включила прикроватную лампу Настасья Тимофеевна. – Заходи.

Алина прошмыгнула в спальню и в халате юркнула к матери под одеяло, доверчиво прижавшись Лицом к ее плечу.

– Мамка, я, кажется, влюбилась!

– Да ну? – притворно удивилась Настасья Тимофеевна, пряча улыбку от дочери.

– Да. И притом так сильно, мама! Я не могу спать, когда его нет рядом. Я все время думаю о нем, вспоминаю наши встречи, его глаза, его слова, его руки...

– Подожди, тараторка! В кого же ты так влюбилась? Я его, может быть, знаю?

– Да. Один из моих телохранителей – Саша... Помнишь, конечно?

– Конечно. Через день имею счастье его лицезреть.

– Александр, – мечтательно произнесла дочь. – Правда, красивое имя?

– Бесспорно.

– Мама, а тебе он нравится?

– Алинушка, у меня же есть свой предмет для обожания, – со смехом кивнула мать в сторону отцовского кабинета, откуда чуть слышно доносился через стену звук телевизора. – Александра своего ты уж сама рассматривай да сравнивай со своими идеалами.

– Ну все же, ма?

– Конечно, нравится! По-моему, неплохой парень, – мать помолчала несколько мгновений, прислушиваясь к счастливым вздохам дочери, и осторожно спросила:

– А кто он, Алина? Кто его родители? Как он попал в эту службу охраны? Ты мне, если, конечно, это не страшная тайна, можешь рассказать?

Алина даже привстала, опираясь на локоть, озадаченно посмотрев на мать.

– Мам, а я толком и не знаю. Честное слово! Мы все время про меня разговариваем, про мои дела, про учебу... Про кино, про музыку. Ой, ну почему я его не спросила?

"Молодец парень, – с улыбкой отметила про себя Настасья Тимофеевна, – знает, хитрец, как завоевать сердце женщины! Стоит лишь поговорить с такой балаболкой про ее проблемы, про ее красоту и исключительность – и вот нате вам! Влюбилась! А в кого – и сама толком не знает. Учить ее еще уму-разуму да учить".

– Мама, я у него послезавтра все и спрошу. Теперь мы с ним только про него говорить будем. Я тебе тогда все расскажу, хорошо?

– Ну, я надеюсь...

– Конечно, мама!.. Ой, какая я счастливая!

– А как диплом твой, счастливая?

– Да все нормально, мам, не беспокойся. Материал практически весь собран. Теперь только сесть да написать...

– И Александр этот будет все время сидеть рядом. Много же ты, дочка, напишешь в таком случае!

– Мама, конечно, напишу. Я ведь все понимаю, не маленькая же я у тебя в конце концов!

* * *

Если бы Банда был моложе и глупее, если бы за его спиной не было всех этих ужасов Афгана и Таджикистана, если бы он не научился крепко держать себя в руках, судьба Алининого диплома вызывала бы большую тревогу. Ведь Банда и Алина не могли прожить друг без друга и дня. Девушке так

направились дни дежурства Александра, когда он с утра до самого позднего вечера был рядом с ней, что она просила-умоляла его нарушить данное Анатолию обещание и приходиться к ней каждый день, не обращая внимания на очередность их дежурства. Но, слава Богу, Банда справлялся с собой, и хоть через сутки, но выпускница университета все же имела возможность поработать над главным трудом своей учебы.

Правда, даже тогда, когда за ее спиной сидел Анатолий, зорко приглядываясь к посетителям библиотеки на предмет потенциальной опасности для "объекта", а перед ней лежал чистый лист бумаги, требовавший очередной страницы диплома, мысли девушки то и дело улетали из дебрей юриспруденции и кружили в райских садах ее самых сладких мечтаний – мечтаний об Александре.

Но уж когда приходил следующий день, Алина вскакивала ни свет ни заря и, причесываясь и подкрашиваясь, не могла дожидаться той блаженной минуты, когда ровно в семь ноль-ноль у двери раздастся звонок, возвещающий о приходе ее любимого.

Она бросалась в прихожую, опережая мать, а провожая Александра на кухню и готовя ему кофе, успевала украдкой сорвать у него нежный утренний поцелуй, в котором, казалось, концентрировалась вся страсть ее вчерашнего ожидания.

Мать только посмеивалась, глядя на дочку, а отец не замечал ничего, погруженный в свои бесконечные проблемы

на работе.

А влюбленные убегали из дому на целый день и возвращались лишь ночью, иногда часа в два-три, когда закрывался их любимый ресторан "Арлекино", забывая о том, что дежурство Бондаровича продолжалось лишь до двенадцати часов ночи.

Алина всегда захватывала с собой из дома папку с недописанным дипломом, делая вид, что направляется в библиотеку, но, оказавшись в "мицубиси-паджеро" Банды, со смехом забрасывала ее на заднее сиденье и бросалась на шею парню, целуя его теперь уже открыто, не таясь, и впитывая в себя бесконечный океан нежности и любви, который носил в себе, боясь расплескать хоть каплю, Александр.

Они мчались в парк, в лес, на ВДНХ, нынешний ВВЦ, обедали в "Макдональдсе", потом неслись в Битцевский комплекс и катались на лошадях или бродили на Патриарших прудах, а к вечеру, немного утомленные, устраивались в "Арлекино" или каком-нибудь другом заведении, стараясь периодически варьировать места пребывания, чтобы попробовать и итальянскую, и чешскую, и китайскую, и мексиканскую кухню.

Деньги, захваченные Бандой из Таджикистана, постепенно таяли, но это ничуть не огорчало парня.

Кто когда-нибудь любил – сильно, безумно, по-настоящему, – тот знает, что нет большего счастья на земле, чем принести любимой женщине радость.

И если для того, чтобы в любимых глазах появился счастливый блеск, потребуется разориться, мужчину это не оставит. Так появлялись великие воры и великие растратчики, так проматывались бешеные состояния и огромные наследства. Из-за этого блеска на земле вообще совершалось немало глупостей.

И что уж говорить про Сашку, который никогда не придавал бумажкам с водяными знаками какого-то особого значения и который впервые познал что такое любовь!

Для них обоих это были совершенно безумные дни. Иногда, когда они бродили по лесу, пытаясь разыскать первые цветы, хватало всего одного взгляда, одного прикосновения, как они уже бросались друг к другу, задыхаясь в объятиях, и Сашка осторожно брал Алину на руки и нежно прижимал к себе.

– Алина!

– Саша!

– Я люблю тебя!

– Любимый!

– Я хочу тебя!

– Я жить без тебя не могу!

– Я схожу с ума от тебя, твоего тела, твоего запаха!

– Возьми, меня! Я твоя...

Банда уносил девушку к джипу, раскладывал заднее сиденье, превращая его в огромный диван, и тщательно запирали изнутри все двери, а Алина тем временем сбрасывала с себя

одежду, и они заключали друг друга в нежные и страстные объятия, чувствуя себя за сильно тонированными стеклами "мицубиси" в совершенной безопасности. Им казалось в такие минуты, что они одни на этой земле и этот лес, этот воздух, это солнце – весь этот чудесный мир принадлежит только им и только друг другу принадлежат они сами...

* * *

Иногда жизнь преподносила им подарки, за которые они даже не знали, кого благодарить больше – судьбу или Алиных родителей.

Однажды утром Алина, как обычно, выбежала из подъезда, грациозно запрыгнула на переднее сиденье джипа и быстро чмокнула Банду в щеку. И по этому моментальному поцелую, по особому блеску в ее глазах парень сразу понял, что любимой не терпится ему о чем-то поведать. О чем-то таком, от чего она вся сияла и мило улыбалась, обнажая свои красивые, сверкающие белизной альпийского снега зубки.

– Алинушка, что с тобой сегодня?

– Ой, Саша! Какие мы счастливые!

– Это я знаю. А что случилось еще?

– Поехали. Поехали быстрее, я тебе по дороге все расскажу.

– Куда едем?

– В универ. У меня сегодня консультация.

– Ну, и что случилось, Алинушка? – снова спросил, вы-
руливая со двора, Александр.

– Саша, сегодня какой день недели?

– Среда.

– А завтра?

– Алина, – Банда удивленно взглянул на девушку, – ты
что, проверяешь, знаю ли я последовательность дней неде-
ли?

– Завтра четверг, – отмахнулась она от его вопроса,
немного даже злясь на любимого за его непонятливость, – а
послезавтра пятница, твой день дежурства!

– Конечно, и что же?

– Нам очень повезло!

– Алина, – рассмеялся Банда, замученный таинственны-
ми намеками девушки, – я знаю, что мне повезло с той са-
мой минуты, когда я впервые увидел свой "объект" охраны.
Я знаю, что мне сказочно повезло в тот день, когда ты ска-
зала, что любишь меня. Я знаю, что впереди меня ждет еще
очень много счастья, потому что я никуда тебя от себя не
отпущу. Но почему нам особенно повезет в пятницу? Ведь,
если на то пошло, нам так же везет и сегодня, и впереди еще
целый день, который я проведу рядом с тобой...

– Ты ничего не понимаешь!

Банда притормозил на светофоре и, оторвав глаза от до-
роги, строго взглянул на девушку:

– Алина, перестань изъясняться загадками! Что случи-

лось?

– Сашенька, – девушка бросилась к нему на шею, счастливо зарывшись лицом в рубашку, – давай вместе помолимся, чтобы все получилось!

– Давай, – Банда осторожно освободил правую руку, включая передачу и трогаясь на зеленый свет светофора, но, не удержавшись, погладил девушку по спине. – Только о чем, ты мне скажешь наконец?

– Слушай, – она отстранилась и села прямо, всматриваясь в его лицо и стараясь не пропустить его реакцию. – Так вот. В последнее время папа много работал, у них была доводка нового двигателя для ракет средней дальности, и вчера на стационарных испытаниях были получены отличные результаты.

– Это, конечно, приятно, но при чем здесь мы с тобой?

– А при том, что на радостях отец объявил в своем бюро пятницу выходным днем, предоставив всем отгул, и решил немного отдохнуть и сам. И поэтому завтра вечером они с мамой уезжают на дачу. На целых три дня. Представляешь?!

– А ты? – немного встревоженно посмотрел на девушку Банда.

– А я буду с тобой, – нежно прижалась Алина к его плечу. – Мама, правда, хотела и меня забрать – от греха подальше, как она выразилась, но папа отстоял мою свободу. Он ведь уверен, что я буду писать диплом в эти выходные...

– Кстати, о птичках. А как он продвигается? Ты за вче-

рашней день что-нибудь успела?

– Милый, ну, конечно! Сейчас вот везу к Гайворонскому черновик. Он за выходные просмотрит, подскажет, что еще добавить... Так что все три дня мы будем свободными!

– Алинушка, здорово! – от избытка чувств Ванда притопила педаль газа больше положенного, и, взревев, "мицубиси" рванула вперед, ловко обходя возникавшие перед ним машины.

– Мы никуда с тобой не пойдем. Я все решила.

Давай проведем пятницу у меня дома. Я тебя, несчастного, хоть раз накормлю настоящим ужином, домашним и вкусным. Я умею готовить, честное слово! – вскричала Алина так искренне, будто Банда хоть на секунду усомнился в ее способностях. – Ты оценишь.

– Конечно, любимая. Я примчусь к тебе с самого утра, и мы целый день будем вместе. Да?

– Да. Как здорово! Правда?

– Не то слово!

* * *

На следующее утро Банда подъехал к подъезду Алины в половине седьмого, боясь пропустить появление Анатолия, и облегченно вздохнул лишь тогда, когда машина их фирмы мягко выкатилась из-за угла дома.

– Толя, не злись. Я к тебе на несколько слов! – Банда про-

тестующе поднял руки, направляясь к другу-коллеге и заметив, как недовольно тот поморщился, узнав Бондаровича.

– Банда, ну мы же с тобой договаривались!

Опять за свое? Мне что, рассказать все...

– Ну тише, Толя! Дай хоть слово сказать!

– Ну?

– Сегодня родители Алины должны уехать на дачу.

– И что?

– Они пробудут там до воскресенья, до вечера, а то и до понедельника...

– Что ты от меня хочешь? Уже семь, и мне пора к "объекту" ...

– Толя! – Банда так отчаянно выдохнул его имя, что несгибаемый телохранитель остановился все-таки, решив выслушать Сашку. – Толя, послушай, Алина все три дня будет дома. Мы... То есть она шагу не ступит из квартиры.

– И что?

– Я буду все три дня с ней.

– Не понял...

– Ты не приезжай в субботу. Возьми машину, будто едешь на дежурство, а сам захвати жену, детей – да на природу. А?

– Банда...

– Ты подумай. Поверь, никуда не пойдём. Ничего не случится. Я тебе обещаю.

– Ну, Банда... Толя, пожалуйста!

– Эх! Но...

- Но если что, я сразу тебе сообщу. А для всех остальных – мы просто поменялись дежурствами. Так ты согласен?
- Толик укоризненно покачал головой:
- Не доведет тебя все это до добра!
- Тьфу-тьфу! Так по рукам?
- Пошел ты к черту!
- Запомнил? В субботу не приезжай.
- Ладно. А пока вали отсюда и не мешай мне работать.
- Толя, я тебя сейчас расцелую!
- А я тебе зубы посчитаю. Кыш!
- Толик, с меня коньяк! – крикнул Банда вслед исчезающему в подъезде коллеге и счастливый прыгнул за руль своего джипа. – Господи, хоть бы скорее пролетел этот день!

* * *

В пятницу Банда был у подъезда Алины уже в шесть утра. Он вышел из машины и, усевшись на капоте, долго с тоской смотрел в окна квартиры Большаковых, пытаясь угадать, что делает сейчас Алина. Ему не терпелось увидеть девушку, но он не мог позволить себе нарушить ее тихий и чуткий девичий сон своим появлением ни свет ни заря.

Но Алина уже не спала.

Она еле пережила эту ночь, ворочаясь с боку на бок в горячих простынях и с нетерпением сверля глазами светящееся табло часов на прикроватной тумбочке. Ей казалось, что

старая добрая "Электроника" вдруг дала сбой, слишком затягивая смену цифр, и время от времени девушка вскакивала и подбегала к своему "Панасонику", сверяя будильник с таймером музыкального комплекса, и, разочарованная, снова укладывалась, убеждаясь, что во всем виновато само время, слишком уж медленно ползущее к рассвету.

Она так и не заснула, а когда комната наполнилась зыбким предрассветным светом, включила музыку, надел наушники, и долго слушала Милен Фармер, периодически сменяя два ее диска. Ей нравилась эта француженка, особенно ее видеоклипы, похожие на маленькие фильмы с законченным сюжетом, они полнились страстью и любовью, как будто выплескивая, раскрывая нараспашку душу любящей и страдающей женщины. Особенно ей нравился клип, в котором героиня – сама Милен – отбивает свою любовь у грозной соперницы, не гнушаясь выдергивать у той ключья волос из головы, но затем погибает вместе со своим возлюбленным, расстрелянная бандитами, подкупленными отвергнутой соперницей.

Это было так романтично, так откровенно и так здорово, что сердце девушки подпрыгивало и трепетало в минуты просмотра клипа. И сейчас, лежа с закрытыми глазами и слушая музыку, девушка живо представляла себе этот клип и наслаждалась. Вот только вместо Милен Фармер в ее мечтах на лошади скакала она сама, а рядом на гнедом жеребце несся ее Александр...

Когда солнце, выскользнув из-за крыши дома напротив,

точным попаданием пробило щелочку в плотно зашторенных окнах, сверкающим мечом пронзило всю комнату и, попав в зеркало, раздробилось на множество веселых зайчиков, Алина в очередной раз взглянула на часы и, увидев четкие зеленые цифры 6.15, не выдержала, вскочила и, пробежав на кухню, окна которой выходили во двор, выглянула из-за занавески вниз.

Сердце ее затрепетало и оборвалось: у подъезда, застыв в позе терпеливого ожидания, на капоте своего джипа сидел Банда, вглядываясь в ее окна. Не отдавая себе отчета в собственных чувствах, Алина почему-то отпрыгнула от окна и опрометью кинулась в спальню, с разбегу запрыгнув к себе в постель и закрыв глаза, будто притворяясь спящей. Но уже через секунду опомнилась, улыбнулась своему смятению и вылетела из постели, набросив на плечи поверх тонкой ночной сорочки шелковый длинный халат. Она поспешила на кухню снова, чтобы открыть окно и позвать парня, но резкий звонок у входной двери застал ее как раз на полпути, в прихожей, и Алина сразу, без раздумий, даже не заглядывая в глазок, открыла дверь.

На пороге с букетом невообразимо пышных нежно-розовых роз стоял Александр, и его глаза смеялись счастливым смехом и рассыпали тысячи искорок, дробившихся и переливавшихся в капельках утренней росы, застрявших в бутонах цветов.

– Сашенька! – букет полетел на пол, и Алина почувство-

вала, как сильные руки нежно обняли ее, отрывая от пола и кружа в вихре любви и страсти.

Она закрыла глаза и уже не понимала и не думала ни о чем, чувствуя только его поцелуи на своем теле, его нежные руки, его обжигающие прикосновения...

Спустя час они сидели на кухне и пили приготовленный Алиной кофе, посматривая друг на друга сквозь букет принесенных Бандой роз. Девушка их спасла, аккуратно подрезав кончики и поставив в самую красивую вазу, которую только отыскала в квартире.

Глаза их лучились счастьем и умиротворением, и чувства, казалось, циркулировали по замкнутому кругу, переливаясь из голубых глаз парня в карие очи девушки, а затем обратно...

– Алинушка, а где моя рубашка?

– Побудь так. Мне очень нравится твоя грудь.

Она такая сильная, мужественная, – с этими словами девушка подошла к Александру и нежно поцеловала его в ложбинку между двумя развитыми мускулами грудной клетки. – Мне все время хочется прижиматься к тебе – Мне тоже, любимая... Подожди, – вдруг отстранился Банда, ласково перехватывая голову Алины и целуя ее в губы. – Подожди, а то я опять забуду, зачем мне нужна была рубашка.

– А зачем?

– Я сейчас сбегая вниз, к машине. Я там кое-что забыл.

А заодно покурю внизу.

– Курить ты можешь и здесь, я разрешаю. И что ты там, интересно, забыл? Пистолет свой, что ли?

– Нет, – Банда даже покраснел ненароком, вспомнив, как зашвырнул оружие под кровать Алины не в силах сдержать страсть. – Пистолет здесь, у тебя в комнате. Ты его не трогай, ладно? Я тебя потом научу стрелять...

– Правда?

– А я тебя когда-нибудь обманывал?

– Сашка, как я тебя люблю! – девушка снова бросилась на шею парню, и тому снова пришлось нежно и аккуратно возвращать ее к реальности.

– Алинушка, так где же все-таки моя рубашка?

В спальне я ее не нашел почему-то...

– И не найдешь.

– В смысле?

– Я ее замочила.

– Как?

– Ну, постираю ее.

– Э-э-э, – растерянно и смущенно протянул Банда. – А разве... А разве она грязная была? Я ведь ее... только сегодня... – Банда терялся, не находя слов для оправданий и недоумевая, когда же успел вымазаться воротничок его самой лучшей рубашки. – Только сегодня надел, а она была постиранной.

– Да она и есть чистая, Саша! – рассмеялась Алина. – Просто... Ну, ты пойми меня... Мне хочется что-нибудь пости-

рать твое... Что-нибудь сделать тебе приятное.

Банда ошалевшими от радости глазами смотрел на девушку и совершенно не понимал, за что, за какие такие заслуги могло на него свалиться это сказочное, это безмерное счастье. Теперь он уже сам сгрел Алину в охапку, нежно охватывая ладонями девичье тело и пытаясь усадить ее к себе на колени, но роли, видимо, поменялись, и на этот раз уже она воспротивилась, спрыгнув с колен и вырвавшись из его рук.

– Перестань. Ты что-то забыл в машине.

– А как же мне теперь до нее добраться? Не с голым же торсом по подъезду расхаживать. Хорош телохранитель!

– Я сейчас дам тебе майку отца. Пойдет?

– Неудобно...

– Ой, слышать не могу! Жди здесь, – и с этими словами девушка скрылась в кабинете отца, бросившись к шкафу, в котором лежали вещи Владимира Александровича.

Майка пришлась Банде как раз впору, и он, не мешкая, спустился вниз, а когда вернулся, у девушки от удивления округлились глаза – Банда держал в руках никак не менее шести огромных пластиковых пакетов, плотно-плотно чем-то набитых.

– Что это? – только и смогла выдохнуть Алина, пропуская тяжело дышащего парня в квартиру. – Ты что, уже решил ко мне перебраться и захватить все свои вещи?

Банда, не имея сил ответить на немного неудачную шутку девушки, устремился на кухню и, лишь поставив пакеты на

пол и распрямив спину, улыбнулся ей, спокойно отвечая:

– Алинушка, я подумал... Мы ведь три дня жить будем.

Так я тут мимо универсама проезжал...

– В шесть утра?

– А он круглосуточный был... – Банда говорил неуверенно, и девушка тут же уловила это.

– Правда? И где это, не подскажешь случайно?

– Ну, там...

– Александр, не ври!

– Не вру. Все купил еще вчера. Специально к этому дню готовился. Вот смотри...

И Банда начал разгружать пакеты.

Чего здесь только не было! Несколько килограммов апельсина и персиков, десяток плодов манго и пять ананасов, две огромные ветки бананов. Упаковка замороженной земляники и мешочек свежей черешни венчали то, что условно можно было назвать фруктовой частью программы питания выходных дней, разработанной Бандой.

Далее следовала огромная индейка и большой кусок свиного филе, палка салями и немецкая ветчина. Бесконечное множество разнообразных майонезов и соусов, кетчупов и приправ. Несколько упаковок голландского печенья и австрийские пирожные, набор швейцарских шоколадных конфет знаменитой фирмы "Саротти" и банка кофе "Нескафе-классик".

– Это быстрее в морозильник! – протянул Банда Алине

огромный торт из мороженого. – Это, это и это, пожалуй, туда же.

Он выставлял на стол содержимое пакетов, и Алине ничего не оставалось делать, как только удивляться – шампанское "Фрейшенет" и водка "Абсолют", пиво "Хольстен" и вино "Молоко любимой женщины", ликер "Каперинха" и коньяк "Метакса".

– Саша, по-моему, ты сошел с ума!

– Ни капельки. Просто сегодня я хочу пригласить тебя на ужин.

– Но ведь мы договаривались, что весь день проведем дома, вдвоем, и никуда не пойдем...

– Правильно. Никуда не пойдем. Я приглашаю тебя на ужин в собственный ресторан, скажем, "У Александра". Место его дислокации на сегодняшний вечер – ваша кухня.

– Ты что! – всплеснула руками от восторга Алина, но тут же лицо ее снова приняло озабоченное выражение. – Подожди! И ты рассчитываешь, что мы все это съедим и выпьем за один вечер?

– Ну почему за один? – Банда подошел к Алине вплотную и нежно заключил ее в кольцо своих рук. – Я никуда от тебя не уйду. Ни сегодня, ни завтра. Я буду с тобой эти три дня... пока не вернутся с дачи твои родители.

– Саша, милый! Я люблю тебя! – она поцеловала его, но, вспомнив что-то, снова озадаченно взглянула ему в глаза. – А как же Анатолий? Ведь завтра его смена...

– Я уговорил его уделить побольше внимания своей жене и детям, – широко улыбнулся Банда, – и дал ему отгул на субботу. Взял, понимаешь ли, нелегкий труд по твоей охране на себя!

– Сашка, ты чудо! – они опять слились в нежном поцелуе. – Но только, чур, я тебе тоже помогать буду!

– А как же!

– И сама несколько блюд приготовлю!

– Пожалуйста. В ресторане "У Александра" нам можно делать все, что только заблагорассудится.

– В таком случае одеваемся – и живо на рынок и по магазинам!

– А разве нам еще что-нибудь понадобится?

– Для твоих блюд, может, ничего и не надо, а для моих кое-что придется купить.

– Ладно, сдаюсь! Одевайтесь, моя королева. Карета ждет вас у подъезда!..

* * *

Алина сразу придумала, чем сможет поразить воображение Александра, и в магазине и на рынке докупила необходимые продукты, обойтись без которых ей было никак нельзя: головку сыра, хороший кусок грудинки, пару килограммов яблок, баночку печени трески и десяток яиц.

А потом целый день провели они на кухне, дружно гото-

вась к ужину, а заодно болтая обо всем на свете.

Девушка запомнила наказ матери и постаралась говорить на этот раз об Александре, вольно или невольно вынуждая его подробно и обстоятельно рассказывать ей о себе, о своей жизни, о своих друзьях. Только теперь она узнала, что Банда, – он рассказал ей и о своей кличке, – детдомовец, что, кроме Смоленска и Афгана, вспоминать ему, собственно говоря, нечего и некого. Он рассказал ей об Олеге Вострякове, опустив, естественно, сцену его спасения в том проклятом бою. Рассказал о Сарнах, не преминув позвать Алину в июле в этот чудесный украинский городок. Рассказал о том, как попал на работу в "Валекс", и о том, как быстро сделал карьеру в этом агентстве безопасности.

Она пыталась как можно подробнее расспросить его об Афгане и о его подвигах в агентстве, но Банда все время переводил разговор на людей, на своих друзей, старательно опуская детали боев, кровавые эпизоды и соленые мужские слезы. По его рассказам выходило, что Афган был для него и его друзей чем-то вроде большого летнего лагеря, в котором они веселились, пели у костра и изредка ходили в походы. В его рассказах не было ни смертей, ни ран, ни оторванных ног, ни развороченных осколками голов.

Там не было места вытекшему и высохшему за целый день за собственным бронежилетом глазу друга и сгоревшему от рук пьяного прапорщика афганскому ребенку. Там никого не насиловали всем взводом и не ширялись, не пили водку и

не продавали бензин духанщикам.

Алина понимала, что он недоговаривает, вернее, рассказывает выборочно, тщательно отфильтровывая эпизоды, достойные ее ушей, и всячески старалась выведать у него именно грязные, страшные стороны войны, неизменно натываясь на стену молчания. Поначалу она даже пыталась обидеться, но затем вдруг поняла, что недомолвки Банды не являлись причиной неискренности или скрытности. Просто память парня прятала всю грязь и кровь подальше, в те затененные темные закрома, доступ к которым не всегда возможен. И, наоборот, светлые, радостные, теплые минуты, проведенные с самыми надежными, самыми верными людьми – с друзьями, – лежали рядом, на поверхности, услужливо всплывая в памяти, и именно они-то в конце концов и были главными для парня, определяли для него это страшное слово – Афган.

И тогда она своим женским сердцем пожалела его. Пожалела за одиночество, за отсутствие детства.

За то, что самым ярким воспоминанием в его жизни стала речка в Сарнах.

И еще больше начала уважать его. Теперь уже не только за физическую мощь, но и за силу духа, за великодушие, за преданность. За то в конце концов, что она у него, так же, как и он у нее, была первой настоящей любовью. За то, что они могли отдаваться друг другу искренне и без остатка, не отводя глаз в сторону и не сожалея ни о чем, а вместе ра-

достно и счастливо постигая любовь.

И в один прекрасный момент Алина вдруг почувствовала, что не выдерживает больше, что боль подступает к самому сердцу и слезы душат ее.

И тогда она упала на грудь Сашке и горько-горько и одновременно счастливо-счастливо расплакалась, промочив на нем отцовскую майку своими слезами и горячо шепча:

– Любимый мой! Хороший мой! Единственный мой! Теперь будет все иначе! Я тебя никому не отдам. Я согрею тебя. Я сделаю все для тебя. Мы будем самыми счастливыми.

– Алинушка, ну будет тебе... Чего ты, милая? Я люблю тебя, я буду всегда рядом с тобой. Я за тебя самой жизни горло перегрызу, родная! Не плачь!

– Это я так... – выплакавшись наконец и все еще всхлипывая, выдохнула девушка, – нечаянно.

Лук в глаза попал – видишь, чищу его... Сейчас все пройдет.

– Любимая! – Сашка осторожно взял ее за подбородок и приподнял красивое личико, целуя ее прямо в заплаканные глаза и мокрый от слез нос. – Мы обязательно будем с тобой счастливы.

– Да!

Они застыли на несколько мгновений в объятиях друг друга, а затем Банда легонько оттолкнул от себя Алину и весело спросил:

– Ну что, ваше величество, где будем стол накрывать?

Мой ресторан готов к открытию.

– Давай в моей комнате, ладно?

– Полностью с вами согласен, – он согнулся перед ней в галантном поклоне, и Алина не сумела сдержать улыбку. – Распорядитесь, пожалуйста, насчет свечей, скатерти, приборов и бокалов, моя королева. А затем проследуйте в спальню вашей матушки и не показывайтесь оттуда до тех пор, пока ваш покорный слуга не позовет вас к трапезе.

– Я так не согласна! – запротестовала девушка. – А как же мои блюда? Я ведь тоже принимала участие в приготовлении ужина!

– О-о, никто не оспаривает ваше умение и способности, ваше высочество. Но нет большего счастья для мужчины, чем преподнести женщине приятный сюрприз. Вы еще никогда не были в моем заведении, и я хочу, чтобы первое посещение превратилось хоть чуть-чуть в неожиданность, – он больше не выдержал этого высокопарного стиля и задорно рассмеялся. – Короче, Алинушка, ты спрячься и ни о чем не беспокойся. Твои блюда будут поданы в наилучшем виде. О'кей?

– Ладно. Но ты еще плохо знаешь женщин, – сверкнула девушка своими бездонными темными глазами. Посиди здесь, на кухне, пока я перенесу кое-что из своей комнаты в мамину. Пусть и тебе, милосердный, кое-что покажется неожиданным!

В комнате Алины Банда всеми силами постарался создать атмосферу праздника.

Он придвинул журнальный столик почти вплотную к кровати девушки и накрыл его белоснежной скатертью, расставив по краям красивые кованые подсвечники. С двух сторон к столику он приставил кресла так, чтобы сидящие в них оказывались напротив друг друга. Две тарелки, приборы, бокалы.

Огромные блюда с тонко нарезанными салями и ветчиной, огурцами и помидорами, с рулетом, приготовленным Алиной из отбивной свинины с грецкими орехами и сыром. Креветки в специальном соусе. Еще одно блюдо девушки – салат из всевозможных фруктов под соусом, а также салат из печени трески с рисом, яйцами и зеленым горошком.

Затем огромная тарелка с вымытыми фруктами, коробка с пирожными и конфеты. Термосик со льдом он спрятал под столом, а у самых свечей расположил бутылки с ледяным шампанским, вином и коньяком. Потом наполнил графин апельсиновым соком и выставил две баночки пива. И наконец в самую последнюю минуту как окончательный штрих водрузил посреди стола тарелку со свинными шашлыками, испеченными на гриле, отбивными из индюшатины и блюдо с картофелем фри, старательно зажаренным им самим с со-

блюдением только ему одному известных секретов.

Наскоро переодевшись в чистую рубашку, захваченную из дома, и повязав галстук, Банда прокрался к дверям спальни Настасьи Тимофеевны и осторожно постучал:

– Алина, у меня все готово.

– Сейчас, Саша. Иди, жди меня там, я сейчас приду.

Девушка не заставила себя долго ждать и когда через несколько мгновений появилась на пороге комнаты, тускло освещенной мерцающим светом свечей, Банда зажмурил глаза, как от ярчайших лучей солнца. Она стояла перед ним серьезная и прекрасная, в пеньюаре из тончайшего белого шелка, накинутом поверх такой же тонкой и белоснежной ночной сорочки, и оттеняемые этой белизной ее тяжелые темные волосы потрясающе красивыми волнами ниспадали ей на плечи, на грудь, на чуть розовеющие сквозь ткань твердые девичьи соски. Но главное, что поразило Банду, – ее глаза, томные, счастливые, сверкающие в свете свечей огромными прозрачными алмазами, пронизывая, как ему показалось, парня насквозь.

Он даже привстал с кресла от удивления, а она застыла на пороге не в силах сделать ни шага.

Банда превзошел сам себя. Ее комната преобразилась, и Алина не узнавала знакомых с самого детства предметов в своей комнате. Тени, бегающие по, стенам, и зыбкое пламя свечей увеличивали и преображали ее, раздвигая стены и приподнимая потолок, который терялся теперь где-то высо-

КО-ВЫСОКО.

Блеск стекла, хрусталя и фарфора, отражавших огоньки свечей, наполнял пространство странными бликами, но свечение концентрировалось над столом, будто специально подчеркивая богатство и аппетитность блюд.

– Алинушка! – тихо позвал Саша, и девушка очнулась, встряхнув волосами и возвращаясь к реальности.

Она подошла к полке с компактными и, отыскав "Бед-тайм" Мадонны, сунула диск в приемник комплекса и нажала кнопку. Тихая мелодия заполнила комнату. Здесь не было подчеркнутой агрессивности и вульгарности "девки из низов", которыми любила шокировать публику певица. Это было продолжение "Эротики", только более мягкое, целомудренное и оттого, пожалуй, еще более эротичное.

Трудно было бы подобрать что-то более подходящее к этой обстановке...

Они пили шампанское со льдом, пробовали понемногу каждое блюдо и почти все время молчали, говорили только их глаза.

Разговор этот был, как клятва, как присяга, как взаимное обещание навсегда принадлежать друг другу. Он был признанием в любви. В такой любви, которая делает невозможной жизнь без любимого.

Им не нужны были для этого слова...

Не прошло и получаса, они не успели еще выпить даже полбутылки "Фрейшенета", как Алина встала и, обойдя сто-

лик, подошла вплотную к креслу Банды. Александр поднялся, взяв протянутую девушкой руку, и оказался в двух сантиметрах от нее.

Она медленно, ни слова не говоря, развязала его галстук и расстегнула рубашку, и грудь парня обожгло ее горячее дыхание. Нежным прикосновением она приказала ему сбросить брюки, а сама чуть заметным движением освободилась от пеньюара.

Мгновение – и нежная ткань ночной сорочки тоже упала, чуть слышно шурша, к ее ногам.

Она стояла теперь перед ним обнаженная, и Банду поразило то, сколько в ней было доверчивости и чистоты. Он боялся дотронуться до нее. Боялся, что его неловкость или поспешность разрушит это сказочное очарование.

И девушка взяла инициативу в свои руки.

Она легонько толкнула его в грудь, опрокидывая на кровать, а затем осторожно легла на парня сверху, целуя и лаская его грудь.

Он боялся пошевелиться, но его руки сами собой нашли ее спину и ягодицы, чуть касаясь, начали поглаживать их, и девушка застонала, почувствовав его прикосновение.

Она осторожно завладела им и выпрямилась, усевшись на нем сверху, а затем чуть сжала бедра и несколько раз качнулась, как будто испытывая и пробуя его.

Александр, пораженный необыкновенным ощущением женской настойчивости и инициативы, мягко взял девушку

за бедра, но с каждой секундой движения его становились все более страстными и горячими. Он мял и пощипывал ее кожу, горячо целовал соски, чуть не кусая их, и она билась и стонала в его объятиях, безраздельно владея им.

И вдруг она остановилась, нагнулась, потянувшись к столу, и взяла бокал с шампанским. Он тоже замер, не желая ей мешать, а девушка сделала глоток-другой, поставила бокал обратно и вдруг резко нагнулась к нему, прильнув губами к его губам. Он послушно и страстно одновременно потянулся ей навстречу и вдруг почувствовал, как сладкие и прохладные от шампанского губы девушки, захваченные его ртом, вдруг раскрылись и ледяное шампанское полилось из этого божественного источника прямо в его уста. Он жадно ловил каждую каплю, маленькими глотками, растягивая удовольствие, утоляя жажду из этого самого прекрасного родника, и вдруг забился, заворочался под ней, буквально пронзенный чувством какого-то бешеного, неземного, острого и жгучего удовольствия.

И она тоже не выдержала, резко качнулась раз-другой и упала на его грудь, судорожно вздрагивая и выкрикивая бессвязные слова:

– Еще, милый! Сильней! Боже! Мама! Господи! А-а-а! Ой-оо! Сашенька-а-а!

Стоны вырывались из ее горла, ее острые ногти впивались ему в плечи, пытаясь разорвать кожу, она чуть не укусила его в шею, задыхаясь в сладких судорогах любви, а за-

тем упала вконец обессиленная всей грудью к нему на грудь и медленно вытянула ноги, даже не находя в себе сил освободиться от него.

И он лежал, пораженный тем необыкновенным чудом, какое только что с ними случилось, и прижимал хрупкое тело девушки к себе, боясь хоть на секунду разжать руки.

И вдруг он почувствовал, что может заплакать.

Он никогда не плакал ни от боли, ни от страха.

Даже когда был маленьким и ему здорово доставалось за гордый и независимый характер от старших ребят в детдоме. Он не плакал, теряя друзей. Не плакал, когда осколок мины, на которой подорвался командир отделения его взвода, вспорол ему самому спину, выломав два ребра и чудом не зацепив позвоночник.

И вот сейчас, в минуту наибольшего счастья и блаженства, слезы были готовы брызнуть у него из глаз...

* * *

Наутро они проснулись одновременно, как-то вдруг сразу почувствовав пробуждение друг друга, и несколько мгновений лежали молча, глядя один другому в глаза и улыбаясь.

А затем Сашка вскочил, не позволив Алине подниматься, и бросился на кухню, через несколько минут появившись с двумя чашечками ароматного дымящегося кофе.

Наверное, трудно придумать большее наслаждение для

женщины, чем возможность вот так, не спеша, проснуться, поправить подушку и, потягиваясь, устроиться в постели, принимая из рук любимого мужчины чашечку вкусного кофе.

Алина воспользовалась этой возможностью до конца, нежась и наслаждаясь заботой и вниманием Александра. Она позавтракала в постели, с удовольствием запивая вчерашние салаты, сохраненные в холодильнике, и кусочки индейки недопитым шампанским.

– Помнишь, Саша, Лелик из "Бриллиантовой руки" говорил, что шампанское по утрам пьют или дегенераты, или аристократы. А мы с тобой кто в таком случае?

– Ну, ясное дело, – прожевывая мясо, уверенно ответил Банда. – Конечно, дегенераты! Это же надо, до чего я докапывался – не съел вчера весь твой сказочный рулет!

– Ой, как будто он у меня получился! Вот твои шашлыки и отбивные – другое дело!

– А твой салат?

– А твои креветки?

– А...

– А я тебя люблю!

– А я тебя еще больше!

– Нет, я первая! – и Алина вдруг, отставив тарелку с завтраком, кошкой бросилась на Банду, обнимая его за шею и вкусно целуя в губы, глаза, шею.

Но как только Банда, тоже отстранив тарелку, попытался

ухватить ее за талию, девушка резко отпрыгнула в сторону, снова с аппетитом принимаясь за свой завтрак:

– Подожди, давай сначала наберемся сил. Восстановим после вчерашнего. Хорошо?

– Угу, – чуть обиженно пробасил Александр. – Значит, вот вы как? Сначала нападаете, а потом – в кусты?

– Хитрость такая маленькая. Чтобы ты не расслаблялся особо, – задорно смеялась девушка...

Позавтракав, они долго решали, чем сегодня будут заниматься, но, так и не придя к единому мнению, согласились с тем, что в первую очередь надо подняться, одеться и убрать комнату. А там, мол, видно будет.

– Отвернись, – вдруг смутившись, попросила Алина, собираясь выбраться из-под простыни.

– Вот еще! – парень чуть не задохнулся от возмущения. – Ты хочешь лишить меня самого большого удовольствия в жизни?!

– А что, тебе правда нравится мое тело? – девушка смотрела на него лукаво, чисто по-женски улыбаясь, и Банда не сумел сказать ничего другого, только как на выдохе, искренне и горячо:

– Очень!

– Да? – она на секунду задумалась. – Ну что ж, смотри!

И медленно откинула простыню, поочередно опуская ноги на пол и неспешно садясь на кровати.

Затем она встала, озаренная лучами врывающегося в неза-

шторенное окно солнца, и, вскинув руки над головой, крутанулась на месте, потягиваясь и как будто специально давая Александру возможность получше увидеть ее грудь, ее талию, ее бедра.

– Алина! – вздох восхищения вырвался из груди парня, и тут же веселые озорные огоньки заплясали в глазах девушки.

– Что случилось, Саша?

– Ты такая...

– Какая?

– Такая!

– Говори!

– Необыкновенная. Просто ужасно красивая.

И, заметив, что девушка потянулась за халатом, вдруг взмолился:

– Подожди!..

Он встал с кровати и подошел к ней так близко, что она почувствовала его неповторимый запах.

Он смотрел на нее некоторое время сверху, заглядывая в любимые глаза, а потом прикоснулся к ее животу, затем к соскам и снова повторил все движения, очень медленно, потом еще раз, словно животное в брачном танце в соответствии с предписанным ему природой древним ритуалом. Снова и снова прикасался он к ней и при этом целовал то ее лицо, то мочки ушей, то проводил языком вдоль ее шеи, вылизывая ее, как могучий леопард в высокой траве вылизывает свою самку.

Да, он походил на дикого сильного зверя. Мощный и гибкий самец, чья власть над девушкой хотя и не выражалась ни в чем явном, но была настоящей, абсолютной властью – именно такой, о какой и мечтала Алина.

Власть Александра над ней выходила за границы физического ощущения, хотя способность заниматься любовью так долго, как он мог это делать, была частью его власти.

Но ее любовь к нему была духовной, тонкой, пусть это и звучит банально. Она была именно и прежде всего духовной жаждой, а не заурядным физическим влечением.

Она прошептала:

– Банда, ты сильный. Мне даже страшно.

Он был очень силен физически, но не это она имела сейчас в виду...

Одной рукой он обхватил ее за талию, стремясь, чтобы их проникновение друг в друга было как можно более полным, чтобы оно стало совершенным.

Она уткнулась лицом ему в шею, плоть к плоти, и чувствовала, как вбирают ее ноздри его запах.

Снова и снова скользил по ее телу леопард, легкий и гибкий, и, колыхаясь под его тяжестью, она летела к желанному пламени, костру любви, зажженному для всех влюбленных.

Задыхаясь, она тихо шептала:

– Саша... милый... родной... я погибаю... я растворяюсь в тебе... Еще! еще!

Она выгибалась навстречу ему, из ее губ исторгались зву-

ки – почти крики, неразборчивые, дикие.

Это был язык женщин, почти непонятный мужчинам, но сейчас Банда понял ее и с ответной благодарностью чуть не укусил ее в шею, не умея вложить в простой поцелуй все, что чувствовал в это мгновение.

* * *

Следующая неделя пролетела необыкновенно быстро.

Алина была занята своим дипломом, внося в него исправления, предложенные Гайворонским, и одновременно перепечатывая его набело, и даже Банде теперь приходилось сидеть в библиотеке и, всеми силами сдерживаясь, быть тише воды и ниже травы, не отвлекая девушку от учебы.

Он ничем не выдавал своих приготовлений, и поэтому даже для Алины появление его в воскресенье вечером во время дежурства Анатолия у них дома явилось полной неожиданностью.

На звонок у входной двери, как обычно, пошла открывать мама девушки, а телохранитель, сидевший на кухне, лишь отложил в сторону газету и положил руку на рукоятку пистолета – так, на всякий случай!

На пороге стоял... Банда!

Огромный букет темно-красных роз в руках, строгий черный выходной костюм, снежной белизны сорочка и дорогой, в бордовых тонах, итальянский галстук, идеальная выбри-

тость и укладка волос, решительный блеск глаз и его чуть смущенная улыбка неоспоримо свидетельствовали – сейчас произойдет что-то исключительное.

– Добрый вечер, Настасья Тимофеевна. Извините, Бога ради, что потревожил вас без предупреждения, но, честное слово, дело мое не терпит более отлагательств.

– Здравствуйте, Саша, здравствуйте, – удивленно протянула Большакова, пропуская гостя в прихожую. – Входите, конечно, мы вам всегда рады.

– Это вам. Пусть они украсят вашу комнату, – протянул парень розы Настасье Тимофеевне и, вдруг еще более смутившись, робко спросил:

– Владимир Александрович дома?

– Дома. Вы проходите, Саша, в гостиную, я его сейчас позову, – мать Алины смущенно потопталась на месте и бросилась в кабинет отца, забыв даже поставить в вазу цветы.

Тем временем в прихожей появилась и Алина, и удивлению ее не было предела, когда она увидела Банду, к тому же такого торжественного.

– Саша? Что ты здесь делаешь?

– Сейчас, Алинушка, ты все поймешь. И не бойся. Хватит того, что я сам боюсь и волнуюсь, как последний мальчишка...

– Банда? – с кухни высунулся Анатолий. – Ты опять?!

– Толя, это не служба. Это личное. Имею я право в конце концов или нет?!

– Конечно-конечно, – поторопился исчезнуть за дверью дежурный телохранитель.

– Саша, но я все-таки ничего не понимаю... – девушка не могла оправиться от изумления.

– Сейчас, Алина. Сейчас все поймешь. Проводи меня в гостиную, будь добра. И останься со мной...

Они прошли в комнату, устроились на диване, и буквально через минуту двери кабинета Владимира Александровича открылись, и оттуда появились мать и отец Алины. Губы генерала были сурово сжаты и глаза недобро разглядывали Александра. Настасья Тимофеевна рядом с ним казалась маленькой и слабой, суетливо забегаю то с одной, то с другой стороны, не зная, как ей лучше себя вести.

При появлении родителей девушки Банда встал и мужественно сделал шаг им навстречу.

На секунду он замешкался, будто собираясь с силами, а затем внятно и четко заговорил, внешне ничем не выдавая своего волнения:

– Уважаемые Владимир Александрович и Настасья Тимофеевна! Я пришел сегодня неожиданно для вас, незванным гостем, но смею надеяться, что вы простите мне мою дерзость.

– Ну что вы, Саша, ничего страшного... – попыталась успокоить парня Настасья Тимофеевна, но тут же осеклась на полуслове, остановленная суровым взглядом мужа.

Наконец до Алины стал доходить смысл происходящего.

Она поймала себя на мысли, что, кажется, понимает, зачем пришел сегодня Александр, и сердце ее забило радостно и тревожно, то разливая в груди волнами жар, то замирая вдруг холодной ледышкой. Она поняла, как волнуется, в тот момент, когда не смогла поднять руку, чтобы поправить упавшую на лоб прядь волос.

А Банда продолжал как ни в чем не бывало, и только он один знал, чего ему это стоило:

– Владимир Александрович и Настасья Тимофеевна. Я... То есть мы с вашей дочерью, с Алиной, любим друг друга. Да. Я не представляю себе своей жизни без нее. И я пришел, чтобы просить руки вашей дочери.

И вдруг тишину нарушили всхлипывания Настасьи Тимофеевны. Слезы покатились у нее из глаз внезапно, и это были слезы радости. Материнским сердцем она сразу почувствовала, что этот парень заслуживает ее дочери, а она заслуживает его. Она предвидела, что нет смысла разлучать их.

Она была уверена, что они созданы друг для друга, и теперь свою радость, свое материнское счастье она выражала самой древней и самой надежной женской реакцией – слезами.

Ее всхлипывания будто оживили всех.

Алина бросилась успокаивать мать, а Банда наконец-то нашел в себе силы, чтобы взглянуть Владимиру Александровичу в глаза.

Он был поражен и убит холодным и суровым взглядом его

глаз.

– Молодой человек, пройдемте в мой кабинет, там и поговорим более основательно.

– Папа! – все сразу слилось в этом вскрике Алины – радость и счастье, испуг и огорчение, тревога и надежда. Она не понимала такой реакции отца и стремилась хоть как-нибудь помешать ему сделать какой-то непоправимый, ужасный шаг.

Но сердце отца не дрогнуло.

– Пройдемте, молодой человек. Поговорим по-мужски, без присутствия женщин, – он кивнул в сторону своего кабинета и первым вошел в него, будто спасаясь от плача любимых женщин.

А плакали они теперь вдвоем, прижавшись друг к другу посередине комнаты.

Банда взглянул на них, не зная, чем им помочь, и обреченно шагнул за Владимиром Александровичем, плотно закрывая за собой двери.

– Садитесь, Александр, – указал ему отец Алины на кресло с высокой спинкой у журнального столика. – Располагайтесь, а я сейчас.

Он подошел к шкафу и, открыв дверцу бара, вытащил непечатую бутылку армянского коньяка и две рюмки. Затем поставил все это на журнальный столик и сам сел в кресло напротив парня.

– Давайте с вами выпьем за более тесное знакомство и по-

говорим о наших делах.

Голос его звучал спокойно и уверенно, и Банде почудилось в нем что-то угрожающее. Он весь внутренне сжался, будто готовясь к удару и мобилизуя все силы. Этот удар был из разряда смертельных, и только подготовившись к нему, можно было остаться в живых.

– Я за рулем, – попытался протестовать парень, но генерал лишь отмахнулся:

– Пятьдесят-сто граммов коньяка не пьянят, а лечат, приводя в норму и работу сердца, и работу мысли. Разве вы этого не замечали, молодой человек?

– Да, "пожалуй, вы правы, – Банда смирился с этим затягивавшимся вступлением, готовый теперь выслушать от Владимира Александровича все, что угодно.

– Так вот, Александр, – продолжил отец Алины, разливая коньяк по рюмкам. – Вы уверены в этом шаге, который собрались сделать, а частично уже сделали?

– Да, Владимир Александрович, я...

– Погодите, не перебивайте, – генерал сделал эффектную паузу – так старший по званию военный любит подчеркивать свое преимущество перед нижестоящим, и Банду почему-то сильно покорила эта интонация. – А дочери вы уже предлагали выйти за вас?

– Да, мы любим друг друга, и она согласилась.

– Она согласилась! Вы слышали – она согласилась! – генерал залпом выпил рюмку и вдруг возвысил голос: – Да мне

плевать, что она согласилась!

– Владимир Александрович, послушайте...

– Нет уж! Выслушайте вы меня! Кто вы такой? Вы готовы к семейной жизни? Вы готовы сделать мою единственную дочь счастливой?

– Да, я работаю, неплохо зарабатываю...

– У вас есть квартира?

– Нет, но...

– Ага! Значит, вы надеетесь переехать сюда?

– Что вы такое говорите?

– То, что думаю!

Разговор набирал совершенно невообразимые обороты, и Банда вдруг почувствовал свое бессилие что-либо изменить.

– Вы, молодой человек, может, и любите мою дочь, а может, и нет!

– Не смейте!

– Ох, оскорбился!

– Я вынужден уйти!

– Ладно, сядь, – он вдруг смягчился и снова налил себе коньяк. – Да выпей ты, черт возьми!

Банда схватил рюмку и осушил ее в мгновение ока, даже не почувствовав крепости напитка.

– Вот так-то лучше! – выпил свою рюмку Владимир Александрович. – Ладно, я забираю свои слова обратно. Допустим, ты женишься не на генеральской дочке с квартирой в центре Москвы, а просто на любимой девушке. Но что даль-

ше?

– В смысле?

– Почему ты не думаешь о ней?

– Да я каждую секунду о ней думаю...

– Э-э, знаю я, о чем ты думаешь! А о ее будущем, о ее учебе ты подумал? Вот пойдут дети, пеленки-распашонки... Ты будешь дома сидеть или ее заставишь?

– Надо будет – буду сидеть.

– Буду сидеть! Как же!.. Да ты пойми, Александр, я и не против, в принципе, но ей еще рано замуж. Пусть доучится...

– Свадьба все равно не получится раньше, чем Алина закончит университет...

– Да я про аспирантуру. Ей сулят большое будущее в юриспруденции, ты хоть это понимаешь?

– Я все понимаю, Владимир Александрович. Но ведь мы любим друг друга, и вместе нам будет легче и проще добиться всего остального.

– Может быть, может быть... – отец девушки как будто задумался над словами парня, и Банда на какое-то мгновение почувствовал, что еще не все потеряно, что может быть... Но как только генерал снова заговорил, надежды развеялись:

– В общем, так! Это ее первая любовь, она бывает ненадежной. Сам знаешь.

– Алина – тоже моя первая любовь.

– Ну, вот, тем более! Ей всего двадцать два, и времени впереди еще предостаточно. В общем, погуляйте пока, поду-

майте, а годика через два, после аспирантуры, мы с вами снова встретимся и все обсудим. Согласны, молодой человек?

– То есть как? – Банда был совершенно растерян и подавлен. Он, честно говоря, не ожидал такого поворота событий.

– А вот так. Не время еще. Рано ей. Подождите, если любите друг друга. Ничего с вами не случится.

Банда чувствовал, что что-то здесь не так. Владимир Александрович избегал встречаться с ним глазами, менял тактику, переходя от оскорблений к уговорам, и явно что-то не договаривал.

Интересно – что?

Мгновенно прокрутил Банда в памяти весь их разговор и вдруг понял, что именно думал о нем сейчас Алинин отец. Он покраснел до корней волос и дрожащим от обиды и гнева голосом спросил:

– Владимир Александрович, ответьте мне, только откровенно, на один вопрос.

– Да, конечно, – глаза генерала суетливо забегали, и Банда понял, что попал в точку. И это вдруг придало ему сил и решительности.

– Скажите честно, вы считаете, что я – просто не пара вашей дочери?

Владимир Александрович испуганно взглянул Банде в глаза и тут же отвел взгляд, и парень понял окончательно, что не ошибся.

– Нет, ну что вы, молодой человек!.. – генерал почувство-

вал, что врет необедительно, и тут же снова стал генералом. – А, черт! Да в конце концов! Да! Кто ты такой? Несчастный старлей, да и то отставной! У тебя все позади. Твоя жизнь кончена. Сдохнешь как-нибудь на своей идиотской работе, и никто о тебе даже не вспомнит. А у Алины – большое будущее. Она моя единственная дочь, и я подыщу ей предложение получше твоего. Теперь ты все понял?

– Да, спасибо, все. – Банда поднялся, понимая, что разговор окончен, и направился к двери, но вдруг остановился и обернулся. – И все же, смею вас уверить, вы ошибаетесь. Вы убиваете сейчас не только меня. Вы делаете больно и вашей дочери. Ведь мы действительно любим друг друга и все равно будем вместе.

– А это мы еще посмотрим. Завтра же я сообщу вашему начальству, что мне нужна смена телохранителя.

– Даже так?

– Так. Надеюсь, больше мы с вами не увидимся.

– Увидимся. На нашей с Алиной свадьбе.

– Пошел прочь, щенок! – гневно закричал Владимир Александрович, и Банде показалось, что отец Алины сейчас его ударит. Кровь закипала в парне, горячими волнами ударяя в голову. Он готов был убить этого безумца, этого слепого, не ведавшего, что творит, человека. Но Банда вовремя вспомнил, кто перед ним.

"Не хватало еще ударить Алининого отца!"

Сашка резко развернулся и пошел прочь из кабинета.

В прихожей, сидя на маленьком диванчике, тихо плакала Настасья Тимофеевна. Завидев Александра, она вскочила и бросилась к нему:

– Отказал?

– Выгнал. Завтра он потребует, чтобы меня сменили.

– О, Боже!

– А где Алина, Настасья Тимофеевна?

– Она у себя. Мы слышали обрывки вашего разговора...

– Она плачет?

– Пусть пока поплачет, Саша, не трогай ее сегодня.

– Ох, Настасья Тимофеевна!

– Держись, сынок, всякое в жизни бывает.

Главное – не сдаваться, и все образуется!

– Знаете, вы просто замечательная женщина, Настасья Тимофеевна.

Банда почувствовал непреодолимое желание обнять мать Алины за плечи. Он бы мечтал иметь такую маму или бабушку. Но, к сожалению, жизнь его сложилась иначе.

– И ты мне нравишься, Саша, – она сама протянула руки и, взяв его за голову, притянув к себе, поцеловала в лоб. – Ты не мучься. Все будет хорошо, сынок. Мне Алина много о тебе рассказывала. А старого козла мы как-нибудь уломаем.

– Спасибо вам, Настасья Тимофеевна!

– Звони завтра Алине. Заходи, когда отца дома не будет.

Она ведь любит тебя.

– Я знаю.

– Ну беги. Спи спокойно, не нервничай. Вот увидишь, завтра все будет хорошо...

Но завтрашний день для семьи Большаковых и для Банды обернулся неожиданным кошмаром...

Часть пятая

Похищение

I

Стук в дверь разбудил Банду в пять утра.

– Какого черта? Что надо? – после вчерашнего объяснения с отцом Алины он не спал до трех ночи и теперь готов был придушить нахала, который своим бесцеремонным стуком ни свет ни заря прервал его сладкий предутренний сон. Тем более, что снилась Банде Алина.

– Бондарович, подъем! Вас в дежурку, к телефону. Вызывает сам Валентин Кириллович, – голос дежурного по лагерю почтительно подчеркнул имя шефа "Валекса", и Банде ничего не оставалось делать, как натянуть брюки и поспешить к телефону.

– Алло, Бондарович слушает!

– Привет, Банда, – тон шефа не сулил ничего приятного, и парень понял, что влип вчера действительно основательно.

– Доброе утро, Валентин Кириллович!

– Доброе, говоришь? В пять утра тебя вытряхивают из постели, а ты называешь такое утро добрым?

– Шеф, так ведь это не я вам звоню, а вы меня подняли,

разве не так?

– А меня знаешь кто разбудил?

– Догадываюсь...

– Короче, так. Ты сегодня должен был заступать на дежурство, но я снимаю тебя с охраны данного "объекта". Пойдет снова Анатолий, он тебе свое спасибо еще отдельно выскажет. А ты приходи к девяти в мой кабинет, получишь новое задание.

– Понял, Валентин Кириллович.

Шеф помолчал немного, потом шумно вздохнул и совсем иным, жалостливым таким, голосом спросил:

– Слышь, Банда, а что ты там вчера отчебучил?

– Да посвататься решил. К "объекту" охраны. А отец ее, Владимир Александрович, меня, видимо, не оценил. Не такой зять ему снился.

– Говорил я тебе – осторожнее!

– А я ни о чем не жалею, Валентин Кириллович. И фирму нашу я не подводил, бдительности никогда не снижал, охрану обеспечивал – будь здоров...

– Да я не о том говорю... Ладно, Банда, пока. В девять будь у меня.

– Я понял. До свидания.

Возвращаясь в свою комнату, Банда еще собирался поспать, но заснуть ему так и не удалось.

Он лежал, ворочаясь с боку на бок, и, как и почти всю ночь, опять вспоминал проклятый вчерашний вечер, пере-

живая его снова и снова и размышляя о том, как жестока бывает иногда судьба. А может, и не судьба, а люди, от которых зависит чужая судьба.

Он чувствовал, что Владимир Александрович не прав. Что он ради каких-то своих амбиций обошелся жестоко не только с ним, с Бандой, но и с собственной дочерью.

А иногда, моментами, он вдруг чувствовал себя оскорбленным до глубины души и, как ни старался не допустить этого, все же ненавидел отца Алины...

* * *

Валентин Кириллович снова определил Банду в группу быстрого реагирования, элитную команду "Валекса", до тех пор, пока не подвернется заказ на охрану "объекта", достойного умения такого специалиста, каким по праву считали в фирме Александра.

Банду это назначение вполне устраивало. Оно давало массу свободного времени, а значит, никак не могло помешать встречам с любимой.

Отработав утреннюю тренировку и убедившись, что на вечер их группа не получила пока никаких заказов, Банда влез под душ, потом на скорую руку переделся и, вскочив в свою "мицубиси", вырулил в город.

Не доезжая до центра, он нетерпеливо притормозил у телефона-автомата и набрал домашний номер Алины, чтобы

назначить время и место встречи.

Ведь дома у девушки ему отныне появляться было если и не запрещено, то по крайней мере нежелательно. Встречаться в очередной раз с Владимиром Александровичем у Банды не было никакого желания: теперь он мог запросто наговорить этому человеку массу грубостей и тем самым, возможно, сжечь все мосты, лишив себя надежды на примирение и взаимопонимание в будущем.

Трубку сняли на удивление быстро, буквально после первого же гудка, и тут же Банда услышал взволнованный и громкий голос Настасьи Тимофеевны:

– Алло, алло! Кто это? Алинушка, это ты? – она дунула в трубку, будто убеждаясь, что телефон работает. – Отвечайте же! Алло!

Банда просто не успевал вставить слово во взволнованную скороговорку женщины и только теперь, улучив мгновение, отозвался:

– Настасья Тимофеевна, здравствуйте! А что, Алины нет дома? Куда она...

– Сашенька, ты! О, Боже! – женщина громко зарыдала не в силах скрыть горе. – Сашенька, беда!

– Что случилось, Настасья Тимофеевна? – Банда вдруг почувствовал, как у него что-то оборвалось внутри, как холод проник куда-то глубоко-глубоко в грудь, ледяными иглами вонзаясь прямо в сердце.

Он знал еще по Афгану – это было плохое предзнамено-

вание. В таких ситуациях сердце его не обманывало никогда – случилось самое худшее, что только можно было предположить. – Что у вас там произошло?

– Алинущку украли!

– Как? Что вы говорите?

– Украли доченьку!

– А где Толик?

– Искалечили его! – Настасья Тимофеевна кричала в голос, навзрыд, с завываниями, так, как умеют плакать только русские женщины в минуты самого большого горя, и Банда вдруг почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове.

– Кто украл? Когда? Где? Настасья Тимофеевна, вы слышите меня?

– Сашенька, спаси ее! Ты ведь любишь ее! Спаси нашу Алинущку, Христом-богом тебя прошу!..

* * *

Банда летел по городу, не разбирая дороги, не обращая внимания на окружающие автомобили, на сигналы светофоров и запрещающие знаки. Наверное, если бы он ехал на любой другой машине, эта поездка по улицам Москвы в самое напряженное дневное время стала бы для него последней. Но мощные бамперы и высокая посадка, широкие колеса и объемные крылья "мицубиси-паджеро" внушали окружаю-

щим определенную дозу уважения, которая заставляла водителей других машин почтительно уступать ему дорогу, притормаживая на поворотах и освобождая его полосу движения. Странно, но даже ни одного постового гаишника не заинтересовало это ралли по столичным улицам.

"Мицубиси" влетела во двор дома Алины, и Банда пулей взбежал по лестнице на третий этаж, не звоня, а лишь толкнув знакомые двери.

В прихожей, у телефона, сидела Настасья Тимофеевна, и Банда поразился, насколько сдала, насколько постарела она со вчерашнего вечера.

– Сашенька, ты пришел! Ты найдешь ее, правда?

– Что случилось, Настасья Тимофеевна? Вы мне можете рассказать подробнее?

– Они украли ее!

– Кто?

– Звери! Фашисты! Будь они прокляты! Чтоб их земля не носила! Как их только мать родила, чтоб ей пусто стало, гадюке подколодной!..

Это было ужасно. Слушать убитую горем женщину было невозможно, и чтобы не свихнуться самому, Банда напряг все силы. Если только он правильно понял, рассудок ему в сложившихся обстоятельствах еще, ох, как понадобится.

– Настасья Тимофеевна, где Владимир Александрович? Вы слышите? – он легонько потряс за плечи бившуюся в истерике женщину и, дождавшись ее более-менее осознанного

взгляда, повторил вопрос:

– Где Владимир Александрович? Я должен с ним сейчас же поговорить.

– У себя. В кабинете. Заходи, Саша, к нему, к извергу этому. Если бы он тебя вчера не прогнал, ты был бы рядом с ней... Ты бы спас ее от этих гадов... – и она снова зашлась в безудержном плаче.

Банда поспешил в кабинет отца Алины.

Владимир Александрович сидел за своим рабочим столом, одетый в парадный генеральский мундир, и замороженно смотрел на стоявший перед ним на девственно-чистой столешнице телефон. Он будто гипнотизировал его, взглядом заставляя зазвонить.

Разительные перемены заметил Банда и в нем.

Волосы, которые раньше можно было назвать русыми с проседью, теперь стали совсем седыми. Серый цвет лица и опустившиеся уголки губ, ссутуленные плечи и воспалившиеся глаза свидетельствовали о том, как нелегко сейчас генералу.

– Что вам угодно, молодой человек? – строго и резко спросил он вошедшего, но Банда не был уверен, что Владимир Александрович узнал его. Отец Алины смотрел на парня совершенно отрешенными, невидящими глазами.

– Владимир Александрович, я хочу, чтобы вы рассказали мне, что произошло.

– А, это ты... – и вдруг что-то переменялось в генерале,

и он закричал, срывая на Банде всю ярость и ненависть, кипевшие у него в душе:

– Чего ты приперся? Ты что, не понял, что я не хочу тебя больше видеть в своем доме? Вон отсюда, щенок!

– Прекратите! – резко оборвав его, рявкнул в ответ Банда, и крик подействовал: Владимир Александрович вдруг замолчал, удивленно приглядываясь к парню. – Прекратите, пусть истериками занимаются женщины, а мы с вами должны держать себя в руках. Кто ей поможет, если не мы?!

Банда говорил уже спокойно и проникновенно, и Владимир Александрович взял себя в руки, жестом предложив Банде устроиться в кресле напротив.

– Вы слышали, что случилось с Алиной?

– Только то, что ее кто-то украл. Мне это сообщила Настасья Тимофеевна.

– Да, ее похитили.

– Кто? Где? Во сколько? При каких обстоятельствах? Где находился в момент похищения Анатолий, телохранитель, и где он сейчас?.. Владимир Александрович, вы же взрослый человек, тем более в какой-то степени военный. Вы же понимаете, что для того, чтобы предпринять что-то, мне нужна полная информация, – теперь Банда говорил уже совсем мягко, попросту уговаривая несчастного отца. – Вы что-нибудь знаете?

– Очень мало. Только то, что сообщила милиция.

– Что они сказали?

– Это случилось около одиннадцати утра, у ГУМа, прямо у входа. С утра у Алины болела голова, и она поехала развешаться. Решила сделать какие-то покупки – и вот пожалуйста!

– Рассказывайте дальше, Владимир Александрович! – Банда просто сгорал он нетерпения: из генерала приходилось вытягивать каждое слово.

– Они с вашим охранником уже выходили из ГУМа, когда к ним резко подскочили какие-то люди, плеснули этому парню кислотой в лицо, схватили Алину и увезли. Вот и все. Больше ничего не известно.

– Где Толик?

– Не знаю... – немного удивленно ответил отец девушки, явно пораженный тем, что можно интересоваться еще чем-то, кроме местонахождения его дочери.

– Ясно. Кто вам звонил?

– Какой-то следователь из отделения номер... – Владимир Александрович покраснел. – Если честно, я не знаю, из какого отделения. Не знаю, какой следователь. Мне было, "сами понимаете, немного не до этого.

– Да, конечно, – Банда задумался, разрабатывая план дальнейших действий.

– Молодой человек! Вас, кажется, Александром зовут?

– Да.

– Зачем вам это все? Вы ей ничем не сможете помочь. Этим делом уже занимается милиция.

– Я понимаю. Но хочу убедиться, что в моих силах хоть

что-то сделать. Я не смогу сидеть сложа руки, Владимир Александрович. Поэтому и приехал к вам.

– А что в ваших силах?

– Кое-что я умею... Но это не важно, – Банда вновь постарался вернуть генерала к предмету разговора. – Владимир Александрович, а вы случайно не знаете, что могло стать причиной похищения? Может, у вас есть какие-то догадки?

На мгновение Банде показалось, что отец Алины вздрогнул и посмотрел на него испуганно. Но генерал тут же взял себя в руки, и парень решил, что это ему просто почудилось.

– Боже, какие могут быть догадки? Деньги? Но их у меня не так и много, чтобы из-за этого красть дочь. Сотни, тысячи бизнесменов куда богаче меня...

– Вас не пугали? Ничем не шантажировали?

– Молодой человек, – голос Владимира Александровича снова налился твердостью и строгостью, – а вам какое, собственно говоря, дело? Что вы себе позволяете в конце концов? Почему я должен перед вами отчитываться?

– Да поймите, я ведь помочь хочу. Я ведь люблю Алину. Вы думаете, мне все равно, что с ней случилось?

– Как бы то ни было, я вам сказал все. Больше мне добавить нечего.

– Что ж, спасибо.

Банда встал, собираясь уходить, но уже на пороге его остановил голос Владимира Александровича:

– Спасибо тебе, Александр.

Через дежурного "Валекса" Банда без труда вычислил, какое отделение милиции обслуживает ГУМ и прилегающую территорию, и от Большаковых сразу бросился туда.

Узнав фамилию следователя, занявшегося утренним похищением, Банда без особой надежды спросил у дежурного, как можно его найти, и на удивление – старший лейтенант Машков был на месте, сидел у себя в кабинете.

– Разрешите?

– Да, а в чем дело? Вы по какому вопросу? – следователь оказался молодым еще парнем, ровесником Банды. Его открытое и улыбочливое славянское лицо еще не успело приобрести отпечаток лености и тупости, столь свойственный многим его коллегам, и Банда почувствовал к этому парню симпатию и доверие. Такие ребята еще встречались иногда в этой стране – энтузиасты в лучшем значении этого слова, они работали не за славу и деньги, а за совесть, утешая себя и свою семью тем, что когда-нибудь, пусть через пять или десять лет, государство возродится, вершить его судьбы станут люди разумные, совестливые и талантливые, и именно тогда честный и преданный труд во благо государства и общества получит наконец свое достойное вознаграждение.

Утешение это было слабое. Сегодня, в данную минуту, удержаться от соблазна уйти в коммерцию, в криминальные

структуры, в систему теневой экономики и жить припеваючи прямо сейчас, сразу, – было нелегко. Слабейшие не выдерживали. Оставались лучшие, и именно на них, на молодых и честных, держались еще остатки опозоренной российской армии, продажной российской милиции, купленной российской журналистики, забытой Богом российской медицины и т.д. и т.п. Эти парни, сами того не сознавая, спасали государство от полного краха и развала и давали хоть какую-то надежду на будущее. И теперь, увидев, что делом Алины Большаковой занимается один из них, Банда вдруг почувствовал настоящее облегчение и какую-то смутную пока веру в счастливый исход дела.

– Моя фамилия Бондарович...

– Боюсь, это мне ни о чем не говорит.

– Вы занимаетесь похищением у ГУМа?

– Похищением... Скорее, хулиганством с нанесением тяжких телесных повреждений.

– Нет, вы не поняли. Сегодня утром у ГУМа...

– ...плеснули человеку в лицо кислотой.

– Да, я знаю. Это мой коллега, охранник из "Валекса".

– Так вы тоже оттуда?

– Да... Но девушка, которую он охранял... Она похищена.

– Понимаете, дело о похищении пока заведено быть не может. Прошло слишком мало времени. Свидетелей нет. Кто докажет, что это не любовная история с горячим женихом и неприступным отцом, и молодым ничего иного не остава-

лось, как именно таким образом избавиться от надоедливого телохранителя?

– Это я – жених.

– Ах, вот как!

– И я был ее вторым телохранителем. Просто сегодня не моя смена. Я знаю, ее украли.

– Да ты садись. Тебя как по имени? Ничего, что на ты?

– Нормально. Я – Александр.

– А я Виктор... Тут вот какое дело, Александр... Я тоже не сомневался в похищении, искал свидетелей, думал о причинах. – Машков, закуривая, замолчал, и Банда нетерпеливо подогнал следователя:

– И?

– Довольно темная история.

– В каком смысле? Слушай, не тяни, Виктор, говори толком, что тебе удалось узнать.

– Почти ничего. Старушенция там одна у входа какую-то тряпку продавала. Так она что-то брякнула о чеченцах, но подписывать показания отказалась категорически.

– Чеченцы?

– Кавказцы, азиаты... Словом, люди нерусской наружности. Пострадавший Нежданов...

– Анатолий?

– Да. Так вот, он тоже что-то успел заметить. Но с ним до сих пор возятся врачи, и толком снять показания пока не было возможности. Но и это еще не все сюрпризы.

– Господи, Виктор!

– Ты знаешь, почему я здесь, а не на месте преступления или не в больнице у Нежданова? Почему я не отрабатываю версии? Не задействую систему перехвата черного "мерседеса" с транзитными немецкими номерами? Почему, черт возьми, не роюсь в картотеках в поисках знакомого почерка или не трясу старушку, запугивая ее пятнадцатью сутками за отказ от дачи показаний?

– Ну?

– А я больше этим делом не занимаюсь.

– Как? – Банда от удивления аж привстал. – А чего мне дежурный про тебя сказал? Чего я здесь с тобой время теряю?

– Дежурный тебе все верно сказал.

– Тогда я ничего не понимаю.

– Я тоже, – Машков старательно, затушил сигарету, раздавив ее в пепельнице, и внимательно посмотрел Банде в глаза. – Я тоже сейчас ничего не понимаю. Только кое о чем могу догадываться.

– О чем?

– Полчаса назад дело забрал лично начальник отделения и отвез в другое учреждение. Им теперь занимается то ли безопасность, то ли контрразведка. Гэ-бэ, одним словом. Подсекаешь?

– Что это может означать?

– Одно из двух – либо Большакова была слишком важной персоной в системе государства, раз ею заинтересовались ор-

ганы безопасности...

– Была? – Банда почувствовал, что вздрогнул от этого короткого слова, и с ужасом уставился на старшего лейтенанта милиции.

– Извини, Саша, это профессиональное. Так вот, трудно представить себе, чтобы студентка юридического факультета интересовала эти конторы. Значит, на ее похищении замыкались чьи-то очень серьезные и крупные интересы.

– У нее отец – крупный ученый, военный. Он мог попросить кого-нибудь посодействовать...

– Поверь, – Машков с некоторым разочарованием, как на неопытного юнца, взглянул на Банду, – эти ребята пальцем не пошевелят, если дело чисто уголовное или не затрагивает интересы государства. К тому же, если бы все было так просто, они дали бы мне время сделать всю черновую работу, а уж только потом подключились бы сами. Атак... Буквально несколько часов спустя после происшествия, в пожарном порядке, используя начальника отделения, изымать дело и раскручивать все самим!.. Что-то здесь явно не так.

Банда в задумчивости барабанил пальцами по столу, тупо уставившись на телефонный аппарат, пытаясь переварить полученную информацию. В голову ничего подходящего не приходило, и Александр с надеждой взглянул на Машкова:

– Ты что-нибудь придумал?

– Нет. Я ведь толком даже не познакомился ни с ней, ни с обстоятельствами... Ты ведь больше моего знаешь, может,

ты что-нибудь подозреваешь?

– Ни хрена! Черт... Ладно, спасибо. А кто там, в ФСБ, занимается этим делом?

– Я уже тебе говорил, что даже не знаю толком, ФСБ это или ФСК. А может, вообще президентская служба безопасности. Я знаю только то, что дело у меня забрали ребята из каких-то таких органов.

– Ясно. Хотя ничего и не ясно... А где Анатолий? В какой больнице лежит?

– Нежданов?.. Записывай... – и следователь продиктовал Банде адрес ожогового центра, куда отвезла "скорая" пострадавшего телохранителя. – Что, попробуешь копать дальше?

– А что мне остается делать?

– Да... Ну что ж, удачи тебе, парень, – Виктор протянул Банде руку. – Я на твоём месте поступил бы точно так же...

* * *

Странно, конечно, но удостоверение Банды из "Валекса" оказало на врачей центра, где лежал Анатолий, просто-таки магическое действие. Слова "служба безопасности" настолько зачаровывают россиян, хорошо помнящих Комитет госбезопасности, что произошло почти невозможное – Банду без препятствий пропустили в реанимационную палату.

– Он как раз отошел от болевого шока, состояние стабилизировалось, так что можете поговорить. Только недолго, –

напутствовал Банду лечащий врач.

– А как он вообще? – Банда в последний момент почувствовал, что боится взглянуть на Толика.

– Как сказать... Глаза вроде целы, рефлексy нормальные, видимо, успел зажмуриться. Кожа, конечно, пострадала. Мы определили ожог первой степени, будем делать пластические операции, но, боюсь, жениться теперь ему будет трудно

– Он женат.

– Тем лучше для него, если, конечно, жена не стерва.

– Ясно, – и Банда решительно толкнул дверь палаты.

Нежданов лежал на койке, со всех сторон окруженный странными жужжащими аппаратами. Множество проводков тянулось от него к этим приборам, в руку переливалось лекарство из капельницы.

Лицо его было сплошь забинтовано, и только для глаз и рта оставались небольшие щелочки. Куда-то под бинты, видимо, в нос, убегали две прозрачные трубочки.

– Толя! – сглотнув солоноватый комок, почему-то шепотом позвал его Банда.

– М-м? – лишь промычал тот в ответ, приподняв свободную от капельницы руку.

– Это я, Банда!

– Я понял, – голос, пробиваясь сквозь бинты, звучал глухо. Повязка, стягивающая челюсть, мешала ему говорить, и слова получались невнятными.

– Как ты? Болит?

– Нормально. Не сдохну. Хотя красавчиком буду отменным.

– Тебе пластические операции сделают, все будет хорошо.

– Ирине, жене, сказали?

– Не знаю, – чуть смутившись, честно признался Банда. –

Я, как узнал обо всем, сразу в машину и...

– Ясно. Позвонишь потом?

– Конечно. Но ее вряд ли к тебе пустят.

– А ты как прошел?

– Черт его знает.

– Меня менты уже допрашивали.

– А больше никто?

– Что ты имеешь в виду?

– Безопасность или контрразведку.

– Они при чем?

– Забрали дело.

– Д-да...

– Ты что-нибудь заметил?

– Черный "мерс", это точно. Их было двое, а может, еще за рулем кто, не знаю.

– Опишешь?

– Не очень. Мало времени было рассматривать их... В европейских костюмах, при галстуках, все как положено. Но, по-моему, черножопые. Арабы какие-то.

– Арабы? Не чеченцы?

– Нет. Не кавказцы. "Духи" скорее.

– Номера "мерса"...

– Издеваешься?

– Прости.

– Один плеснул мне в лицо, а второй уже хватал Алину.

Я слышал, как она закричала: "Пустите меня!" Но все очень быстро было. Тут же взревел двигатель, и все... Ты прости, Банда. Я совсем не ожидал этого, как-то не думал про кислоту. Вот оружие, нож...

– Перестань, Толя. О чем ты говоришь? Я сам не ожидал бы... Ты ничего не замечал раньше?

Нежданов помолчал несколько мгновений, прежде чем ответить:

– Черт его знает. Теперь мне кажется, что этот "мерседес" уже видел пару раз. Кажется даже, что видел где-то неподалеку странных арабов. Но это теперь, а тогда значения не придавал.

– Я тоже ничего не видел.

– Хреновые мы с тобой телохранители.

– Наверное. Или с их стороны работали настоящие профессионалы. А в таких случаях, сам знаешь, телохранители практически бесполезны. Защитить "объект", когда его выслеживает целая банда, невозможно, вон, даже президентов убивают. И папу Римского ранили...

– Ладно, Банда, тебе! Недосмотрел я. Прости меня, если сможешь. Я ведь знаю, как ты Алину любишь...

Банда почувствовал, как солоноватый комок опять подка-

тился к горлу, мешая дышать. Но он быстро справился с минутной слабостью, понимая, что сейчас не время и не место терять присутствие духа.

– А почему ФСБ? – вдруг спросил Нежданов.

– Я сам себе этот вопрос задаю. И тебя спросить хотел, может, ты что-нибудь знаешь или замечал?

– Нет.

– И я тоже... Ладно, Анатолий, мне нельзя долго у тебя быть. Пойду. Тебе чего-нибудь принести? Я ребятам скажу...

– Ничего. Жена все принесет. Только скажите ей как-нибудь поаккуратней, ладно?

– Конечно, – Банда пожал лежавшую поверх одеяла руку Анатолия. – Держись. И поправляйся.

– Ты будешь искать?

– Да.

– Удачи тебе.

– Спасибо, Толя. Мы с тобой еще повоюем...

* * *

Банда сидел за рулем своего джипа в тихом дворике ожогового центра и курил одну сигарету за другой. Он не знал, что делать дальше. Ниточки, и без того такие слабые и призрачные, обрывались одна за другой: ничего не знали в милиции, ничего не заметил Анатолий, дело передали в органы, доступ к которым почти полностью закрыт...

"Подожди-ка! – мысль мелькнула в голове так быстро, что Банда еле успел за нее ухватиться. – А что, если?.. Но он бы мне сказал!.. С какого такого хрена? Кто я для него?.. Тем более органы занимаются!.. А ведь он действительно вздрогнул и занервничал! Значит..."

Банда боялся поверить сам себе. Но все сходилось – разгадка тайны подключения органов, а может, даже и исчезновения Алины, должна быть у Владимира Александровича. Только Большаков старший имел доступ к секретам государственной важности, он мог задействовать для поиска такие серьезные организации. С другой стороны, его единственная дочь – ключик для тех, кто хотел бы каким-либо образом надавить на генерала. Вот почему он вздрогнул, когда Банда невзначай спросил о шантаже! При чем здесь деньги! Ведь голова Большакова стоит неизмеримо дороже!

Это была уже не просто ниточка.

– Что ж, попробуем еще раз! – вслух сказал Банда, включая зажигание.

* * *

Двери снова открыла Настасья Тимофеевна.

– Саша, это снова ты? Ты что-нибудь узнал? Скажи мне немедленно!

– Пока нет...

– Где Алина? Что с ней? – женщина, хоть и перестала пла-

кать, все еще никак не могла взять себя в руки и, видимо, даже не слышала ответа Банды. – Я ничего не знаю! Владимир Александрович ничего мне не говорит.

– Где он?

– Сидит у себя в кабинете целый день. Ни на секунду не показывается. Съездил бы в милицию. Делал бы что-нибудь...

– Он делает, Настасья Тимофеевна.

– Откуда ты знаешь? – женщина уцепилась за рукав хотевшего обойти ее Банды и с надеждой заглянула ему в глаза. – Откуда ты знаешь? Ты что-нибудь раскопал?

– Я – нет. Делом исчезновения Алины занимается госбезопасность. Это неспроста.

– Они найдут?

– Обязательно, – как можно убежденнее ответил Банда, стараясь ее успокоить и быстрее добраться до Владимира Александровича. – Обязательно найдут. Мы все ее найдем.

– С ней все хорошо?

– Конечно. Они что-то хотят. Выкуп, например. И заложницу им нет смысла мучить. Она должна быть целой и невредимой, если они хотят добиться своего.

– Сашенька, что им надо? Ответь! У нас есть несколько тысяч долларов, можно одолжить еще...

– Настасья Тимофеевна, – как можно более спокойно и проникновенно выговорил Александр, высвобождаясь из цепких рук матери Алины, – Владимир Александрович этим

занимается. Все скоро кончится. Не волнуйтесь. И приготовьте ему лучше кофейку. Ведь он не завтракал сегодня, правда?

– Ах, да, – всплеснула руками Настасья Тимофеевна. – Конечно! Сейчас, сейчас... Кстати, ты, небось, тоже не ел сегодня?

– Я не хочу...

– Сейчас все сделаю, – на ходу, спеша на кухню, бросила мать Алины, – Ты иди к нему, я сейчас вам все принесу...

* * *

Большаков, казалось, совсем не удивился, снова увидев на пороге фигуру Банды.

– А, ты, – только и бросил он, на секунду оторвав глаза от телефонного аппарата, стоявшего перед ним на столе, и снова возвращая взгляд на прежнее место. – Заходи.

– Звонка ждете?

Большаков вздрогнул. Теперь Банда не сомневался в этом. Отец Алины был слишком взволнован, чтобы успешно скрывать свои эмоции.

– Жду. А что?

– Из ФСБ?

– Что ты знаешь?

– Почти все. Кроме главного. В чем причина похищения? Кто и чего от вас желает добиться?

Большаков вздохнул и весь как-то съежился, вжимая, как будто в ожидании удара, голову в плечи. Он совсем не был похож теперь на грозного генерала, выгонявшего вчера Банду из дома.

– Это длинная история, Александр. Да и зачем тебе знать все это? Ведь этим делом действительно занялись органы. Там работают профессионалы...

– Я тоже профессионал. Но к тому же я еще и люблю Алину. Я готов сделать все, чтобы ее найти. У них такой заинтересованности нет. Пусть они занимаются этим делом и дальше, но если я хоть чем-то могу помочь, я должен это сделать. Вы же понимаете это, Владимир Александрович.

– Да... – неуверенно протянул Большаков, вдруг с каким-то даже интересом взглядывая на Банду.

– Давайте начистоту, – парень, чувствуя, что его слова возымели какое-то действие на отца девушки, продолжил наступление, говоря очень деловым и настойчивым тоном. – Что от вас хотят? И кто эти люди?

Большаков несколько минут молчал, будто собираясь с мыслями и силами, а затем, прогнав последние остатки сомнений, заговорил:

– Хорошо, я расскажу все. Но ты сам должен понимать, что все это достаточно серьезно и в определенной степени секретно. Это даже не мои интересы, пойми! – он как-то растерянно развел руками. – Это большая политика. Здесь затрагиваются очень серьезные вещи. Никто, кроме нас, не

должен знать всего.

– Я понимаю...

– Нет, ты не все понимаешь! – Большаков вдруг вскочил и взволнованно заходил по комнате. – Ты не все понимаешь! Все я не рассказал даже Федеральной службе безопасности!

– Может, и правильно...

– Садись, чего стоишь! – Большаков кивнул на кресло у стола. Затем сам устроился напротив.

В этот момент отворилась дверь, и на пороге с подносом, на котором дымились две чашки кофе и лежала горка запеченных в СВЧ-печке бутербродов, появилась Настасья Тимофеевна.

– Мальчики, я вам кофе принесла... – несмело проговорила она, с опаской поглядывая на мужа.

– Отлично, Настенька! И очень вовремя. А ну-ка, подай нам из бара пару рюмок и коньячок. Мы вчера не допили, – подчеркнуто бодро и чуть ли не весело вскричал Большаков.

– Ты уверен?..

– На сто процентов!.. Спасибо, а теперь оставь нас, пожалуйста, Настенька. Нам надо поговорить, – категорично, не допуская возражений, приказал Владимир Александрович, когда рюмки и початая бутылка оказались между ним и Бандой.

Настасья Тимофеевна смутилась, с тоской взглянула на Банду, как бы ища поддержки, но перечить мужу не стала и вышла, тихо прикрыв за собой дверь кабинета.

– Так вот! – сказал Большаков, наливая в рюмки янтарную жидкость. – Я, если знаешь, возглавляю институт в Химках. Контора закрытая. Работаем исключительно на оборонку. Поэтому даже и генералом стал.

Он кивнул куда-то в угол, и Банда невольно взглянул туда, куда он показывал, – на огромный платяной шкаф, громоздившийся рядом с маленьким кожаным диванчиком. Наверное, там висел обычно его генеральский мундир. Большаков просто забыл, что и сейчас он в форме.

– Мне Алина говорила.

– Да... Я, вообще-то, считаюсь крупным специалистом по части ракетных двигателей. Мы работаем в тесном контакте с Силами стратегического назначения и с Военно-космическими силами. Понимаешь?

– Кажется...

– То есть, наши двигатели нужны и для космоса, и для баллистических ракет.

– Так, – Банда слушал внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова, и почувствовал, как засосало у него под ложечкой: дело закручивалось по-крупному, это были действительно интересы государственного значения. Неясно было пока только одно – при чем тут Алина?

– Примерно год назад со мной связались... Это были люди Амроллахи. Ты знаешь, кто это?

– Честно говоря...

– Я тоже не знал. Это – председатель Организации по

атомной энергии Ирана. Какой-то дальний родственник самого Хомейни.

–?... – Банда не нашел и междометия, чтобы выразить свое изумление, и Большаков взглянул на него с какой-то даже гордостью, почувствовав, как поразился парень.

– Да-да, Хомейни. Иран затевает очень своеобразные игры с ядерной энергией. Ты знаешь о скандале, связанном с экспортом так называемых двойных технологий?

– Так...

– Короче, наш министр атомной энергии Малахов и Амроллахи подписали в свое время протокол, согласно которому Россия поставляет Ирану две тысячи тонн природного урана, а также помогает строить Ирану исследовательские реакторы малой мощности. Сколько реакторов – никому не известно. А на этих реакторах можно запросто получать обогащенный уран, из которого крайне просто изготавливать ядерное оружие.

– Это я слышал.

– Так вот. В США публиковали доклады, один – исследовательской службы Конгресса, другой – Монтеррейского института. В этих документах утверждается, что хотя прямых доказательств создания Хомейни ядерного оружия и нет, но деятельность Ирана в этом направлении не вызывает сомнений. Они ищут двойные технологии в Германии, Бельгии, Китае и, как видишь, у нас. В России, в нашей неразберихе и беззаконии, это сделать, конечно, легче всего.

– Да уж, – Банда сидел растерянный и подавленный. Он не представлял, какие силы замешаны в похищении Алины. Он готов был сражаться со всем криминальным миром одновременно. Но одни названия – Иран, США, Хомейни, Германия – повергали его в какое-то оцепенение. Он постарался побыстрее избавиться от этого чувства и поторопил Владимира Александровича:

– А при чем же здесь вы и Алина?

– Ты слушай. Я же говорил тебе, что это длинная история... Служба внешней разведки, ФСБ, ФСК – все сильно лажанулись. Подписание протокола они прошляпили, делая вид, что там все чисто, мол, просто исследовательские программы. А ты знаешь, как было с ЮАР? Все спорили, создаст она ядерное оружие или нет. И никто не мог найти тому подтверждения. Аж до тех пор, пока сейсмологи не зафиксировали... ядерное испытание! То есть бомба, ракета, заряд, словом, ЮАР изготовила свое оружие и испытала его, обманув весь мир. Вот тебе и Договор о нераспространении! Вот тебе и контроль со стороны мирового сообщества!

– Да уж!

– А сейчас они лажанулись еще больше. Для ФСБ было просто ужасной новостью, оказывается, что этот самый Амроллахи желает заполучить создателя ракетных двигателей. Ты ведь понимаешь, о чем я? Можно с полной уверенностью предположить, что одновременно с созданием ядерных зарядов Иран занялся и носителями. Денег у них хватит, фа-

нацизма тоже. Можешь себе представить, что такое фундаментализм с ядерной ракетой в руках?! Мировая сенсация, а наши хлопают ушами. Впрочем, ФБР, кажется, тоже кое-что упускает.

– У меня голова кругом, Владимир Александрович! – взмолился Банда, совершенно убитый полученной информацией.

– А ты выпей коньяк-то! – вдруг улыбнувшись, приказал Большаков.

Он оживился и повеселел, чувствовалось, что, рассказывая все это Банде, он как будто перекладывает с себя часть ответственности и теперь ему становится немного легче.

– Выпивай и слушай дальше. Эти ребята сулили мне все условия и неограниченное денежное вознаграждение. На все мои попытки замять дело отмазками о невыездном режиме они только смеялись: в России, говорят, все можно. Ваш загранпаспорт уже готов, и виза иранская там есть, скажите только "да" и завтра же будете работать в самом престижном институте Тегерана... Я сказал "нет".

Теперь он замолчал, как будто что-то вспоминая, и Банда поостерегся нарушить это молчание.

– Одновременно, – снова заговорил Большаков, – начались страсти и у нас. Ты слышал, что Военно-морской флот обладает собственным ядерным потенциалом. Но знаешь ли ты, что их ракеты-носители годятся не только для того, чтобы летать через материки, но и для того, чтобы вывести на

орбиту спутник? И всего-то – некоторые усовершенствованные двигателей! Помнишь, грохнулся израильский спутник, который запускала Россия?

Так вот, Россия сама теперь ничего не запускает.

Запускают ведомства. Тот спутник выводили на орбиту именно Военно-морские силы. За всем этим стоят огромные деньги, контракт с Израилем приносил немалые суммы, а самое главное – на подходе были контракты с Германией и Францией. Телевидение, связь – теперь все держится на коммерческих спутниках. Все ищут возможности вывести свои аппараты на орбиту, да чтобы подешевле. Но все хотят и надежности. Тот израильский институт, который сделал спутник, потерпел немалые убытки после катастрофы, хоть контракт и был застрахован. А реноме ВМС как космических коммерсантов сильно пошатнулось. В Военно-космических силах потирали руки, искренне радуясь неудаче коллег...

– Владимир Александрович, я не понимаю, при чем тут Алина, арабы и наши ведомственные споры! – Банде показалось, что его голова пухнет и раскалывается от обилия и необычности полученной информации, и он буквально запросил пощады, чуть не сложив молитвенно руки на груди.

– А при том! – победоносно посмотрел на него Большаков. – При том, что ВМС тоже заинтересовались вашим покорным слугой. А я им также отказал. Теперь, не знаю уж, какими механизмами, они задействовали ФСБ, и меня шантажируют с двух сторон.

– То есть?

– Иранцы требуют поехать к ним и ради этого похищают Алину. Я должен дать согласие. Звоню Степанкову – это мой давний приятель, руководитель одного из отделов ФСБ, – а он меня огорошивает: мол, Алину мы найдем и спасем, а за это ты должен уйти в ВМС. Как тебе нравится?

– Дурдом какой-то!

– Хуже! – чуть ли не радостно вскричал Владимир Александрович. – И самое смешное – от меня почти ничего не зависит. Я сижу здесь, как пень, и ничего не могу сделать. Если я скажу "да" иранцам, из России меня не выпустят. Все очень просто будет например, маленькая автокатастрофа по дороге в аэропорт "Шереметьево". Если я скажу "нет" – они запросто вытворят что-нибудь с Алиной. ФСБ тем временем будет работать на ВМС, а ФСК, например, на ВКС. Все вроде бы ищут ее, но все поодиночке, стараясь ничем не выдать себя конкурентам. Вот так!

– Вы точно знаете, что ее выкрали иранцы? – Банда решил, что теоретическая часть разговора окончена и можно переходить непосредственно к похищению девушки.

– Да. Мне сегодня звонили, – Владимир Александрович сразу погрузился, заговорив о дочери, и невольно посмотрел на телефон. – Дали пять дней на раздумье!..

– И вы молчите!..

– ФСБ пыталась засечь номер. Из города. Из автомата. Запеленговать не успели.

– Но это все равно хоть какая-то зацепка! Когда они свяжутся с вами снова? Как?

– Если бы знать! – Большаков налил себе еще рюмку и выпил, пододвинув бутылку ближе к Банде. – Наливай, пей.

– Нет, спасибо... Так. – Банда лихорадочно соображал, пытаясь привести мысли в порядок. – Значит, шантаж. Они с вами периодически будут связываться...

– Да, все это уже под контролем ФСБ.

– Но я что-то не заметил никого у вашего дома.

– А зачем? Ребята Степанкова считают, что отлично контролируют ситуацию и электронными способами.

– Ясно... А "мерседес" искали?

– Какой "мерседес"?

– На котором увезли Алину.

– Мне про детали ничего не говорят. Наверное, ищут.

– Ясно, ясно... Владимир Александрович, спасибо вам, что вы все так подробно рассказали. Я теперь хоть понимаю, что к чему... Можно вас попросить, если что-то будет известно еще, сразу же сообщить мне?

– Да, пожалуйста...

– Я буду вам звонить. Часто звонить.

– Звони, Саша. Но что ты сделаешь?

– Не знаю. Но Алину мы спасем, – Банда говорил это уверенно. Он чувствовал, что что-то должно получиться.

– Дай-то Бог! – голос Владимира Александровича звучал резким диссонансом с настроением Банды. В нем не бы-

ло никакой уверенности. Это был голос обреченного, почти смирившегося человека...

* * *

Поразмыслив, Банда все-таки решил, что федералы зря пренебрегают старыми проверенными детективными способами. Внешнее наблюдение еще никогда не бывало лишним. Впрочем, он подозревал, что ФСБ может вести и еще одну, третью, совершенно непонятную для него игру, руководствуясь своими интересами. Для них, вполне возможно, розыск девушки даже не был первостепенной задачей.

Он решил сам установить наблюдение.

Вечером, когда стемнело и двор дома Большаковых опустел, Банда, осмотревшись и убедившись, что здесь он совершенно один, вооружившись монтировкой, оторвал пружину на входной двери подъезда, а затем, вставив монтировку в щель у косяка и резко дернув, вырвал дверную петлю. Используя пару булыжников, он укрепил дверь в широко открытом состоянии так, чтобы закрыть ее было бы совсем не просто даже для очень сильного мужчины.

Расчет Банды оказался точным.

Он поставил свою "мицубиси" в тени дерева напротив подъезда и через свои полностью затонированные окна мог теперь с легкостью наблюдать все, что творится у входа, а также в самом подъезде, на площадке у почтовых ящиков,

не рискуя быть замеченным снаружи. Он даже заменил лампочку на площадке, чтобы видеть все в подъезде даже ночью.

А дальше все было делом техники и терпения.

Банда практически безвылазно просиживал в своем джипе, стараясь привлекать к себе как можно меньше внимания. Он даже двигался внутри автомобиля медленно и осторожно, стараясь не раскачивать машину, чтобы все было как можно более похоже на то, что она пуста. Он сидел теперь исключительно на заднем сиденье, там, где тонировка стекол была полной, совершенно исключая возможность постороннего взгляда. Во дворе целыми сутками стояли десятки машин, чьи владельцы не смогли расстараться насчет гаража, и "паджеро" не привлекал среди них особого внимания.

Он старался предусмотреть все действия бандитов и с радостью нашел подтверждение тому, что шаги иранцев могут быть просчитаны. Буквально на следующий день после похищения Алины газета "Московский комсомолец" сообщила о происшествии в Лужниках: среди бела дня здесь сгорел "мерседес-190Е", предположительно черного цвета, без государственных номеров, с номерами кузова и двигателя, не зарегистрированными в Москве. Банда не сомневался, что это тот самый "мерс", на котором увезли Алину, и с удовлетворением отметил про себя, что предвидел попытку иранцев избавиться от самой большой улики.

За день Банда выпивал три огромных термоса кофе, который заваривала ему Настасья Тимофеевна, но почти ничего

не ел. От волнения и бессонницы ему кусок в горло не лез...

Он сидел в машине уже третьи сутки, воспаленными глазами всматриваясь в двери подъезда и изо всех сил стараясь не уснуть. Была уже половина двенадцатого ночи, и дом Большаковых постепенно затихал, погружаясь в сон, когда вдруг из-за угла появился этот парень.

Он сразу привлек внимание Банды Парень был черноволосым, смуглым и бородатым, и даже в наступившей темноте Банда голову мог бы дать на отсечение, что без арабских или еврейских кровей в этом парне не обошлось Он вышел из-за угла и, на секунду замешкавшись, оглядывая двор, направился напрямик к подъезду Большаковых.

Банда съезжился и вжался в сиденье, будто боясь, что его заметят в кромешной тьме за затемненными стеклами, когда араб остановился у самого подъезда, оглядывая двор А когда подозрительный гость вошел в подъезд и остановился у почтовых ящиков как раз там, где висел ящик Большаковых, Банда выскочил из машины и пулей полетел через двор прямо в подъезд.

Араб даже не успел бросить в ящик какой-то конверт, как в подъезд ворвался разъяренный Банда.

– Стоять! – крикнул Александр как можно более яростно, используя старый прием запугивания противника звуком, но араб, видимо, был подготовлен неплохо. Он отпрянул к стене, и в руках его тут же сверкнул длинный и тонкий закаленный арабский клинок, скорее, даже не нож, а что-то среднее

между кортиком и короткой шпагой.

– Нэ падхады! – истерично завопил он, размахивая своим оружием, но Банда был слишком разъярен и слишком рад своей удаче, чтобы вспомнить про висевший под мышкой пистолет. Он налетел на араба, как танк, как тайфун, как самое страшное стихийное бедствие, обрушив на него целый град неотразимых ударов. Нож улетел в сторону в мгновение ока, и араб, заливаясь кровью из разбитого носа и теряя сознание, привалился к стене, сползая по ней на пол.

Банда схватил его за шиворот и резко встряхнул, снова поднимая на ноги, а затем классически, как в десанте, заломил ему руку за спину, одновременно сдавливая шейные позвонки, полностью лишая противника возможности сопротивления.

Вспомнив о наручниках, висевших у него на поясе, Банда крепко сковал руки араба за спиной и потащил к машине. Затолкав его на заднее сиденье, Александр для верности прикрепил наручники к ремню безопасности, подтянув их как можно выше.

Теперь араб валялся на сиденье с высоко задранными к потолку руками, утыкаясь носом в мягкие подушки и заливая их собственной кровью – Вот так-то, урод! – удовлетворенно хмыкнул Сашка и, вытащив из кармана пленника пакет, предназначавшийся Большакову, вскочил за руль.

Взревел двигатель, и "мицубиси" стремглав вылетела из двора дома Алины, устремляясь за город...

Банда несся по ночной Москве, старательно объезжая все известные ему посты ГАИ, не желая нарваться на внезапный ночной досмотр машины, по направлению к лагерю "Валекса" Но, уже выехав за город, он резко свернул в более-менее густой лесок, на всякий случай отъезжая подальше от дороги.

Выбрав место поглуше и потише, он остановил машину и, вытащив араба, привязал его к толстой сосне – Говорить будем сразу или как? – на всякий случай, не надеясь на быстрый успех, спросил он пленника.

– Сабака! – прорычал тот в ответ, бешено сверкая своими черными глазищами.

– Ясно. Что ж, даю тебе время подумать, – Банда отошел назад, к машине, и развернул наконец конверт, отобранный у этого неудавшегося посыльного.

В несколько раз сложенный листок бумаги были вложены волосы. Маленькая каштановая прядь. Волосы Алины.

Банда почувствовал, что кровавая пелена ненависти заливает его глаза, а руки сами собой сжимаются в кулаки. Боясь, что он сейчас убьет этого араба на месте, парень постарался опомниться и буквально заставил себя прочитать две строчки, кривым корявым почерком начертанные на листке:

"Владимир Александрович, осталось 2 дня. Договор наш

в силе".

Подписи не было, Даты тоже. Все было ясно и так.

Банда аккуратно снова завернул волосы девушки в Записку, вложил все это в конверт и спрятал в карман. Затем снял куртку и подошел к арабу, грозно закатывая рукава.

Пленник, видимо, почувствовал, что наступают самые страшные для него минуты, и дернулся, из последних сил стараясь освободиться от стянувшей его грудь веревки.

– Не дергайся, красавчик. Вспомни лучше Аллаха.

– Шакал страшный, – провопил араб, закатывая глаза.

– Смотри – раз!

Банда резко и профессионально точно двинул пленника в солнечное сплетение, постаравшись сделать это не слишком сильно, чтобы тот не потерял снова сознание, но и не слишком слабо, чтобы дыхание араба остановилось, страшным холодом сковав сердце.

– Теперь – два!

Удар в пах был настолько страшным, что пленник заверещал, прощаясь со своими еще не родившимися детьми, но Банда невозмутимо улыбался, глядя на его мучения.

– А теперь – три!

Голова араба коротко мотнулась, ударившись затылком о дерево, и двух верхних передних зубов парень не досчитался.

– Мне дальше считать, или, может, поговорим?

– Что ты хочешь?

– Где Алина?

– У нас. Ее убьют, если со мной что-то случится!

– А я убью тебя. Медленно, не спеша, с удовольствием.

– Аллах простит мне мою смерть!

– Не-е-т, парень, не надейся!

– Он видит, как мужественно принял я избавление от мук!

Убей меня, неверный!

– Ты торопишься, голубчик. Ты же мне еще не рассказал, где Алина.

– Кто ты? Ты не из Ка-гэ-бэ?

– Нет, дорогой. Я дикий. Одиночка. Могу с тобой делать, что захочу. Ты знаешь, я когда-то был в Афгане и кое-чему у "духов" научился. Из тебя можно сделать несколько ремней. Тебя можно накормить мясом твоего же бедра. Тебя можно душить твоими же кишками. Ты что выбираешь?

– Что ты хочешь?

– А ты не понял еще? – Банда говорил медленно, тихо и проникновенно, и звук его голоса действовал на пленника гораздо более убедительно, чем любые удары и боль. – Где моя девушка, я тебя спрашиваю?

– Послушай, я не могу сказать. Я всего лишь студент. Меня заставили передать письмо люди самого Амроллахи. Мне возвращаться еще домой. Там мои родители...

– Послушай меня и ты, студент. За Алину я пойду на все. Ты не увидишь ни родины, ни родителей. Тебе никогда не увидеть диплома, и никогда Иран не увидит своего молодого

специалиста. Ты хорошо понимаешь, что я имею в виду?

– Да... Но Аллах не простит мне предательства!

– Аллах все простит. Он тебе только одного не простит.

Знаешь, чего?

Банда загадочно улыбнулся и пошел к машине, оставив несчастного студента теряться в догадках.

Но через несколько мгновений он вернулся, держа в руках кусок сала и нож.

– Аллах не простит тебе, если я накормлю тебя свининой. Ты сейчас плотно-плотно поужинаешь, а затем запьешь все это нашей русской водкой. Хочешь?

– Не делай этого, я прошу тебя! – араб брезгливо и одновременно с животным ужасом наблюдал, как Банда начал отрезать маленький кусочек сала, игриво принюхиваясь к нему и цокая языком, будто от огромного удовольствия.

– Где девушка?

– Я не могу!

– Где девушка? – Банда взял отрезанный кусочек и приблизился к арабу, поднося сало почти к самому его рту. – Оно вкусное, тебе понравится. Ты еще попросишь. Обещаю!

– Я скажу, только не делай этого! – страшно закричал араб, дергаясь в конвульсиях ужаса всем телом.

– Вот это – другое дело! – Банда удовлетворенно вбросил сало себе в рот и начал его жевать, с интересом посматривая на студента.

В свете фар он казался еще совсем молодым, напуганным

и несчастным, и Банда даже почувствовал что-то вроде жалости к этому бедняге, но тут же постарался подальше отогнать от себя эти мысли.

– Так где она?

– Ее завтра увезут из Москвы.

– Почему?

– Хайллабу сказал, что держать ее здесь становится опасно.

– Кто такой этот Хайллабу?

– Это наш командир. Он послан из самого Ирана. Он человек Амроллахи, один из лучших его людей.

– Завтра – когда? Во сколько?

– В четыре утра.

– То есть через два часа?

– Да.

– Откуда ее повезут и каким образом?

– Это будет конвой. Три фуры в Чехию. Везут запчасти к "жигулям" со склада в Москве. В одной из фур, за двигателями, со всех сторон обложенная гранатами, будет ехать девушка.

– Откуда ты все знаешь?

– Я уже три месяца работаю в нашем отряде. Нас всего восемь, и всем все известно.

– Хорошо... – протянул Банда и задумался, но араб, будто прочитав его мысли, воскликнул:

– Даже не думай о нападении, если хочешь, чтобы она бы-

ла жива. Они взорвут и себя, и ее. Им нечего бояться. Они верят в Аллаха. Аллах акбар!

– Да я уж вашего брата знаю. А ты мне не скажешь, каким образом куча бородатых арабов на трех машинах пересечет всю страну и попадет за границу?

– Все законно, – пленник даже улыбнулся, гордый изворотливостью и предусмотрительностью своего предводителя – Хайллабу. – Мы оформили здесь, в Москве, иностранное предприятие, которое специализируется на экспорте самых разных товаров из России. Тех же самых запчастей к "ладам". Получаем режим наибольшего благоприятствования, все таможенные документы – и вперед. В любую страну мира.

– Ясно... Слушай, – Банда с интересом взглянул на этого бородатого парня, – ты оказался не таким уж круглым фанатичным дураком, как мне поначалу показалось. Убивать тебя или кормить салом я теперь не вижу необходимости. Но, сам понимаешь, отпустить тебя не могу. Что скажет твой Хайллабу, когда ты не вернешься с задания?

Араб задумался на мгновение и ответил очень быстро и уверенно:

– Я думаю, это только укрепит его решение срочно покинуть с девушкой Москву. Он подумает, что меня взяли ваши спецслужбы... Я тебе скажу правду. У них нет надежды на сотрудничество Большакова. Более того, они понимают, что теперь, после того, как господин ученый подключил к этому

делу спецслужбы, надежд вообще когда-нибудь выбраться из этой страны у него не должно быть. Словом, вариант с похищением оказался проигранным по всем статьям.

– Очень интересно! И что же дальше?

– Не знаю толком. Миссия Хайллабу на этом скорее всего будет закончена. Другой человек и, возможно, в другой стране будет искать подходящего ученого.

– Так, так! А что же будет с Алиной?

– Ну не знаю я, – вдруг снова испугался пленник. – Откуда я могу знать, что придумает разгневанный Хайллабу! Как я могу отвечать за его поступки!

– Ты не будешь. Но я спрашиваю тебя, что они с ней сделают?

– Что хочешь!.. Они постараются от нее избавиться.

Он замолчал, но, видя, как с тревогой и одновременно с какой-то глухой надеждой смотрит на него Банда, добавил:

– Они ее не отпустят.

– Ясно... Что ж, пошли!

– Куда?

– Увидишь, – Банда отвязал араба и, на всякий случай не снимая с него наручников, снова запихал на заднее сиденье "мицубиси-паджеро" и, развернувшись, снова поспешил к шоссе.

* * *

– Валентин Кириллович, это Банда.

Телефонный звонок сорвал руководителя "Валекса" с постели в два часа ночи, и сразу сообразить, что от него хотят, он не смог:

– Какая Ванда? Алло!

– Банда! Бондарович! Не узнаете?

– А-а! Сейчас, дай проснуться... Что за привычка у вас пошла – будить меня среди ночи с поразительной регулярностью!.. Ну, чего у тебя еще стряслось?

– Вы про похищение моего с Неждановым бывшего "объекта" охраны знаете?

– Да, – последние остатки сна слетели с Валентина Кирилловича после напоминания Банды. – Что-нибудь случилось с Неждановым? Он что, умер в больнице? Или, может быть, ты нашел девушку?

– Я напал на след ее похитителей.

– Кто они?

– Иранцы... Это долгая история, Валентин Кириллович, как-нибудь потом. Сейчас я вынужден уехать из Москвы. Прошу дать мне отпуск за свой счет сроком недели на три.

– Это связано с похищением?

– Да.

– Тогда вот что, – голос руководителя службы безопасно-

сти был уже привычно деловит и сосредоточен. – Никаких отпусков за свой счет. Все будет оформлено как командировка. Куда едешь?

– Еще не знаю.

– Тебе нужна помощь? Средства денежные или специальные? Тебе что-нибудь выдать из арсенала?

– Нет-нет, ничего не надо... Мне нужно только ваше разрешение... – Банда вдруг замялся, и Валентин Кириллович нетерпеливо спросил:

– Разрешение на что?

– Я здесь хочу оставить одного человека.

– Где здесь?

– На нашей базе. Его надо подержать до тех пор, пока я не вернусь, Валентин Кириллович.

– Кто это?

– Араб. Студент московский. Он – один из этой банды похитителей.

– Ясно. И ты хочешь сказать, что на нашей базе будет незаконно силой удерживаться гражданин другого государства? И все это – на протяжении трех недель!

– Да! – в голосе Банды теперь звучала страсть отчаяния. – Да, у меня нет другого выхода. Выпускать его никак нельзя, сторожить его или таскать с собой повсюду я тоже не могу...

– Ладно, не кипятись! Дай подумать... Вот что... Ты звонишь с базы?

– Да.

– Передай дежурному трубку.

– Сейчас, – и через несколько мгновений Валентин Кириллович услышал привычный доклад:

– Дежурный по базе "Валекса"... За время моего дежурства, Валентин Кириллович, никаких происшествий не случилось...

– А приезд Банды – не происшествие? – издевательские нотки в голосе шефа звучали совершенно неприкрыто, и дежурный, молодой парень, сразу же после армии попавший на фирму, смущенно начал оправдываться:

– Происшествие. Но я думал...

– Ладно. Слушай. Проводи того человека, которого привез с собой Банда, в пустую каптерку на первом этаже. Знаешь, где окна с решетками? Где когда-то оружейку думали сделать?

– Да, понял.

– Дай матрас, одеяло, подушку и запри как следует. Утром я приеду и разберусь.

– Есть, – дисциплина в "Валексе" была армейская, и армейские же способы отдачи команд и готовность к их выполнению были совсем не редкостью.

– Передай трубку Бондаровичу.

– Слушаю, Валентин Кириллович! – через мгновение отозвался в трубке голос Банды.

– Банда, оружие не забудь. Разрешение ведь у тебя?

– Да. Но оно мне вряд ли понадобится.

– Ты думаешь?.. Ну ладно... Ты, Банда, гм-гм, – шеф замялся, и Сашка почувствовал, что Валентин Кириллович хочет как-то подбодрить его, но не может подобрать подходящих слов. "Мировой он все же мужик!" – с благодарностью подумал Сашка о своем боссе. – Словом, ты звони, не пропадай. Я хочу знать, где ты и что с тобой. И если тебе понадобится помощь, только свисти.

– Спасибо, Валентин Кириллович. Обязательно.

– И осторожнее, Сашка, понял?

– Конечно.

– В общем, счастливо! – и в трубке раздались короткие гудки...

* * *

Препроводив вместе с дежурным араба в его временную камеру, Банда зашел в свою комнату и, заварив кипяточком кофе покрепче и закулив сигарету, задумался, стараясь привести в порядок мысли и продумать план действий.

Значит, так. Их восемь, на трех грузовиках. В каком из грузовиков Алина – известно лишь господу Богу. Конвой вряд ли будет останавливаться где-либо, а атаковать его на ходу – дело дохлое. Это раз.

Алина – гарантия их безопасности. Они будут держать ее на прицеле, и при малейшей опасности именно она станет заложницей, а потом и единственной жертвой. Значит, я пра-

вильно решил, что ни нашу группу быстрого реагирования, ни спецназы федералов или ментовки, если я хочу еще увидеть Алину живой, использовать нельзя. Это два.

Я знаю их маршрут, если только этот студент не наврал. Но это вряд ли, к тому же рассказывал он все слишком складно. Значит, я могу рассчитать по времени график их движения. Это уже три.

Теперь – что делать.

Подождать их где-нибудь на кольцевой и осторожно двигаться следом, выжидая подходящий момент? Нет, нельзя. Если у конвоя есть хотя бы одна легковушка сопровождения, меня засекут буквально за час. И тогда...

К тому же с "вальтером" и пистолетом Макарова против кучи головорезов, вооруженных, видимо, более чем достаточно, не попрешь. А значит...

А значит, дорогой Банда, пришло время покопаться в востряковском сарае.

С оружием – все ясно.

Теперь – время.

От Москвы до границы с Польшей, если не ошибаюсь, около тысячи двухсот километров. Для конвоя вряд ли можно рассчитывать на среднюю скорость больше семидесяти километров в час. Это – если без остановок. Но заправляться им придется так или иначе. Значит, у меня есть почти сутки, пока они доберутся до границы с Польшей.

До Сарнов расстояние примерно такое же, и если я рвану,

в часов девять-десять уложусь свободно.

А там до Бреста – рукой подать. И встретить дорогих гостей свободненько успею еще в Беларуси. А там, на месте, и сориентируюсь.

И уже буквально через минуту, даже не успев допить свой кофе, Банда впрыгнул в джип, вырывая в сторону Серпухова...

II

Что произошло, Алина толком так и не поняла.

Анатолий вдруг схватился за лицо, дико закричав и закружившись на месте, а какие-то двое бородачей грубо схватили ее и буквально вбросили на заднее сиденье машины, которая тут же рванула с места.

– Что это значит? Вы кто такие? Выпустите меня немедленно! – первой же ее реакцией стали страх и негодование, и девушка закричала на похитителей, гневно сверкая глазами.

Тот, что сидел спереди рядом с водителем, резко обернулся и закатил ей сильную оплеуху, одновременно скомандовав что-то на каком-то совершенно непонятном девушке языке. Ее сосед, впрыгнувший вслед за ней на заднее сиденье, схватил Алину за волосы и, резко развернув ее голову, несколько раз ударил девушку лбом о боковое стекло.

А когда она, ослабев от боли и испуга, чуть ослабила сопротивление, быстро накинул ей на глаза черную косынку, полностью лишив ее возможности что-либо увидеть, и сковал руки у нее за спиной наручниками.

Это было, как в плохом детективном кино, и нервы Алины не выдержали. Девушка забилась в истерике от ужаса не в состоянии даже плакать в полный голос. Ее тело сотрясали беззвучные рыдания, сверхнеудобная поза не давала даже возможности нормально вздохнуть, и Алина потеряла созна-

ние, упав лицом вниз и до крови разбив себе нос о широкую дверную ручку...

Она пришла в себя от того, что на голову ей вылили целый кувшин холодной воды.

Машина уже не двигалась, и, судя по тишине вокруг, по отсутствию характерного городского шума, они были за пределами Москвы.

И снова послышался разговор на этом странном гортанном языке, так не похожем ни на один из европейских.

Ее кто-то грубо схватил и буквально выволок из машины. Не снимая с глаз повязку, ее протащили по земле несколько метров, и вдруг под ногами Алина почувствовала лестницу, уводящую куда-то вниз.

Только когда лестница кончилась и перед ней, открываясь, скрипнуло несколько дверей, с глаз девушки сняли повязку, а руки освободили от наручников.

Она оказалась посреди маленькой комнатки с бетонными стенами, видимо, в каком-то подвале.

Пятеро чернобородых мужчин сурово и пристально смотрели на нее, как будто прицениваясь к своей добыче.

– Что вам от меня надо? – снова не выдержала девушка. Она не могла более оставаться в неведении и буквально взмолилась, прижимая руки к груди:

– Отпустите меня! Вы меня с кем-то перепутали. Я вас не знаю!

Но бородачи как будто не слышали ее, переговариваясь

лишь между собой на своем непонятном языке...

* * *

– Что она говорит? – Омар Хайллабу был очень доволен проведенной операцией, но старался не показывать радость своим подчиненным – ведь они сделали пока лишь часть работы. Зачем же расслабляться раньше времени?

– Что она не виновата, господин. Что мы ее с кем-то перепутали. Просит, чтобы отпустили, – Исфахалла, лучше всех знавший русский язык, поторопился перевести.

Когда-то он закончил в Ленинграде какой-то строительный институт и уже тогда работал на секретные службы своей страны. Он был опытным и старательным работником, хорошо зарекомендовавшим себя и в Пакистане, и в Ираке, и в Кувейте, и за него Хайллабу был всегда спокоен. А когда стало известно, что предстоит операция в России, лучшего знатока местной жизни найти было просто невозможно.

– А это точно она?

– Она. Дочь этого ученого. Она была с телохранителем, как обычно, поэтому ошибка исключена.

– Все прошло по плану?

– Как нельзя лучше.

– Да поможет нам Аллах! – Хайллабу привычно возвел глаза к потолку, складывая у лица сложенные ладони, и все присутствовавшие при этом дружно поддержали своего

предводителя:

– Аллах акбар!

* * *

"Аллах акбар!" Хоть одна фраза в разговоре этих мужчин показалась Алине понятной, но от фразы этой девушке стало еще страшнее. "Так, значит, это мусульмане. Чеченцы? Может, это какая-нибудь очередная террористическая акция?"

Но эти люди не были похожи на боевиков вроде членов отряда Шамиля Басаева. У них не было с собой оружия, они не были одеты в камуфляжную униформу, они были ухоженными и сытыми, чего вряд ли можно было бы ожидать от живущих на нелегальном положении боевиков.

"К тому же странный террористический акт получается – выкрали такого ценного кадра, как я.

Как же, напугали Россию... – отогнала от себя мысль о боевиках девушка, но легче ей от этого не стало. – Тогда кто же они? Чего хотят? Зачем нужна им именно я?.. А может, это просто уголовники, и они меня сейчас изнасилуют, а потом убьют?"

Она терялась в догадках, чувствуя, как ужас все сильнее сжимает сердце ледяными тисками, и старалась не пропустить ни одного слова, пытаясь уловить суть происходящего.

* * *

– Ее отец уже узнал о похищении? – Хайллабу всегда старался разрабатывать операции до мелочей, просчитывая все действия свои и противника буквально по минутам. И сейчас он злился и чувствовал себя несколько не в своей тарелке, не привыкший напрасно чего-то ждать. Он хотел знать каждую минуту, как действует его план.

– Видимо, да, господин. Место людное, милицию вызвали сразу. Установить, кого охранял неверный, не будет представлять особого труда. Значит, ему уже сообщили.

– Исфахалла, сходи на улицу, из автомата позвони ему. Ты знаешь, что сказать?

– Да, господин.

– И побыстрее возвращайся, ты мне нужен здесь... Подожди, скажи ей, пусть спрячет свою морду. Нечего так бесстыже рассматривать чужих мужчин...

* * *

– Эй, грязная женщина, отвернись! Нельзя смотреть так на мужчин, мы этого не любим!

Алина опешила. Она даже не сразу поняла, что от нее хотят, а когда до нее дошло, девушка чуть не рассмеялась и не

заплакала одновременно. Мысли вихрем проносились у нее в голове.

"Грязная женщина... Отвернись... Нельзя смотреть..." Она поспешно отвернулась, уставившись в противоположную стену и лихорадочно оценивая полученную информацию – первую более-менее понятную информацию о ее похитителях.

"Так, видимо, они фундаменталисты. Этого, который постарше, видимо, коробит, что я без чадры.

Скажите пожалуйста!.. Господи, только этих фанатиков мне и не хватало!.. Откуда они могут быть?

Где у нас силен ислам? В Таджикистане? В Узбекистане? Вроде да... А может, татары?.. Нет, татары никогда не были такими одержимыми мусульманами, чтобы заставлять женщин ходить в бесформенных балахонах, скрывая от постороннего взгляда не только тело, но даже и лицо... Значит, они из Средней Азии. Только чего им от меня все-таки нужно?"

* * *

– Я позвонил ученому, – вернулся через несколько минут Исфahalла, спеша поделиться последними новостями. – Он уже все знает и, как мне показалось, сильно беспокоится.

Дружный смех соратников, к которому присоединился и Хайллабу, воодушевил рассказчика, и он продолжал:

– Я передал ему наши требования.

– Он что-нибудь ответил?

– Всего несколько слов. Он обзывал нас самыми страшными словами русского языка.

– И все?

– Пока что он не может говорить. Слишком переживает, наш расчет оказался точен – он слишком любит свою дочь. Я думаю, – довольно потер руки Исфахалла, – наш план работает. Рыбка клюнула на наживку. Остается только вытянуть ее.

– О-о, Аллах акбар! – снова поблагодарил господа Хайллабу, и все дружно поддержали его призыв.

– Но есть и еще кое-что, господин. Это вряд ли хорошая информация для нас.

– Что случилось?

– Я позвонил Шарифу...

– Шарифу?

– Да, господин. Помните, тот студент-электронщик, которого удалось подключить к нашей работе.

– Ах, да, – удовлетворенно кивнул Хайллабу.

– Я поручил ему прослушивать телефон ученого. Шариф тоже знает русский, и лучшей кандидатуры...

– Меня интересуют телефонные звонки, а не познания какого-то студента в этом варварском языке! – чуть возвысил голос Хайллабу, нетерпеливо прерывая говорившего.

– Конечно, господин... Шариф сказал, что к делу уже подключились службы безопасности России.

Услышав о похищении, Большаков тут же связался с каким-то своим старым приятелем из ФСБ, просил помочь. Шариф утверждает, что после этого звонка изменился электрический сигнал на линии Большаковых, то есть не иначе, как их телефон теперь прослушивается специалистами спецслужб.

– Ух, собака! Ему что, родная дочь не дорога – новость сильно расстроила Хайллабу, Вмешательство госбезопасности существенно осложняло ситуацию и по большому счету могло вообще сорвать все планы его группы. – Он сообщил о том, кого подозревает в похищении?

– Нет, господин, своему другу из безопасности он просто рассказал, что у него похитили дочь, а про требования нашей стороны даже не вспомнил, – попытался было успокоить своего расходившегося шефа Исфahalла, но сделать это теперь было не так-то легко.

– Все равно, теперь ФСБ до всего докопается!..

Так, это обстоятельство вынуждает меня скорректировать планы. Все пройдет по ускоренной программе. Шарифу от телефона – ни на шаг. Ты сам его заменишь, когда он устанет. Вам на прослушивание – двое суток. Звонить Большакову из города, из телефонных автоматов, каждые двенадцать часов.

Разговор – не более минуты, чтобы ФСБ не успела засечь, из какого телефона-автомата звонят. Никаких имен, никаких намеков на то, кто звонил: ФСБ не должна понять, о чем идет речь... О, проклятие на мою голову! – вдруг застонал

Хайллабу, сильно сжав руками виски. – Нет, теперь уж звонить Большакову больше нельзя ни под каким предлогом. Пусть послезавтра вечером Шариф отнесет к нему домой конверт с прядью волос этой женщины.

Он кивнул в сторону Алины, и девушка, заметив этот жест, испуганно вздрогнула, предчувствуя самое худшее.

– Да, господин, я понял, – согласно кивнул, запоминая указания, Исфахалла. – Прикажете вложить в конверт какую-нибудь записку?

– Что-нибудь о сроках на раздумье. Например: "остались сутки". Но это неважно, придумаем и потом. Сейчас важно другое – нам нужно готовиться к отъезду. Товар и документы готовы? – Хайллабу обернулся к маленькому тщедушному человечку, смиренно стоявшему все это время за спиной своего шефа.

– Да, господин, как вы и приказывали, три фуры, забытые запчастями доверху, уже подготовлены. Документы в порядке, все заверено в российских таможенных службах. Есть и пломбы для опечатывания фур.

– Хорошо. В ту же ночь, когда Шариф понесет конверт Большаковым, мы должны покинуть Москву. Женщина поедет с нами. Она теперь становится нашей гарантией, поэтому я приказываю вам беречь ее, как зеницу ока. Ты понял, Хабиб? – теперь он обратился к огромному грозного вида бородачу, отвечавшему в их группе за боевое обеспечение: профессиональному солдату и профессиональному убийце.

– Да, – коротко кивнул тот в ответ. – Я не отойду от нее ни на шаг.

– Именно этого я и хочу... Дальше. Шариф остается в Москве, и утром следующего дня, после того, как отнесет конверт, пусть свяжется с Большаковым по телефону. Каков бы ни был ответ – в два часа дня мы позвоним Шарифу на его квартиру. Он должен ждать нашего звонка.

– Хорошо, господин, я все понял, – Исфахалла всем своим видом выражал страстное желание выполнять указания шефа немедленно и как можно более точно, и это подобострастие немного успокоило Хайллабу.

– Все. А теперь я хочу отдохнуть. Впереди нас ждет еще много сложной работы...

* * *

Двое суток в подвале показались Алине бесконечными.

Каждую секунду рядом с ней, не спуская с нее глаз, находился этот страшный огромный детина, которого звали Хабибом. Он сторожил ее, как неутомимый сторожевой пес. Он даже ночью не смыкал глаз, попивая бесконечные порции кофе и покуривая, пока девушка, ворочаясь, пыталась заснуть на выделенной для нее маленькой и узкой твердой кушетке.

Сначала, когда все эти бородачи вышли и с ней один на один остался только этот верзила, Алина не на шутку испугалась. Его вид мог заставить думать что угодно. Но посте-

пенно страх ее рассеялся: великана она интересовала только как объект охраны, не более. Он просто сидел напротив нее на стуле, тарача на девушку свои глазищи, и не отходил ни на шаг, провожая даже в туалет в соседнюю комнату. Они ни разу не заговорили друг с другом, и Алина вообще не была уверена, что этот парень хоть одно слово понимает по-русски.

На свете, казалось, существовала только одна вещь, которая три раза в день заставляла этого громилу отводить глаза от девушки, – молитва. Во время моления он забывал о ней, опускаясь на колени на маленький коврик и возводя глаза к потолку и делая какие-то пассы руками, что-то шептал, периодически отвешивая поклоны.

Когда он в первый раз молился, Алине, не сталкивавшейся до того с мусульманами, зрелище показалось довольно занятным, и девушка с интересом разглядывала этого молодого еще парня, истово молящего о чем-то своего Аллаха. Но он, почувствовав вдруг ее пристальный взгляд, так грозно глянул в ее сторону, что любопытство девушки вмиг куда-то улетучилось, и с этого мгновения Алина всячески избегала смотреть во время молитвы в сторону своего сторожа.

Здесь, в подвале, время, казалось, остановилось, и Алина не могла поверить своим часам, утверждавшим, что с момента похищения прошло чуть более двух суток, ей казалось, что сидит она в этом подвале по крайней мере не меньше недели.

В первые часы девушка все время чего-то ждала. Она сама не знала чего. Ей казалось, что должна наступить какая-то развязка – или ей должны были сказать, ради чего состоялось похищение, или ее должны были убить либо изнасиловать, или в конце концов ее должны были освободить какие-нибудь с неба свалившиеся спецназовцы, в коротком и жестоким бою уничтожившие бы всех мусульман.

Но ничего не происходило. Никто ничего ей не объяснял. Никто с ней вообще не разговаривал, совершенно, казалось, не интересуясь ее персоной. И постепенно Алине даже стала безразлична причина похищения. Она просто лежала на топчане, глядя в бетонный растрескавшийся потолок своей темницы и стараясь ни о чем не думать, ни о чем не вспоминать.

Так было легче.

Ведь воспоминания тут же отсылали ее к дому, к родителям, к Александру, и тогда сердце сжималось в ледяной комок, скованный тоской и болью.

* * *

Алина проснулась от того, что кто-то грубо и бесцеремонно тряс ее за плечо.

Первым делом девушка взглянула на часы – было три часа ночи. Над ней, что-то приговаривая на своем языке, склонился ее охранник. Подвал снова, как и в первый день похи-

щения, был заполнен людьми. По их оживленному разговору Алина поняла, что что-то за эти дни все же произошло.

– Она проснулась, – доложил по-арабски Хабиб, обернувшись к Хайллабу.

– Хорошо. Исфахалла, объясни ей что к чему. Только покороче.

– Слушаюсь, господин... Женщина, мы тебя украдали, – начал он, переходя на русский язык, коверкая и до неузнаваемости изменяя некоторые слова, – чтобы твой отец согласился скоро-скоро с нашим предложением. Он пока еще думает, но нам быть в Москве стало опасно. Мы едем в другое место. В машине тебя тоже будет охранять Хабиб, – он кивнул на ее огромного охранника, – поэтому веди себя хорошо. Он убьет тебя, если ему что-то не понравится... Ох, твой глупый старый отец совсем не хочет любить свою единственную дочку!

– Не правда, мой отец не глупый, – зачем-то горячо запротестовала Алина. – Он очень талантливый человек и крупный ученый!

– Ученый он действительно неплохой, и именно поэтому он нам нужен. Но он глупый, потому что поменял много-много денег и приглашение самого господина Амроллахи на мучения собственной дочери.

– Наверное, иначе было нельзя, – Алина категорически не хотела соглашаться с такой постановкой вопроса, но араб, казалось, совсем не намерен был спорить. Он просто конста-

тировал факты, интерпретируя их на свой лад, и совершенно не слушал ее возражений.

– Можно. Думать людям можно всегда. А теперь мы едем. Чтобы ты случайно не убежала, мы вынуждены на всякий случай перестраховаться. Заведи руки за спину, – он жестом показал, чего хочет от девушки, и Алина послушно позволила надеть на себя наручники.

– Вот так... И еще, – с этими словами араб извлек из кармана несколько маленьких железных цилиндриков с закрепленными на них кольцами, и Алина поняла, что это гранаты. – Ты – наша заложница и наше прикрытие. Поэтому тебе придется носить эти штучки с собой.

Исфahalла засунул ей по гранате в оба кармана джинсов, а одну положил в нагрудный карман рубашки девушки, и Алина, почувствовав прямо у груди тяжесть смертоносного металла, невольно вздрогнула всем телом, не на шутку перепугавшись.

– Зачем вы это делаете?

– Если на нас нападут, ты погибнешь первой.

– Господи, кто на вас нападет?

– Твой отец сообщил про похищение в Федеральную службу безопасности. Только что, ночью, пропал наш человек, который относил письмо для твоего отца. Значит, кто-то уже начал охоту за нами. Значит, твой отец совершил слишком большую ошибку. Просто непоправимую.

– Что теперь будет?

– Мы уезжаем. Твой отец нас больше не интересуется.

– А я?

– Ты едешь с нами.

– Зачем?! Отпустите меня, пожалуйста! Ведь у вас сорвались все планы, а я вам теперь просто не нужна...

– Э-э, я же тебе говорил, ты – наше прикрытие.

Ты должна нам помочь выбраться из этой страны.

– А потом?

– Потом – посмотрим... Продадим тебя, ха-ха, в какой-нибудь бордель. Пусть с тобой старые турки поразвлекаются, – зловеще рассмеялся Исфahalла. – Но не расстраивайся раньше времени. Будешь себя хорошо вести – отпустим. Нам главное – выбраться отсюда. Ты поняла?

– Да, конечно, – согласно закивала девушка, чувствуя, что ужас и страх снова сковывают ее сердце.

– Эй, вы долго там еще болтать будете? Некогда нам. Пошли! – поторопил Исфahalла Хайллабу, и Хабиб, бесцеремонно схватив ее за руки, потащил к выходу из подвала...

* * *

Алина не успела даже толком вдохнуть свежего холодного ночного воздуха, по которому так соскучилась за время заключения в сыром и затхлом подвале. Хабиб сразу же подтолкнул ее к одной из грузовых крытых машин, стоявших во дворе дома, в котором ее держали эти два дня.

Машин вообще было четыре. Три огромные фуры, которые используются для междугородных и международных перевозок, и новенький "БМВ", только что, казалось, выкатившийся из заводских ворот.

Алину подвели к одной из машин, и Хабиб с легкостью, как пушинку, приподнял ее за талию, помогая забраться в высокий крытый тент кузов.

Фура оказалась по самую крышу забита деревянными ящиками, и Алина остановилась, недоумевая, как же они здесь поедут. Но ее сторож уверенно подтолкнул девушку к узенькому проходу, оставленному у самого борта, и, протиснувшись в этот лаз, Алина подивилась хитрости и предусмотрительности арабов: укладывая груз, они оставили посреди кузова небольшой, метра два на два, кусок свободного пространства, и в результате здесь получилась своеобразная комнатка, стены которой были выложены тяжеленными ящиками с автозапчастями. Вряд ли у тех же таможенников хватило бы терпения и желания выгружать многотонный груз, чтобы провести полный осмотр машины. А ко всему прочему, как только Хабиб с девушкой исчезли в чреве фуры, тент был тщательно опломбирован печатью московской региональной таможни...

Хабиб щелкнул зажигалкой, и мерцающее пламя выхватило из кромешной тьмы распорки, предусмотрительно поставленные для того, чтобы груз не сдвинулся с места во время движения автомобиля, и несколько охапок сена на полу

– для обеспечения минимального комфорта.

В угол на сено и толкнул Хабиб пленницу, а сам устроился у выхода, привалившись спиной к ящикам и скрестив по восточному обычаю ноги.

Снаружи донеслось несколько резких команд по-арабски, и машины, дружно взревев мощными моторами, медленно потянулись со двора, отправляясь в далекий и опасный рейс.

Алина не видела, как сели в "БМВ" обеспечивавшие прикрытие каравана Хайллабу и Исфахалла.

Она не видела, в какую сторону подался их конвой.

Лишь по реву двигателей впереди и позади их фуры она смогла понять, что усадили ее в среднюю машину.

Фуру немилосердно трясло на разбитых подмосковных дорогах, и Алина в который раз прокляла все на свете, отправляясь в это вынужденное страшное путешествие...

Часть шестая

Домой!..

I

Ровно девять часов потребовалось Банде, чтобы преодолеть расстояние до Сарнов, и когда солнце только-только перевалило верхнюю точку своего дневного пути, "паджеро" вылетел на ту самую брусчатку, которая так поразила его почти год назад, когда он ехал к Вострякову в первый раз.

Он несся на предельной скорости, которую только позволяла дорога, и пустынная ночная трасса помогла ему до наступления утра проделать значительную часть пути.

Тревога ни на секунду не оставляла его.

Он пытался отвлечься от тяжелых раздумий, включая на полную мощность приемник, настроенный на волны "Радио-Роке", но музыка так и не смогла отвлечь его от мыслей об Алине.

"Где она? Что с ней? Как они с ней обращаются?"

Не изменились ли их планы? Не вмешалась ли ФСБ? А может, они отпустили ее, или Владимир Александрович дал наконец согласие на сотрудничество?" – его мысли, пульсируя в голове, крутились вокруг одного и того же, и Банда

твердо решил, как только доберется до Олежки, позвонить в Москву, Владимиру Александровичу, расспросить о новостях и рассказать все, что он знал сам и что собирался предпринять.

"Надо, наверное, остановить ФСБ. Ведь если они предпримут штурм, догадавшись, кто и как украл Алину, она может погибнуть. Ребята в ФСБ, конечно, умелые, но эти арабы – тоже не простаки. Они профессионалы, и с ними ухо надо держать востро.

Вряд ли есть смысл в лобовом штурме, а наши начальники, похоже, других методов вообще не знают.

Жизнь заложников – слишком малая ценность для наших органов, чтобы ради этого разрабатывались особые, хитрые планы освобождения. И Алине будет грозить смерть, если я не успею к ней первым".

Он немного успокоился лишь тогда, когда "мицубиси" влетела в Сарны, затормозив у первого, совершенно ненужного на пустынном перекрестке светофора, а затем вдали замаячила крона высоченного вяза, росшего у дома Вострякова.

* * *

– Банда! Ты! Ешь твою мать! Не могу поверить собственным глазам! Ты же обещал только в июле! – Востряков кинулся к нему с распростертыми объятиями, и радость его бы-

ла неподдельной. Банда чуть не прослезился. Он вдруг как-то сразу вспомнил, что не ошибся, стремглав полетев именно сюда.

Олежка не бросит его, поможет, чем сможет. Что-то придумает, что-то посоветует.

– Олег, я по делу.

– По делу?! Что-то случилось? – вдруг сразу посерьезнел Востряков, заметив суровые морщины у бровей друга. Он видел этот ледяной блеск голубых глаз Банды раньше, в Афгане, перед боем. Лед в глазах друга всегда означал, что ситуация серьезная и тяжелая, тяжелей некуда, и сейчас это знакомое выражение не на шутку испугало Олега, в мгновение ока заставив разволноваться.

– Случилось. Олежка, украли Алину.

– Как это? – смысл сказанного не доходил до Вострякова. – Ее обокрали?

– Нет, украли ее саму. Похитили. Взяли в заложницы. Называй, как хочешь, но ясно одно – Алина в беде, и ей срочно нужна моя помощь, – нетерпеливо попытался объяснить ему все Банда.

– Подожди, ничего не понял... Ты ел сегодня?

– Что?

– Ты завтракал?

– Ай, при чем тут завтрак?! Ты понял? Алину украли!..

– Я понял. Пошли в хату, перекусим, а заодно мне все подробно расскажешь.

Олег потащил Банду за собой, увлекая его в дом и еще со двора крича:

– Мать, накрывай на стол, Банда приехал!

* * *

– Вот теперь все ясно, – Востряков сосредоточенно барабанил костяшками пальцев по столу, выслушав рассказ Банды о том, что произошло с Алиной, и задумавшись. – И что ты намерен предпринять?

– Я приехал за оружием, – Банда на секунду обернулся, убеждаясь, что мама Олега не слышит их, занятая чем-то в соседней комнате. – Потом лечу на Брест, там постараюсь их перехватить.

– Да... Ситуация, однако, – Востряков о чем-то сосредоточенно думал. – Так, говоришь, на Прагу идут?

– Если верить арабу.

– Ну, я думаю, ты из него правду вытянул. Но у меня есть кое-какие соображения, – он взглянул на Банду, и огонек азарта горел в его глазах. – Берешь меня в компаньоны?

– В смысле?

– Я поеду с тобой.

– Нет, Олег. Ты свое отвоевал. Это мое дело и моя девушка. Зачем тебе рисковать...

– А когда ты меня вытаскивал из горящего бэтээра, какого черта ты рисковал?

– Тогда было совсем другое. Это была война, а на войне бывает всякое, там люди погибают каждую минуту...

– Банда, то, что сделали эти притырки, – это тоже война. Они объявили ее нам, и теперь с нашей стороны она будет куда более честной и справедливой, чем то, что мы делали с тобой в Афгане.

– Да, но...

– И согласишься, что вдвоем – уже веселее. Их все-таки восемь, а это целое отделение. Они вооружены, опасны и воевать, я думаю, научены. Разве я не прав?

– Да, но я не хочу, чтобы ты рисковал из-за меня...

– Банда, а если бы я к тебе приехал и рассказал такую историю о своей девушке, что бы ты сделал?

– Не знаю...

– А я знаю. Ты бы сорвался с места, бросившись на помощь мне в ту же секунду. Поэтому мне тебя даже уговаривать не стоит – ты и так все понимаешь. Я еду с тобой.

– Что ж, – Банда вздохнул, взглянул в серьезные глаза Олега и положил ладонь на его руку, – я тебе одно скажу: спасибо, друг. Мне с тобой, конечно, будет легче и спокойнее.

– Вот это другой разговор... Идем в клюню, покопаемся там среди банок с колбасами...

Банда только удивлялся, с каким проворством и сообразительностью принялся Востряков за подготовку к их нелегкой миссии по освобождению Алины.

Сначала он повел Банду в сарай, где из всего выкопанного оружия они тщательно отобрали лишь самый необходимый минимум. Банда на правах хозяина оружия к своему "вальтеру" добавил "узи", а Олег вооружился "береттой" и "Смит – Вессоном" с лазерным прицелом. Рассовав по карманам по четыре гранаты на каждого, они долго спорили, стоит ли брать с собой автоматы Калашникова, и Вострякову с трудом удалось уговорить Банду ограничиться только одним АКСУ, чтобы не превращать их машину в передвижной арсенал.

Старательно закопав оставшееся оружие и боеприпасы и спрятав выбранное ими вооружение под заднее сиденье "мицубиси-паджеро", ребята наконец выгнали машину из сарая, и Олег спросил:

– Поедем на твоей?

– Я думаю, да.

– А может, мой "опель" возьмем? Черт его знает, в каких переделках окажемся. Тебе своей ласточки не жалко будет?

– А черт с ней! Как досталась, так и уйдет. Но моя все же помощнее будет.

– Тогда нам надо на ней кое-куда подскочить.

– Куда?

– Садись в машину, я поведу. Увидишь.

Востряков пригнал "мицубиси" в маленький авторемонтный кооператив, где шесть человек в двух сараях, оборудованных всем необходимым, колдовали над разбитыми автомобилями. Он отвел в сторонку председателя кооператива, высокого лысоватого человека с серьезными и внимательными глазами, и о чем-то переговорил с ним, периодически кивая на джип Банды и показывая что-то на пальцах.

Наконец ремонтник вроде бы понял, что от него хотят, и, выгнав из сарая одну из бывших в ремонте машин, загнал на ее место "мицубиси". Он вывесил джип на подъемнике, снял колеса и подтащил поближе сварочный аппарат.

– Эй, Олег, чего вы собрались делать с моей тачкой? – забеспокоился Банда, но Олег лишь улыбнулся загадочно, переодеваясь в комбинезон автомеханика:

– Сейчас увидишь. Все будет тип-топ.

Вместе с председателем они долго подбирали и вырезали из куска нержавеющей жести две широкие пластины, а затем, забравшись под машину, старательно приварили эти пластины к внутренним поверхностям передних крыльев.

Потом председатель вынес из своего "офиса" еще две алюминиевые полосы, и Банда наконец-то понял, что это такое. Он видел такие штуки раньше, они назывались "защита передних крыльев". Он когда-то хотел поставить ее на джип, но знающие люди в Москве отговорили: мол, фирменная об-

работка крыльев на заводе обеспечивает сохранность кузова "паджеро" лет на десять минимум, и защищаться в этой ситуации – дело бесполезное и хлопотное.

– Олег, подожди, машине защита не нужна.

Здесь же анодированная сталь, она практически не ржавеет.

– Банда, при чем тут ржавчина? Иди сюда, посмотри, что у нас получается.

Сашке ничего не оставалось делать, как тоже забраться под машину и... лишь подивиться сообразительности Вострякова. Под крыльями теперь были приварены две небольшие и плоские железные коробки, которые полностью маскировались прикрепленной на четырех болтах защитой крыльев.

– Понял, зачем нам это нужно? – хитро прищурился Востряков.

– Честно говоря, я понял, что ты соорудил тайники, но только не понимаю, что нам там прятать – А если нам придется последовать за нашими друзьями в Польшу или Чехию?

– За границу?

– Именно.

– И здесь прятать наш груз? – Банда поостерегся при этом председателе произносить слово "оружие", но Востряков, видимо, полностью доверял механику.

– Да, Банда, "пушки" пригодятся нам и в Европе. Мало

ли что. А таможенники с пограничниками вряд ли будут в восторге от нашего недеklarированного груза.

– Да, ты, конечно, прав, но про какую Европу ты говоришь? У меня же нет загранпаспорта, кто нас выпустит?

– Ты серьезно? – у Вострякова от удивления даже вытянулось лицо, и Банда поспешил с оправданиями:

– Олег, ну когда мне было этим заниматься? Да и зачем? Я что, собирался куда-нибудь?

– Эй, Банда! Всякое ведь в жизни бывает! А вдруг бы ты в Германию решил махнуть когда-нибудь?

– Чего я там не видел?

– Э, не скажи!.. Ну ладно, давайте вешать колеса. Нам надо спешить. Надо еще кое-куда успеть.

Они привели машину в порядок, и пока Банда устраивался на пассажирском сиденье, Востряков, вынув из портмоне несколько бумажек, передал их председателю кооператива.

– Сколько я тебе должен? – Банда строго взглянул на Олега, когда тот вскочил за руль, выезжая с территории кооператива и направляясь к центру городка.

– Бутылку пива в Праге нальешь.

– Олег, я серьезно.

– А если серьезно, то помолчи. Это не только твое дело, но и мое. У тебя что, очень много денег?

– Вообще-то, не очень, но...

– Тогда позволь мне часть расходов взять на себя. Мы ведь с тобой равные компаньоны, правда? И не спорь! – катего-

рически закончил Востряков, заметив, что Банда пытается что-то возразить.

– Ладно. А куда мы едем?

– Сейчас увидишь.

Сначала Олежка отвез его к местному Дому быта – стандартной стеклянной коробке, коих в превеликом множестве понатыкали в свое время на просторах СССР. К счастью для Банды, цивилизация уже коснулась своим крылом этого забытого Богом уголка, и буквально через пять минут ребята вышли из заведения, имея цветные фотографии Бондаровича.

– Олежка, зачем?

– Увидишь.

Они вырулили на площадь, до сих пор украшенную позеленевшей бронзовой фигурой вождя пролетариата, и остановились на стоянке у огромного желтого здания, построенного в стиле сталинского классицизма, фасад которого украшали многочисленные таблички с названиями учреждений, самыми крупными из которых были Исполнительный комитет Сарненского Совета депутатов и милиция.

– У тебя документы какие-нибудь есть?

– Да, паспорт и удостоверение "Валекса".

– Давай свой паспорт.

– Зачем?

– Банда, уже пять часов вечера. Скоро все конторы закроются. Давай не будем терять время.

Банде ничего не оставалось делать, как только подчиниться. Олег забрал его паспорт и вышел из машины, коротко приказав:

– Жди меня здесь.

Он вышел минут через сорок, молча сел за руль и завел двигатель.

Банда, не выказывая любопытства, молчал, лишь пытливо поглядывая на Олега.

Когда они отъехали за несколько кварталов от площади, Востряков вытащил из внутреннего кармана старый общесоюзный паспорт Банды и новенький, темно-красный, с гербом СССР и надписью на двух языках на обложке – общегражданский заграничный, бланки которого до сих пор использовались во многих бывших республиках Союза, ставших суверенными.

– Поздравляю, Александр Бондарович, согласно этому документу, вы стали гражданином Украины и получили заграничный паспорт и разрешение на выезд сроком на три года от отдела виз и регистрации Сарненского управления внутренних дел.

– Ты что, серьезно? – Банда недоверчиво раскрыл документ. Действительно, оформленный на его имя паспорт имел два необходимых штампа "гражданин Украины" и "выезд разрешен сроком на три года". – Олег, как тебе удалось?

– Начальник ОВИРа – старый приятель. Он благодаря мне на "гольф" второй серии разъезжает.

– И сколько ты ему заплатил?

– Банда, говорю тебе еще раз, теперь уже в последний, – это дело стало и моим делом, поэтому брось считать, кто сколько и за что заплатил. Ясно?

– Ладно, не обижайся. Я просто не представлял, что этот паспорт можно добыть так быстро.

– Ха, а его так быстро и не добудешь! Знаешь, сколько времени ты бы ждал его, если бы был обыкновенным жителем Сарнов?

– Ну?

– Месяца два как минимум. Но специально по моей просьбе ты стал счастливым обладателем заветной бумажки ровно за полчаса. Разницу улавливаешь?

– Еще бы! Ну, а куда мы на этот раз?

– В аптеку.

– В аптеку?

– Банда, я думаю, что пару бинтов, жгут, йод, перекись водорода и какое-нибудь сильное обезболивающее нам совсем не помешают.

Олег сказал это очень серьезно, сосредоточенно глядя на дорогу, и Банда как-то вдруг разом почувствовал, что к их приключению Востряков относится гораздо серьезнее, чем могло показаться на первый взгляд. И Сашка лишь молча благодарно похлопал друга по плечу...

Алина запомнила это путешествие на всю жизнь.

Машину трясло немилосердно, и тяжеленные ящики грозно поскрипывали и постанывали, нависая над головой девушки. Слежавшееся сено уже практически не амортизировало тряску, и все тело ее теперь болело, превратившись, видимо, в единый огромный синяк. Уже несколько часов Алина ехала, стоя на ногах, не в силах ни прилечь, ни сесть от мучительной ноющей боли.

Периодически водитель их машины троекратно коротко сигналил, и тогда Хабиб, невозмутимо восседавший у прохода и всю дорогу не спускавший с нее глаз, вставал, подходил к ней и, оторвав кусок пластыря, заклеивал ей рот и снова сковывал за спиной руки наручниками. И тогда девушка понимала, что через несколько минут будет остановка, например, для дозаправки или на железнодорожном переезде. Ее охранники, видимо, здорово опасались, что девушка закричит, желая привлечь внимание к их машине, и предпринимали самые строгие меры предосторожности.

От постоянно рассеивавшегося по фуре дыма выхлопных труб у девушки нестерпимо болела голова. Это было жуткое мучение, и Алина мечтала о смерти не в силах вынести подобные испытания.

Ее сторож ни слова не понимал по-русски да и не стремил-

ся с ней объясняться. Поэтому девушка продолжала оставаться в неведении как относительно самой цели их поездки, так и ее конечного пункта.

Они были в дороге почти сутки, когда водитель снова коротко трижды просигналил.

Хабиб привычно встал и направился к ней, отрывая на ходу очередной кусок пластыря, но на этот раз он не ограничился лишь наручниками. Он достал из кармана тонкую шелковую веревку и, уложив Алину, ловко и быстро связал ее по рукам и ногам, превратив девушку в молчаливую и беспомощную куклу, а сам извлек из-под пиджака пистолет и, передернув затвор, притаился у проема. И по этим приготовлениям Алина поняла, что их караван ожидает что-то серьезное.

Некоторое время они, видимо, стояли в очереди, потому что машины продвигались буквально по несколько метров, часто останавливаясь и заглушая двигатели. В наступавшей тишине Алина слышала разноязычный и разноголосый гул вокруг ее темницы, ругань, хлопанье дверок и сигналы клаксонов.

Потом строгие голоса раздались у самого фургона, и девушка поняла, что происходит.

– Характер вашего груза?

– Все указано в документах, – она узнала этот голос с выраженным акцентом, он принадлежал маленькому тщедушному арабу, одному из ее похитителей.

– Господин Фаллах, потрудитесь отвечать на наши вопросы. Это не моя прихоть, вы проходите процедуру таможенного досмотра, и мы имеем право знать, что вы собираетесь вывезти через Республику Беларусь.

– Да, конечно, господин офицер! Мы возем запчасти к автомобилям "лада".

– Откуда?

– Мы официально зарегистрированы в Москве как дилеры АвтоВАЗа.

– Куда следует груз?

– В Чехию. В Прагу.

– Грузополучатель?

– Компания "Чехавтотранс".

– Так, ясно. Фуры опечатаны?

– Да. Пломбы московского отделения Российского таможенного комитета. Прошу убедиться, господин офицер, в их сохранности.

– Хорошо. Прошу вас предъявить документ об уплате транзитного сбора.

– Вот, господин офицер, пожалуйста.

– Все в порядке. Хорошо, господин Фаллах. Сколько у вас человек?

– Шестеро. По два на каждую машину – Давайте перейдем к досмотру кабин и днищ автомобилей.

– Прошу вас, господин офицер, пройдемте. Мы всеми силами готовы вам помочь.

– У нас совместный контроль с польской стороной, поэтому потрудитесь уплатить польские транзитные налоги. Сержант отведет вас куда нужно, пока мы будем досматривать кабины...

Голоса удалялись, и вместе с ними пропадала, угасала где-то вдали надежда Алины на освобождение. Девушка беззвучно горько заплакала, захлебываясь слезами, не в силах разжать склеенные лейкопластырем губы...

* * *

– Банда, мы выскочим на Брестское шоссе в районе Барановичей, и до Бреста останется километров сто восемьдесят – двести. Достаточно, чтобы обнаружить караван?

– Да, надеюсь. Если только они не успели проскочить раньше нас.

Банда сидел рядом с Востряковым, который ловко вел машину, на жуткой скорости летя по узкой дороге, пересекавшей полесские болота. Банда был мрачен. Как ни торопились они, но сборы, а главное – поиски бензина отняли слишком много времени, и из Сарнов они выбрались лишь к полуночи.

Двести километров, которые отделяли их от Брестской трассы, если верить атласу автомобильных дорог Европы, случайно оказавшемуся у Вострякова, их довольно скоростной "паджеро" должен был преодолеть часа за полтора, а зна-

чит, можно было запросто разминуться с конвоем арабов.

– Не волнуйся, Банда. Мы их обязательно найдем. Три автомобиля, пересекающих государственную границу, – не иголка в стоге сена.

– А ты уверен, что Алина еще будет с ними?

– Я ни в чем не уверен. Кроме того, что мы найдем этих арабов. А уж потом – дело техники узнать, где девушка.

– Ох, Олежка, боюсь, не все так просто.

– Банда, хочешь, я тебе одну вещь скажу, но только ты не обижайся, ладно? – Востряков коротко взглянул на Банду и снова впился глазами в ночную темноту, рассекаемую фарами "паджеро".

– Ну?

– Я тебя не узнаю. С каких пор ты стал нытиком? С каких пор ты стал чего-то бояться?

– Я люблю ее.

– Это я понял.

– Я боюсь, чтобы не случилось чего-нибудь страшного.

– Банда, когда мы шли с тобой в дозор или когда нас бросали на штурм перевала там, в Афгане, ты боялся чего-нибудь страшного?

– Сначала – да.

– А потом? Потом, когда ты и меня научил смотреть на вещи так же, как сам?

– Потом – нет. О худшем лучше не вспоминать. Тогда голова трезвее и лучше слушается тело.

– Банда, в тебе появился страх, ты начал бояться. А когда ты боишься, начинаю бояться и я, потому что я привык видеть рядом уверенного в себе и в своих друзьях Банду. А сейчас...

– Извини, Олежка. Просто раньше можно было бояться только за себя. Теперь я боюсь за Алину.

– Я знаю. Банда. Но думай лучше о том, как будешь наказывать этих мерзавцев, когда они попадутся в наши руки. Я думаю, оторвешься? – улыбнулся Востряков, подмигивая другу.

– Не то слово, – кулаки Банды сжались, и он машинально поправил свой "микро-узи", висевший под мышкой в наплечной кобуре. – Мало им, уродам, не покажется!..

* * *

Когда они пересекли наконец границу, Хабиб заметно повеселел. Он даже пробормотал что-то радостное, на своем непонятном языке обращаясь к девушке, но, не получив в ответ даже взгляда, обиженно засопел и, развязав Алину и содрав с ее губ пластырь, снова уселся у прохода с самым грозным и неприступным видом.

Алина села в углу их своеобразной маленькой камеры и сжала голову руками. Слезы принесли ей некоторое облегчение, но мысли, одна тяжелее другой, свинцовыми гирями перекачивались у нее в голове, вызывая ощущение чуть ли

не физической боли.

"Все. Я – в чужой стране. Даже не в Беларуси и даже не в Узбекистане. Здесь я – никто. Я без документов, почти без денег. Без всяких прав. Никто не знает, что я здесь. Я теперь в полной власти этих нелюдей. Что они сделают со мной? За что? При чем тут мой отец? Неужели они и вправду продадут меня в какой-нибудь бордель? Или прибьют, как последнюю собаку? Господи, помоги мне! Я ведь теперь точно им не нужна! От отца они не добились ничего, и теперь им нужно будет избавиться от меня любыми способами!"

Ей вдруг стало так жалко себя. Ей стало так обидно и так тоскливо, что она снова заплакала не в силах сдерживать слезы.

Она плакала не от страха, не от предчувствия ожидающих ее впереди ужасов и унижения. Она плакала от своей полной беспомощности, от одиночества, от чувства покинутости и заброшенности.

Даже образы матери, отца, Александра, возникавшие в ее уставшем воспаленном воображении, вызывали теперь лишь обиду и раздражение – они не смогли защитить ее...

* * *

– Ну что. Банда, вроде бы мы разминулись? – Востряков специально старался говорить спокойно и невозмутимо, ничем не выдавая своего беспокойства, чтобы лишний раз не

бередить рану друга.

– Да, кажется, разминулись. Ведь не могли же мы их настолько опередить?

– Мне тоже так кажется. Что ж, поехали на таможню.

Их "мицубиси" стояла на трассе при самом въезде в Брест, и впереди, километрах в полтора, сиял в темноте яркими огнями пост ГАИ, оборудованный при въезде в город.

– Знаешь, у белорусов есть странная привычка обыскивать все автомобили, передвигающиеся по ночам, поэтому, мне кажется, самое время попрятать наши "пушки".

– Ты думаешь?

– Вон там, на посту ГАИ, нас обязательно встретит законный в бронежилет спецназ, который перетрясет всю нашу машину. Ты уж мне поверь, я здесь не раз проезжал.

– Но ведь мы граждане другого государства!

– Это для них дополнительный фактор раздражения. Кстати, спрячь подальше свой российский паспорт. Теперь ты гражданин Украины, не забыл еще?

– Да, конечно.

– Кстати, ты не заметил, тот мост с высокими перилами, через который мы проезжали, далеко остался?

– Да нет. Километров пять-десять, не больше.

– Отлично. Едем. – И Востряков, оглянувшись, резко развернул машину, перепрыгнув через травяную разделительную полосу.

– Ты куда? Нам же к границе!

– Банда, ты собираешься прятать оружие на глазах местных спецназовцев?..

* * *

Когда пистолеты и боеприпасы были уложены в крыльях и навесная защита надежно скрыла следы присутствия тайников, Востряков взял АКСУ и улыбнулся Банде:

– Прощайся, Сашка, с этой "пушкой". Хороша она, но нам придется от нее избавиться.

– Ты думаешь?

– А ты думаешь, мы сможем ее протащить через границу?

– Я не знаю...

– А я знаю. У тебя лопата в машине есть?

– Вроде была.

– Тогда попробуем ее закопать. Запомни место – мост через Мухавец, левый берег. А вдруг когда-нибудь еще пригодится?!

...Скоро все было кончено, и "мицубиси", ведомая Востряковым, снова устремилась к границе.

– Тут, Банда, есть несколько переходов Частники идут на Варшавский мост, а для грузовых машин есть другой пункт, Козловичи. Мне кажется, нам надо сначала подъехать туда.

– Что бы я без тебя, Олег, делал, даже не представляю. Я же во всех этих делах такой профан...

– Банда, каждому свое. Кстати, не откроешь ли ты банку

с колбасой? Что-то я проголодался.

– Ты, как всегда, прав...

* * *

Получить полную информацию о машинах арабов оказалось крайне просто. Грузовики опередили их буквально на пару часов, и инспектор таможни, получив хрустящую сто-долларовую бумажку, оказался очень любезен, припомнив все до малейших деталей.

– Груз принадлежит фирме "Чехавтотранс", конечный пункт – Прага. А что, ребята, у вас с ними какие-то проблемы?

– Да, нам нужно с этими арабами кое о чем поговорить.

– Осторожно, ребята, их шестеро, и морды этих водителей мне не очень сильно понравились.

– А вы досматривали машины?

– Конечно.

– И больше никого не видели?

– В смысле?

– Ну, девушки с ними не было?

– Нет, а что?

– Да так. А в фуры заглядывали?

– Нет. У нас не было для этого оснований.

Фуры были опечатаны московскими пломбами, все таможенные и транзитные сборы уплачены. Документы, пломбы

– все было в порядке.

– Теперь все ясно, – Банда и Востряков многозначительно переглянулись. – Оружия, конечно, при них не было?

– Естественно.

– Ты понял. Банда?

– Что?

– Все было спрятано в фурах. Пломба целая – таможня не трогает. А где и как ставилась пломба – дело левое.

– Вы хотите сказать, что груз не соответствовал документам? – таможенник насторожился.

Если бы ему удалось перехватить контрабанду, он мог бы неплохо продать эту информацию польским коллегам. Дело в том, что польские таможенники получали по четыре тысячи долларов премии за каждый раскрытый случай контрабанды и с радостью покупали информацию о контрабанде у белорусов, оценивая ее в тысячу баксов. Обоюдовыгодное, так сказать, международное сотрудничество в действии.

– Нет, вряд ли. Просто у нас есть кое-какие подозрения насчет конечного пункта назначения. – Востряков постарался замять дело, рассеяв подозрения таможенника. Вряд ли было нужно втягивать в это дело официальные органы.

– Ну, смотрите... А, и еще. Вы ребята вроде хорошие, поэтому лучше я вас предупрежу, – таможенник помялся немного, как будто пытаясь вспомнить что-то важное, и, получив еще двадцатку, "вспомнил": эти фуры сопровождала легковушка. Черная "БМВ-318", последняя модель.

Номера, извините, в темноте не разглядел. Но в том, что она сопровождала груз, не сомневаюсь.

Она исчезла, как только машины пересекли границу.

– Спасибо. – Банда и Востряков встревоженно переглянулись: подтверждались все их предположения. – А вы случайно не подскажете, куда обычно направляются машины, желающие проехать на Прагу? По какой дороге в Польше лучше податься?

– Направление одно – Варшава, Лодзь, Вроцлав. А там, через хребет, и Прага. Там увидите, всюду указатели, так что проблем у вас не должно возникнуть.

– Ну спасибо.

– Желаю удачи.

* * *

Алина вздрогнула и испуганно оглянулась на Хабиба, когда на этот раз без предварительного сигнала машина остановилась. Видно, миновав границу бывшего СССР, бандиты потеряли всякий страх.

Кто-то снаружи загремел замками их фуры, затем прозвучала резкая команда по-арабски, и Хабиб, подскочив, снова ловко нацепил девушке наручники и подтолкнул ее к выходу.

В темноте разглядеть что-либо Алина не смогла.

Где они находились, она не понимала. Хабиб подвел ее к

"БМВ" и, втолкнув на заднее сиденье, закрыл за ней дверцу.

Ее бородатые охранники еще побеседовали несколько минут, стоя у "БМВ", а затем распрощались, разойдясь по машинам.

Рядом с ней снова уселся Хабиб, а на переднем сиденье устроился тот мрачный араб, которого вся банда почитала за начальника. За руль забрался араб, немного говоривший по-русски, и Алина почему-то обрадовалась: ей до смерти надоело находиться в неведении.

– Здравствуйте! Куда мы сейчас поедем?

– Звонить твоему папочке.

– Зачем?

– Не твое дело, женщина. Сиди и молчи, пока жива...

* * *

Увидев очередь частных и туристических автобусов, выстроившихся к КПП "Варшавский мост", Банда заметно заскучал и занервничал.

Хвост ее, теряясь в темноте и изредка обозначая себя тусклым светом фар, вытянулся не меньше, чем на километр.

– Ни черта себе! И сколько же нам здесь стоять придется? – Банда скорее выражал удивление и разочарование, чем желал добиться от друга конкретного ответа, но Востряков, прикинув, тут же вынес резюме бывшего путешественника:

– Если будем стоять, как все, то примерно сутки. А если будем понятливыми и не очень строптивыми...

– Сутки?! – Банда даже не дослушал товарища, пораженный названным временем. – Да арабы за пять часов так потеряются, что мы их никогда не найдем! А ты говоришь – сутки!.. Черт, и ничего нельзя придумать?

– Ну ты же, Банда, не дослушал. А я говорил, что если мы будем понятливыми, в Польше окажемся через полчаса.

– Это как?

– А ты смотри внимательнее, – и Олежка указал на какие-то тени, бродившие вдоль очереди.

Сначала Банда не обратил на них особого внимания, считая, что это уставшие за долгую дорогу водители и пассажиры прогуливаются по шоссе, с радостью разминая затекшие ноги. Наверное, были среди людей, бродивших вдоль очереди, и такие, но в основном эти ночные тени занимались совсем другим. Они двигались от машины к машине, заговаривая с каждым водителем, и их целенаправленное движение несомненно указывало на неслучайный характер их присутствия здесь, на – приграничной дороге.

Были здесь и торговцы сигаретами и водкой. Были "официанты", предлагавшие кастрюльку горячей картошки и кусок сала. Были сутенеры, готовые подсунуть за копейки поймавшую виды молодую девицу. И была здесь еще одна категория "работающих" – молодых, сильных, коротко остриженных, чем-то неуловимо похожих друг на друга. Ну, копия

тех ребят, с которыми поработал когда-то в Москве Банда в "фирме" незабвенного Виктора Алексеевича.

Один из этих ребят, заметив подрулившую крутую тачку Банды, направился к ним. Когда он подошел поближе, Востряков, сидевший за рулем, опустил боковое стекло.

– Привет, ребята!

– Привет, – переговоры как более опытный в таких делах повел Олег, и Банда молчал, не встречая и лишь внимательно прислушиваясь к их разговору.

– В Польшу?

– Туда.

– Очередь большая.

– Да. Но бывает и похуже.

– Конечно. Неделю назад на три километра растянулась, автобусов десятка два понаехало, вот погранцы и запарились... Тогда по трое суток своей очереди ждали.

– А сегодня?

– Сутки примерно... Но это ж, как в жизни: кто-то стоит в очереди, а для кого-то с черного хода дверь открыта.

– Это понятно, – Востряков подмигнул Банде дескать, клюнула рыбка, слушай внимательнее. – Вот только где этот черный ход отыскать-то? А то у нас времени мало.

– Найти поможем. Но дело денег стоит, – Сколько?

– Сотня. До инспектора. Инспектору еще две.

– Без вопросов.

– Давай.

– Держи, – и Олег, открыв портмоне, протянул стриженному парню стодолларовую бумажку.

– Ждите здесь, – с этими словами парень скрылся в темноте, метнувшись куда-то вдоль очереди.

– Олег, ты что, сбрендил?! У тебя что, баксы лишние? – Банда не находил слов, чтобы передать свое изумление таким опрометчивым, как ему казалось, поступком друга. – Да он же с этими долларами никогда в жизни не вернется!

– Пять процентов за то, что не вернется. Но девяносто пять. Банда, что через тридцать минут мы будем на той стороне Буга.

– А что такое Буг?

– Река местная, пограничная. Темный ты все же, старлей, как я погляжу! – засмеялся Востряков, незлобиво подкалывая Сашку.

– Иди ты! Небось, сколько раз эту границу пересекал.

– Поэтому и говорю, что у нас очень большие шансы опередить всю эту очередь.

– Ну посмотрим... Кстати, а у меня в паспорте визы на въезд в Польшу нет, я смотрел.

– У меня тоже. Ну и что?

– Так как же мы...

– Банда, ты про ваучеры когда-нибудь слышал?

– Издеваешься, что ли! Только при чем тут "чубайсики" и въезд в соседнюю страну?

– Чего? – растерялся Востряков. – Что за "чубайсики"?

– Ну, чеки приватизационные.

– А, господи! – Олег искренне рассмеялся. – Это у вас, в Москве, ваучеры чубайсовские. А у нас другие. Ваучер – такой документ, типа пропуска в страну, понимаешь? Его ты официально покупаешь в ряд стран, платишь баксами – и вперед. Никто тебе слова не скажет.

– Серьезно?

– Вполне. А ты что, не слышал про такое?

– Нет, не доводилось.

– Я же говорю – темный ты человек! – снова рассмеялся Олег, но теперь его шутка уже задела Банду:

– Иди ты в самом деле! Откуда я мог знать все эти ваши премудрости? Что я, за рубеж ездил, что ли?

– Банда, да не обижайся ты в самом деле... А вот, кстати, и наш благодетель.

И действительно, к их машине снова спешил тот самый парень, получивший от Вострякова сотню долларов.

– Все нормально, ребята, – бросил он в форточку, подбегая к их машине. – Давайте еще две сотни, для инспектора.

– Тебе? А почему не самому таможеннику? – совсем не в дугу влез Банда, подозрительно присматриваясь к этому парню. – Почему в конце концов мы тебе должны верить?

– Потому что у вас другого выбора нет, – спокойно ответил парень, ничуть, казалось, не смутившись. – Ты что, думаешь, у тебя таможенник прямо на посту бабки возьмет? Чтоб его потом какой-нибудь ОБЭП повязал?

– Что за ОБЭП?

– Отдел по борьбе с организованной преступностью. У нас теперь так бывшую ОБХСС зовут... Или эти, президентские контролеры, мать их за ногу...

– Банда, ну что ты в самом деле? – попытался и Востряков образумить друга.

– А я этому инспектору бабки после смены, в городе отдам. Неужели так трудно допетрить?

– Ладно, не обижайся, – Банда уже извлек из кармана две сотни и протянул парню, спеша исправить свою ошибку. – Это ж я не со зла. Просто я ваших порядков местных не знаю. Держи!

– О'кей... А теперь выкруливайте из очереди и потихоньку за мной поезжайте.

Вот когда Банде пришлось убедиться, что парни не зря ели свой хлеб. Их путь к заветному пункту досмотра был обеспечен, как говорится, на все сто: стриженные ребята буквально вручную расчищали путь их машине, расталкивая и распугивая особо прытких очередников, не желавших пропускать денежных нахалов вперед. В другое время Банда бы, наверное, сгорел со стыда или давно бы уже сам бросился наводить порядок в очереди, восстанавливая справедливость. Но сегодня он не мог поступить иначе. Он должен был как можно быстрее пересечь польскую границу, а потому, скрепя сердце, с каменным лицом восседал рядом с Востряковым, который вел машину, стараясь не смотреть на осыпавших их

проклятиями несчастных очередников.

– Ну, Банда, молись, чтоб наши "пушки" не засветили! – почему-то чуть слышно прошептал ему Востряков, въезжая на площадку досмотра, и только теперь до Банды как-то вдруг дошло, чем они рисковали, отправляясь через границу с оружием.

Но в этот день им все-таки, наверное, везло. Таможенник, бегло осмотрев их скудный груз, состоявший из нескольких стеклянных банок домашних консервов и двух-трех пачек сигарет, удивился про себя, ради чего эти ребята заплатили две сотни долларов, но виду не подал, подписывая декларацию о вывозе каждым из них суммы в пятьсот долларов, и перепоручил их пограничнику, который быстро проверил документы. Польская сторона заставила оплатить страховку автомобиля, и – пожалуйста! – шлагбаум поднят, Республика Польша открыта для них...

II

Банда и Олег сидели на открытой веранде маленького придорожного кафе, расположенного на въезде в красивый старинный городок Трутнов, раскинувшийся в долине за Седетскими горами, и, поминутно поглядывая на дорогу, за обе щеки уплетали что-то совершенно немислимое, что в этом заведении носило название "свиное колено".

Представьте себе огромный, невообразимых размеров кусок свинины, с трудом уместяющийся на вашей тарелке, с аппетитной прожаренной корочкой и костью, торчащей из него, с овощным салатом и картофелем фри в качестве гарнира – и вы поймете, что такое "свиное колено". И представьте себе к тому же, что вы почти сутки провели за рулем, стараясь разобраться в дорогах чужого государства и ехать как можно быстрее, но не превышая установленной скорости, и при всем при том не держа во рту даже маковой росинки, – и вы поймете, какой кайф ловили ребята, жадно поглощая это великолепное блюдо и запивая его, забыв обо всех гаишниках на свете, отличным чешским пивом.

И наконец, что их безмерно и приятно удивило, – вежливая официантка осталась вполне довольна десятью долларами, которыми они оплатили этот великолепный обед на двоих.

Настроение у ребят улучшилось.

Буквально час назад, пересекая границу Польши и Чехии, они обогнали на КПП конвой из трех грузовиков, на тентах которых крупно было начертано – "Чехавтотранс". Они вели эти машины от самой Лодзи и успели хорошо рассмотреть чернобородых водителей явно не славянских кровей.

Теперь друзья были точно уверены, что это именно те самые грузовики, которые им были нужны. И в одной из этих фур ехала Алина.

Теперь оставалась только самая малость: достать из тайников оружие и, выбрав удачный момент, освободить девушку.

Ребята не сомневались в успехе.

– Ну что, Банда, может, пришло время позвонить ее отцу? – вдруг спросил Востряков, и Сашка удивился: ведь он думал о том же.

– Да, я думаю, надо позвонить. Ведь уже двое суток, как я уехал из Москвы. И четыре дня, как выкрали Алину...

* * *

Три звонка в кабинете Большакова прозвучали один за другим.

Сначала телефон заверещал длинными нетерпеливыми трелями. Так он звонит только по междугородней связи. Владимир Александрович, не отходявший от телефона все эти дни, нетерпеливо схватил трубку:

– Аллю! Я слушаю!

– Это Москва? – донеслось до Большакова сквозь треск телефонных линий.

– Да, да, Москва! Кто это?

– Владимир Александрович?

– Я. Кто звонит?

– Ваши деловые партнеры, – и Большаков сразу узнал этот проклятый акцент. Ошибки быть не могло – звонили похитители его девочки.

– Что с Алиной? Где вы?

– Мы уже далеко. Как насчет нашего предложения?

– Господи, я на все согласен! Я поеду, куда скажете и когда скажете. Только отпустите мою дочь!

– Владимир Александрович, а вам Не кажется, что было слишком опрометчиво с вашей стороны подключать к нашим переговорам Федеральную службу безопасности?

– Я им ничего не сказал! Они знают только о том, что у меня украли дочь. Больше я им ничего не говорил!

– Но они прослушивают ваши телефоны и следят за вашим подъездом.

– Вы ошибаетесь!

– Нет. Исчез наш человек, который понес для вас пакет.

– Клянусь, ФСБ тут ни при чем! То есть здесь ни при чем.

Алло! Вы слышите меня?

– Хорошо слышу, можете так не кричать. Вы нарушили наш договор, и теперь мы считаем себя свободными от всяких обязательств по отношению к вам. В ваших услугах на-

ша сторона более не нуждается. Можете и дальше работать в своем очень закрытом институте в Химках.

– Подождите, а моя дочь?

– Какая дочь?

– Та, что вы похитили.

– Ах, эта девушка!.. Вы ее вряд ли когда-нибудь увидите. Она уже слишком далеко. Вы все испортили. Можете взять пистолет и застрелиться, генерал...

– Что?

– Папа, не слушай! Со мной все будет... – ворвался вдруг откуда-то голос Алины, но тут же оборвался, так же внезапно, как и появился.

– Алло, Алинушка! Что с тобой? Где ты?

Но трубка была уже мертва, отзываясь на все его крики лишь безжалостными и безжизненными короткими гудками...

* * *

Исфahalла звонил из маленького придорожного венгерского мотеля, прямо из комнаты, где они собрались, и Алина хорошо слышала каждое его слово. Иногда через неплотно прижатый к уху араба микрофон до нее даже долетал далекий голос отца.

Предложение Исфahalлы застрелиться моментально высвободило всю ту ярость, которая копилась все эти дни у нее

в душе. Они везли ее в своем "БМВ" теперь куда-то на юг, совсем не в Чехию.

Они проехали уже Словакию, почти всю Венгрию и специально сняли эту комнатку в пригороде Дебрецена, чтобы позвонить ее отцу.

Теперь уж она не ждала от них ничего хорошего. Не надеялась на освобождение или на спасение. Она, по существу, смирилась со своей участью. Но этот подлый звонок, специально сделанный, чтобы побольнее ранить отца, окончательно взбесил ее.

И как только Исфahalла провякал про то, что Владимиру Александровичу пришло время застрелиться, Алина кошкой метнулась к проклятому иранцу, одним ловким ударом ребром ладони по шее свалила его с ног, вырвав телефонную трубку, и закричала:

– Папа, не слушай! Со мной все будет хорошо...

Но договорить не успела – подскочивший Хабиб так сильно ударил ее в лицо, что девушка, еще не успев упасть, тут же потеряла сознание, заливаясь кровью из в очередной раз разбитого носа...

* * *

Не прошло и трех минут, как телефон снова взорвался длинными трелями междугороднего звонка.

– Алло! – подскочил к аппарату Владимир Александро-

вич. – Алина, это ты?

– Нет, это Александр. Бондарович, телохранитель Алины, помните?

– Ах, да, Саша, конечно.

– Что, у вас есть новости?

– Только что звонили эти бандиты, и на секунду трубку удалось схватить дочери.

– Что они сказали?

– Что я могу застрелиться. Что Алина далеко и больше никогда ко мне не вернется.

– Подонки!

– А ты откуда, Саша?

– Из Чехии, из Праги. Пансионат "У святого духа".

– Господи, что ты там делаешь?

– Здесь Алина. А что, они вам не сказали?

– Нет... А почему Прага?

– Они ее вывезли сюда.

– Господи!.. Саша, ты ее видел? Как она?

– Нет, пока ничего не знаю. Мы с другом только сели им на хвост. Мы точно знаем, куда придет конвой...

– Что за конвой?

– Три грузовика, в одном из которых вывезли Алину.

– Саша, но почему Чехия? Почему ничего нельзя было сделать здесь? Может, нужно было подключить органы? И вообще, как они смогли вывезти ее из страны?

– Это долгий разговор, Владимир Александрович. Знайте

только, что все нормально. Через полчаса мы войдем в контакт с бандитами.

– Что это значит? – в голосе Владимира Александровича зазвучало такое неприкрытое волнение, грозящее вылиться чуть ли не в истерику, что Банда поспешил закончить разговор:

– Все будет хорошо. Мы обязательно освободим Алину. Мы еще позвоним вам, Владимир Александрович. Знайте, все будет хорошо. Я вам это обещаю, слышите?

– Да, да, Саша...

– До свидания, Владимир Александрович.

– Саша, подождите...

Но второй раз за вечер разговор оборвался на полуслове, – в трубке зазвучали короткие нервные гудки.

* * *

– Олег, здесь что-то не так.

Банда, повесив трубку, обернулся к Вострякову, и Олег поразился, увидев неприкрытую тревогу на его лице.

– Что не так? Что-то случилось?

– Кажется, да.

– Что тебе сказал Большаков?

– Ему только то, буквально передо мной, позвонили бандиты, и он слышал голос Алины.

– Как? Они же еще...

– О чем я и говорю. Мы ждем конвой здесь, а кто-то в это время звонит Большакову в Москву, и Алина у него в руках.

– Я ничего не понимаю.

– Вот это-то и самое страшное. Неужели мы с тобой ошиблись? Неужели это не наш конвой? Ведь это значит, что мы потеряли Алину. Ты понимаешь, Олег?

– Банда, что за паника? Мы пока ничего не знаем. Но это еще ничего не значит, – Востряков, заметив, как безвольно опустили плечи друга, как на лице его появилось выражение усталости и отрешенности, испугался за него. Он толком не знал, что надо говорить, но чувствовал, что если сейчас, буквально в эту самую Минуту, не встряхнуть Банду, не вывести его из состояния оцепенения и апатии, случится непоправимое – Банда сдаст. И вот тогда надежды на спасение девушки будут потеряны навсегда. – Банда, ты, как баба. Ты услышал звон и, не зная, откуда он, начал паниковать. Через двадцать минут конвой прибудет на склад. Мы знаем уже, где это. Мы разработали план, а ты – как последний козел. Соссал, что ли?

– Я тебе сейчас дам в морду.

– Дай, если легче станет после этого. Как ты себя ведешь? Алина ждет твоей помощи, а ты раскудахтался, как непотребная курица! Возьми себя в руки, старлей!

Он подошел к Банде и, приобняв его за плечи, сильно встряхнул, будто возвращая его к реальности из глубокого обморока.

– Банда, ты слышишь меня?

– Да, Олежка. Извини. Это была слабость, случайная слабость. Спасибо. Все. Все прошло... Так у нас осталось двадцать минут?

– Да. Пошли?

– Пошли...

* * *

Третий звонок в кабинет Владимира Александровича раздался буквально через несколько секунд после того, как повесил трубку Банда. Это был звонок местный, московский, и в тишине квартиры он прозвучал особенно резко и требовательно.

– Владимир Александрович?

Голос в трубке был такой же резкий и требовательный, как и звонок, и Большаков почувствовал, как почему-то дрогнул его голос, предательски выдавая волнение.

– Да, я.

– Полковник Треухов, ФСБ.

– Очень приятно...

– По поручению Анатолия Ивановича – вы понимаете, о ком я говорю? – мы ведем ваше дело.

– Да, да, – Большаков понимал пока что одно: Анатолий Иванович – это тот дальний приятель-кэгэбист, начальник одного из управлений безопасности, которому он рассказал

о похищении дочери и попросил помочь ее разыскать.

– У нас к вам, Владимир Александрович, возникает слишком много вопросов. Не хотите ли вы приехать к нам, чтобы мы могли поговорить откровенно и получить от вас кое-какие объяснения.

– Конечно... Но когда? Прямо сейчас? – было уже далеко за полночь, и Большаков не представлял себе, как он доберется – такси, что ли, ловить?

– Да, сейчас. Машина будет через десять минут у вашего подъезда.

– Хорошо...

– И постарайтесь больше никому не рассказывать о нашем разговоре. Вы меня поняли? Ждем. До встречи, – в третий раз за сегодняшний вечер телефонный разговор обрывался резко и неожиданно, оставляя после себя гораздо больше вопросов, чем ясности...

* * *

Кто-то плеснул ей, в лицо холодной водой, и только тогда Алина пришла в себя.

С трудом открыв будто налившиеся свинцом веки, она увидела лицо склонившегося над ней Исфahalлы. Оно было перекошено от злобы и ненависти, и девушка поспешила снова закрыть глаза, мечтая лишь об одном: чтобы этот кошмар пропал, чтобы она снова проснулась в своей тихой мос-

ковской квартире и мама позвала ее пить утренний кофе.

Но кошмар не хотел ее покидать.

– Проснулась, свинья? Вставай, хватит валяться! Нежная она, видите ли! Вставай!

И чьи-то сильные руки рывком подняли ее на ноги.

Страшно болел разбитый нос. Голова гудела, как колокол, глухой звон отдавался в ушах. Ноги были словно чужие, отказываясь держать легкое девичье тело, предательски подрагивали в коленях. Если бы ее не держали, она бы снова упала.

Алина разомкнула свинцовые веки и прямо перед собой снова увидела Исфahalлу.

– Врезать бы тебе еще разок, чтобы запомнила раз и навсегда, как надо вести себя с мужчинами! Но сдохнешь ведь!.. Ладно, запомни там, куда мы тебя отвезем, тебя живо научат, как надо обслуживать мужчин и как надо уметь себя с ними вести. Поняла, сучка? Турецкий бордель тебе обеспечен!

Он замахнулся, как будто действительно желая ударить ее еще раз, и даже Хабиб, державший девушку за плечи, ни слова не понимавший по-русски и ничего не разобравший в угрозах Исфahalлы, сделал инстинктивное движение, будто пытаясь защитить ее от удара.

– Веди ее в машину, Хабиб, – скомандовал ему по-арабски Исфahalла. – И не спускай с нее глаз. Через пять минут придет доктор Хайллабу, и мы отправляемся...

Банда и Востряков появились у ворот открытой складской площадки "Чехавтотранса" минуты на три раньше конвоя.

Притаившись в темноте по обе стороны ворот, они подождали, когда машины остановились и старший конвоя пошел договариваться о пропуске на склад с охраной.

План был разработан заранее, и теперь оставалось только четко реализовать его.

Парни подобрались к последней, замыкавшей конвой машине и, одновременно рванув на себя обе двери водительской кабины, в мгновение ока вытащили окаменевших от неожиданности иранцев из грузовика. Все было сделано тихо и профессионально: несколько коротких ударов, и надолго выключенные обмякшие тела исчезли в темноте, а место в кабине заняли бывшие спецназовцы.

Им повезло, что водители даже не стали глушить двигатели и в реве моторов никто не заметил ничего подозрительного.

Конвой тронулся и медленно вкатил на территорию складской площадки, направляясь, как по заказу, в самый дальний, плохо освещенный угол.

Банда и Востряков только радостно переглянулись, вырывая следом за иранцами, В эту ночь им вроде бы везло.

Машины наконец остановились, двигатели были выключены.

чены, погасли фары, и в наступившей темноте и тишине прозвучало несколько резких команд по-арабски.

Водители выпрыгивали из машин, собираясь вокруг маленькой и худенькой фигурки начальника, и в темноте ночи никто из них не понял, откуда взялись эти двое, в мгновение ока обезвредившие всех грозных иранских боевиков.

А для Банды и Олежки эта работа показалась разминкой: вдвоем, пользуясь темнотой и неожиданностью нападения, справиться с троими ничего не подозревающими кадрами не составило никакого труда. Четвертого, этого худенького и маленького иранца, Банда сгреб одной рукой, легко приподняв и оторвав от земли, и несколько раз для профилактики стукнул головой о борт грузовика, как будто доказывая, что время шуток прошло.

Они не случайно захватили именно его: про совсем маленького иранца, сносно говорившего по-русски, рассказал им еще инспектор на Брестской таможне.

– Где девушка? – шепотом спросил его Банда, приблизив свое лицо вплотную к его округлившимся от страха глазам.

– Какой девушка? – попробовал заверещать иранец, но Банда коротко двинул его под дых, сбивая дыхание, и шепотом же предупредил:

– Еще раз попытаешься кричать – убью на месте.

– Какая девушка? – уже тихо отозвался иранец, с трудом переводя дыхание. – Я честный бизнесмен. Я гражданин Ирана. У нас здесь фирма. О какой девушке вы говорите?

– О русской девушке, которую вы вывезли из Москвы. Неужели забыл, дорогой?

– Я ничего не знаю.

– Правда? – Банда нащупал в наплечной кобуре рукоятку "вальтера" и вытянул его из-под куртки, уткнув ствол в шею иранца, снизу вверх приподнимая его за подбородок.

– Ничего не знаю, – гораздо менее уверенно повторил иранец, и Банда вдруг сразу понял, что они на верном пути. Это придало парню сил и настойчивости.

– Это мы сейчас проверим. Олежка, посмотри-ка по фурам. Может, что интересное найдешь?

Востряков исчез в темноте, и лишь чуть слышный скрип открываемых запоров и треск срываемых пломб обозначал его присутствие. Минут через десять он вернулся, и все это время Банда держал иранца на прицеле, не убирая пальца со спускового крючка и не произнося ни слова, тем самым вселяя в своего пленника инстинктивный животный ужас.

– Нашел. Она была здесь. Там, во второй фуре, среди ящиков устроено логово. Постелена солома.

Там явно кто-то ехал.

– Отлично. Так что, будешь говорить?

– Я не знаю. Мы все опечатали еще в Москве...

– Ладно. Поговорим в другом месте. В машину его.

Они втроем забрались в кабину ближайшего грузовика, и Банда завел двигатель, вырубивая к выезду со стоянки и разгоняясь посильнее.

Охрана склада только удивленно проводила глазами грузовик с бешеными иранцами, на полном лету вынесший ворота стоянки и исчезнувший в ночной темноте.

Банда остановилась через квартал, затормозив около их "мицубиси-паджеро". Они вдвоем быстро перетащили пленника в джип, вскочили в машину и стремительно понеслись на выезд из города, стараясь как можно дальше отъехать от склада.

Операция прошла, как по маслу – никто из свидетелей не смог бы узнать ни их, ни машину, зато в руках у них был ценный язык, умевший говорить по-русски.

Теперь ребята не сомневались в успехе...

* * *

Этому полковнику Владимир Александрович рассказал все – и про иранцев, и про похищение, и про Банду. Он объяснил каждое слово из записанных кэгэбэшниками на пленку телефонных разговоров. Он рассказал обо всех контактах с представителями Ирана. Он подтвердил, что единственным посвященным в эти дела был Банда.

Он не знал, почему это сделал.

Может быть, просто устал. А может, испугался.

Полковник Треухов разговаривал с ним грубо и снисходительно. Называл его почему-то не по имени-отчеству, а генералом:

– Генерал, ты понимаешь, что наделал?

– Генерал, в неприятную ты штуку влез!

– Генерал, теперь у тебя один путь – сделать все, что мы тебе прикажем...

Владимир Александрович в жизни никогда не чувствовал себя таким униженным, как во время этого разговора.

Но особенно его поразило и озадачило последнее высказывание полковника Треухова:

– Короче, генерал, действовать будем так. Дочь твою постараемся найти, если она еще жива. Но это неважно. Главное – ты поменяешь место службы.

Пора расстаться с Военно-космическими силами, с институтом в Химках. Теперь у тебя будет другая задача. Стране крайне необходимо твое участие в немного другой сфере. Возможно даже, что тебе придется уехать из Москвы. Станешь отныне скорее всего адмиралом. В ближайшее время вопрос будет решен, тебя известят. Вопросы?

– Никак нет, – почему-то, как старшему, ответил Владимир Александрович, вжимая, как от удара, голову в плечи. – Только Алинушку найдите, я вас прошу!

– Найдем... И вот еще что. Про этого парня, Бондаровича, надо забыть. Не было его никогда. Ясно?

– В смысле?

– Ты его никогда не встречал. Понятно?

– Да...

– Ну тогда ты свободен. Машина отвезет тебя домой. И

помалкивай. Даже жене ни слова...

* * *

Кончались уже третьи сутки их бешеной гонки по Европе. Алина не знала, что ждет ее впереди.

Они проехали уже несколько стран, и теперь впереди открывалось море, голубой каемкой разливаясь по горизонту.

Теперь они неслись по Болгарии, и почему-то одно слово крутилось бесконечно в оступевшей от боли и усталости голове девушки: "Братушки". Да, вокруг были болгары, братушки, но никто не мог помочь ей, прижатой к заблокированной дверце "БМВ" мощной фигурой Хабиба.

Несколько раз в разговорах иранцев прозвучало слово "Варна", и Алина поняла, что за прекрасный город открывает им свою панораму...

* * *

На этот раз в отличие от того, московского допроса Банда не нашел в себе сил и терпения, чтобы получить нужную информацию аккуратно и нежно, тратя время на поиски психологических подходов.

Он просто двинул пару раз этому хлюпику так, что его душа рванулась было из брэнного тела на свидание к любимому.

му Аллаху и только волею случая вернулась обратно.

И иранец заговорил.

– Да, мы везли девушку. Она ехала от самой Москвы в запломбированной фуре. В том тайнике, который вы нашли. Мы с ней хорошо обращались, клянусь Аллахом! Кормили, поили...

– В запломбированной фуре? Это каким же образом, интересно?

– Мы им с собой еду дали.

– Кому это "им"?

– С ней все время был сторож, Хабиб. Человек-великан. Очень большой и сильный.

– Где она сейчас?

– Я точно не знаю...

– Нет, ты вспомнишь, – Банда снова угрожающе поднял кулак, и иранец заторопился, от волнения проглатывая слова:

– Подождите, не бейте... Вы меня не так поняли. Я знаю, куда ее везут, просто я не знаю, где именно они сейчас; Хайллабу с Хабибом и Исфахаллой забрали ее сразу после Лодзи...

– А как же фура снова оказалась опечатанной?

– Мы купили пломбы... Они повезли ее на юг, в Болгарию, в Варну, чтобы морем вывезти в Турцию.

– Зачем?

– Хайллабу очень злой на ее отца. Он не согласился рабо-

тать на нашу страну. И Хайллабу решил отомстить, сделать самое ужасное, то, что не сможет выдержать сердце отца.

– Ты наконец скажешь или нет, что они задумали?

– Они продадут ее в публичный дом. Где-нибудь в Турции. В каком-нибудь маленьком городке. Там ее в конце концов замучают, или посадят на иглу, или убьют. А отцу пришлют на память несколько фотографий или видеокассету.

– Сволочи! – Банда вскочил, в ярости собираясь отыгаться на этом маленьком иранце, и только благодаря реакции Вострякова, успевшего повиснуть на плечах друга, иранец остался в живых.

– Банда, стой! Этот хрен при чем? Хайллабу будем убивать. Долго, медленно, мучительно. Слышишь, Банда? Успокойся, я тебя прошу. Банда, у нас нет времени, нам надо спасти ее!

– Да, сейчас... – бешено сверкая глазами и с трудом переводя дыхание, Банда постарался взять себя в руки. Наконец ему это удалось, и допрос был продолжен:

– Во сколько вы расстались в Лодзи?

– Сейчас припомню...

– Быстрее!

– Около полудня. Мы там долго стояли. Намаз, омовение... Поели немного...

– Олечка, быстро считай, сколько от Лодзи до Варны!

– Примерно полторы тысячи километров, – через несколько минут доложил Востряков, прикинув приблизи-

тельное расстояние по своему атласу автомобильных дорог Европы.

– На чем они?

– "БМВ". Черный. Последней модели, по-моему... – услужливо начал объяснять иранец, но Банда не дослушал:

– Триста восемнадцать "i". Таможенник в Бресте, помнишь, рассказывал о нем.

– Да, – Олег призадумался. – Банда, им почти всю дорогу идти по горам, так что средняя скорость не превысит восьмидесяти километров в час. А значит, в пути они будут практически сутки. А еще намаз какой-нибудь или там еще какая херня...

– А от нас до Варны?

– Примерно столько же, – грустно заключил Востряков, сверившись со своим атласом.

– Вот тебе, Олежка, и ответ. У них полсуток выигрыша. Все. – Банда растерянно посмотрел на друга. – Мы в пролете.

И вдруг что-то изменилось в глазах Вострякова.

Как будто какая-то мысль оживила их, зажгла, и веселые чертики снова запрыгали в них, делая их обладателя вновь похожим на неунывающего весельчака Олежку Вострякова.

– Говоришь, в пролете? Да? Банда, мы выиграли! Мы будем там первыми! Мы опередим их!

– По-моему, ты сошел с ума...

– Банда, да послушай же! Мы будем не в пролете, а в полете!

– На самолете?..

– Именно!

– Это, конечно, позволит нам быть первыми, – ни радости, ни восторга предложение Вострякова у Банды почему-то не вызвало. – Но что дальше? Ты хочешь штурмом брать их машину или катер с голыми руками?

– Банда, что-то я тебя не понимаю...

– Олечка, милый, я хоть и темный, но отлично знаю, что в аэропортах тебя просветят до последней кишки. Это в машине есть тайник. А где ты спрячешь "пушки", когда пойдешь через электромагнитные ворота? Куда ты денешь оружие, когда будут просвечивать твою сумку?

– Банда, ну не говорил ли я, что ты – человек темный и малообразованный.

– Что тебе еще от меня нужно? – устало и безразлично, даже не разозлившись, спросил Сашка. – Иди лучше этого иранца отпусти на все четыре стороны.

– погоди с иранцем! Знаешь, зачем в аэропортах контроль? Чтобы предотвратить случаи терроризма.

– Так что?

– А кто из летчиков не боится угона самолета?

– Кто? – Банда совсем не врубался, куда клонит друг.

– Частник! – Востряков победно вскинул вверх руку. – Мы полетим на частном самолете, Банда!

Быстрый огонек интереса вспыхнул в глазах Банды, но тут же погас, как будто снова опускающая голубую радугу его глаз в

пучину равнодушия и покорности судьбе.

– Где ты его возьмешь, Олежка?

– Как где? В аэропорту! Я вот только название забыл. Там, в пансионе, откуда ты звонил Большакову, я видел рекламу...

– Ты серьезно?

– Вполне!

– Так чего же ты молчишь?

– Я тебе это уже полчаса объяснить пытаюсь!

– Так бы сразу и сказал!.. Где аэропорт?

– Не знаю.

– А кто...

– ...таксист, – опередил его вопрос Востряков, улыбаясь.

– Какой таксист?

– Да любой таксист, Банда!

– Стой, а деньги на полет?

– А тебе "мицубиси" сильно нужна?

Бондарович несколько минут молчал, взглядываясь в лицо друга, а потом произнес только одну фразу:

– Знаешь, Олежка, что-то я не могу понять: то ли я такой тупой в последнее время стал, то ли ты у меня – ну просто гений!..

* * *

Полчаса спустя по шоссе, ведущему из города, неслись две машины – белый "мерседес" – такси с Востряковым в са-

лоне и "мицубиси", управляемая Бандой. Их путь лежал на небольшой пригородный аэродром, выделенный лет восемь назад городскими властями под нужды частных авиакомпаний и собственников маленьких крылатых машин.

Как Востряков и предсказывал, таксист с радостью согласился за десять долларов отвести ребят в "Хрубицку Гору", как называлось это место, и в результате, расставаясь с Прагой, Банде и Вострякову надо было решить лишь один вопрос – куда девать маленького иранца, единственного свидетеля их приключений и самого информированного об их планах человека.

Выход нашел Банда, и, как обычно, довольно оригинальный: он приковал их пленника наручниками к фонарному столбу в ближайшем парке, рассчитывая, что до утра несчастного араба не найдут, а утром чешские власти уже никак не смогут помешать осуществлению их планов...

Светало, когда ребята, расплатившись с таксистом, въехали на летное поле. Охрана аэродрома поначалу крайне подозрительно отнеслась к их появлению, но небольшие чаевые вполне ее успокоили, и ребята получили даже дельный совет.

Один из охранников вспомнил, что пан Вацек уже возит-ся у своего самолета. А пан Вацек часто выполняет заказы клиентов на перевозку. Попробуйте, мол, уговорить его.

Аэродром в эти предутренние часы был тих и пустынен, и парни без труда заметили человека, копавшегося в моторном отсеке маленького самолета.

– День добрый! Пан Вацек?

Чех вздрогнул и удивленно оглянулся, чуть не выронив из рук гаечный ключ.

– Вы что, русские?

– Да. А вы знаете язык?

– В школе когда-то учил. Что вам надо?

– Чтобы вы покатали нас на своем самолете.

– С какой стати?

– Пан Вацек, нам очень нужно попасть в один городок, и нам посоветовали обратиться к вам. Говорят, вы что-то вроде воздушного таксиста.

– Кто это сказал?

– Охранники аэропорта.

– Что ж. Вам повезло. Осталось работы минут на пятнадцать, и моя "Сессна", надеюсь, сможет вам помочь.

– Так это и есть "Сессна"? – удивился Банда, вспомнив название легендарного самолета, под управлением Матиаса Руста наколовшего всю противовоздушную оборону огромной страны и приземлившегося прямо на Красной площади Москвы, у самых стен Кремля.

– Она, – ласково похлопал ладонью по борту свой самолет пан Вацек.

Банда даже удивился, до чего этот человек был похож на классический, сложившийся у него в сознании образ чеха: невысокий и лысоватый, усатый и кругленький, с выпирающим животиком, свидетельствующим как нельзя лучше о

пристрастии хозяина к хорошему пиву. Его лицо было открытым и улыбочивым, но одновременно хитрым и, как говорится, себе на уме – ну просто копия бравого солдата Швейка. На вид ему можно было дать лет сорок пять – пятьдесят, и это обстоятельство тоже обрадовало Банду: с человеком, что-то повидавшим на своем веку, всегда легче найти взаимопонимание, особенно в таком непростом деле, с каким они пожаловали к этому пану Вацеку.

Летчик тем временем, видимо, почувствовал пристальный взгляд Банды, и что-то, наверное, его насторожило. Он отвлекся от своей работы и внимательно присмотрелся к этим русским:

– А куда мы полетим, кстати?

– В Болгарию.

– Куда?! – глаза его округлились и от удивления медленно полезли на лоб.

– В Болгарию. В Варну.

– Вы, наверное, издеваетесь надо мной?

– Нет, мы очень серьезно. Я бы даже сказал, слишком серьезно, – тон Банды действительно исключал даже малейший намек на шутку.

– Мы вам хорошо заплатим, пан Вацек, вы не беспокойтесь. Мы сознаем весь риск и всю сложность этого полета, – поспешил на помощь Банде Востряков, справедливо считая себя более опытным в обхождении с людьми, – и оплата, пан Вацек, я вас уверяю, вам очень понравится.

Востряков знал одно ценное правило: если хочешь произвести на человека хорошее впечатление, если хочешь войти в доверие – не ленись повторять имя этого человека. Звучание собственного имени – самое привычное, самое приятное и "самое располагающее к доверию звучание.

И на этот раз, кажется, правило психологов сработало – лицо чеха немного смягчилось, и он уже не смотрел на них, как на полных идиотов. Чувствовалось, что по крайней мере суммой оплаты он заинтересовался.

– И сколько это будет стоить? Паны понимают, что мы будем лететь часов пять-шесть и что на это уйдет уйма горючего? И что мне столько же горючего надо, чтобы добраться назад? Паны понимают, что румыны – странные люди, и я не пожелал бы даже своему врагу летать над их территорией? Паны действительно все это учитывают?

– Ну конечно, пан Вацек! – инициативу разговора Востряков теперь твердо взял в свои руки, даже отодвинув плечом Банду подальше. – Мы вам заплатим очень хорошо. Пять тысяч долларов наличными.

– Сколько? Пять тысяч! – чех, конечно, обрадовался предложенной сумме, но вовремя сообразил, что с этими ребятами можно и поторговаться. – Неплохо, конечно, но если бы вы заказали Францию... Румыния – очень нехорошая страна, цыганская страна. Там так опасно летать...

– И мы оставим вам наш автомобиль, – с нажимом, не давая летчику опомниться, продолжил Олег. – Посмотрите –

"мицубиси-паджеро", возраст три года. Да ей самая бросовая цена – тысяч десять – пятнадцать.

– Да, но...

– Конечно, нотариально мы договор заверить не успеем. Но у вас будут все документы на руках, мы вам дадим даже наш московский адрес, и вы в любой момент сможете все переоформить.

– Ну тогда...

– Летим?

– Летим!..

* * *

– Олег, где ты возьмешь пять тысяч долларов наличными? – с ужасом шептал Банда на ухо другу, спрятавшись за хвостом "Сессны", пока хозяин производил последние приготовления. – Ты что, охренел?!

– Банда, а неужели ты думаешь, что в декларации в Бресте я указал всю свою валюту?

–?..

– Я не настолько наивен. Банда, чтобы ехать с тобой на приключения с пятьюстами долларов в кармане.

– Олежка... – Банда даже не находил слов признательности, чтобы более-менее внятно выразить другу свою благодарность. – Олежка, друг, иногда я просто не понимаю, а что бы я вообще без тебя делал?!

* * *

"Странные эти русские! – думал между тем пан Вацек, доверху заполняя баки "Сессны". – Нас в нищету вогнали, сами живут еще хуже, а деньгами бросаются налево и направо. Если я скажу кому из друзей-летчиков, что слетал в Варну за двадцать тысяч долларов, они же от зависти поумирают!"

* * *

В одиннадцать часов утра "Сессна" с чешскими опознавательными знаками с Бандой и Востряковым на борту приземлилась на лугу в трех километрах от Варны...

III

Они явно опередили бандитов. Те еще никак не успели бы добраться до Варны по дорогам трех стран.

И теперь перед Бандой с Востряковым встал самый важный вопрос – как найти их в этом городе?

Как успеть хоть немного продумать план действий, осмотревшись на местности, чтобы атака оказалась успешной?

Раздумывать было некогда, и ребята приняли единственно правильное решение – они попросили первого попавшегося таксиста отвести их в порт, к частным причалам, и здесь, устроившись на горке так, чтобы видеть практически всю бухту, стали дожидаться появления похитителей.

Черный "БМВ-318" въехал в порт около трех часов дня...

* * *

Алина уже почти ничего не соображала.

Отупевшая от побоев, ужаса и унижения, она безучастно смотрела в окно "БМВ", глядя на пролетавшую мимо чужую счастливую жизнь. На себе она поставила крест. Она считала себя уже умершей, и ей было практически все равно, что произойдет с ней дальше, какие еще кошмары уготованы ей судьбой...

Машина въехала в порт.

Исфahalла уверенно, точно зная, куда подъехать, направился к одному из самых дальних причалов, к которому была пришвартована красивая белая яхта без названия на борту...

Девушка теперь воспринимала реальность, как кошмарный сон. Вот они подкатили к яхте. Вот их встречают какие-то бородатые люди, и вновь приехавшие троекратно с ними обнимаются, приветствуя друг друга. Вот Хабиба сменяет кто-то из новых бородачей, и ее ведут куда-то вниз, в маленькую и тесную каморку в самом носу суденышка. Вот она снова остается одна, накрепко запертая, и лишь мерный шелест воды о борт да гортанные голоса на палубе связывают ее как-то с внешним миром...

* * *

– Ты сколько насчитал? – спросил Банда Вострякова.

– Сейчас. Трое приехали в машине. На яхте – четверо. Один из тех, кто был на яхте, погнал "БМВ" в город. Значит, теперь их шестеро.

– И седьмая – Алина... Мне показалось, что она еле передвигала ноги.

– Посмотрел бы я на тебя на ее месте. Столько суток взаперти, и неизвестно даже, кормили ли ее...

– Сволочи!

– Банда, давай-ка лучше подумаем, что делать дальше. Мне кажется, что до темноты они вряд ли двинутся, зачем им

иметь проблемы с пограничниками или таможенниками...

– А вдруг? Нет, Олежка, ждать нельзя... Слушай меня. Борт яхты невысокий, и я смогу забраться из воды на корму.

– Допустим. А те две гориллы, расхаживающие вдоль бортов? Мне почему-то кажется, что "пушки" у них под рукой.

– А их отвлечешь ты.

– Ну, это запросто, – и Востряков, достав из спортивной сумки "Смит – Вессон", передернул его затвор...

* * *

Олег внимательно следил глазами за маленькой отсюда, сверху, фигуркой Банды, старательно обогнувшей три или четыре причала и только тогда спрыгнувшей в воду.

"Молодец, Банда. Не торопись, лучше издалека подплыть", – подумал Олег, одобряя действия друга, и стал осторожно спускаться вниз, поближе к причалу, у которого пришвартовалась яхта иранцев...

Отсюда, снизу, Бондаровича он не видел совсем.

Его заслоняли многочисленные лодочки и катера, заполнявшие бухту, и Востряков мог ориентироваться только по времени, приблизительно рассчитав, сколько минут потребуется Банде, чтобы подплыть незаметно под корму яхты.

Выждав, Олег начал потихоньку пробираться вдоль причала, прячась за подворачивавшимися по дороге ящиками. Когда до яхты оставалось метров пятьдесят, Олег вытащил

из кармана фанату, выдернул чеку и, размахнувшись, швырнул ее к самой яхте, чуть-чуть не добросив до борта.

Взрыв потряс тишину бухты, и тотчас же отозвались автоматы, невесть откуда взявшиеся в руках у сторожей иранской яхты.

Банда ухватился за борт и, сильно рванувшись из воды, оказался на корме, прикрытый от бандитов канатным ящиком. Он замер на мгновение, пытаясь определить, не заметили ли его бандиты, но, убедившись, что по его позиции огонь никто не ведет, осторожно выглянул, оценивая обстановку.

Бой шел между Востряковым, здорово устроившимся за кучей ящиков, и иранской охраной. Один из сторожей уже лежал без движения, то ли пораженный осколками брошенной Олегом гранаты, то ли подстреленный им.

Олег стрелял с обеих рук, резко высовываясь над ящиками и паля из пистолетов до тех пор, пока не кончались обоймы, а затем снова нырял за, спасительное укрытие.

Банда выглянул как раз в тот момент, когда Востряков утихомирил еще одного иранца, и дал длинную очередь по защищавшимся, неожиданно веером сыпанув пули из чрезвычайно скорострельного "микро-узи" с тыла противника. Несколько свинцовых подарочков прошило спину еще одного бородача, и троим оставшимся пришлось резко перестраиваться, переключая свое внимание теперь уже и на Банду.

"Узи" в руках Сашки замолчал буквально через несколько секунд – магазин был уже пуст, и парню снова пришлось

нырнуть за канатный ящик, чтобы заменить обойму.

Он переполз немного левее, чтобы не появиться на уже пристрелянном своем прежнем месте, но хитрость не помогла, и пули защелкали буквально у самой его головы – кто-то из иранцев теперь держал именно его, совершенно не обращая внимания на Вострякова. Зато другой, огромного роста араб, как краем глаза успел заметить Банда, прилаживал у плеча американскую винтовку "М-16" с подствольным гранатометом, целясь в Вострякова.

Все дальнейшее, как показалось Сашке, было словно в кино с замедленной съемкой.

Вот медленно-медленно рука высокого иранца оттягивает затвор гранатомета.

Сашка кричит, так же медленно, будто непослушной рукой, вытягивая из кармана гранату и зубами срывая чеку. Он слышит, как раздается хлопок гранатомета, и ему даже кажется, что он видит, как вылетает из подствольного устройства граната, устремляясь на причал. И в ту же секунду Банда бросает свою гранату в араба...

Два взрыва прогремели одновременно.

Араба взрыв гранаты подбросил высоко в воздух и швырнул за борт, в воду. Его сосед, получив несколько осколков в голову, заливаясь кровью, бездыханно привалился к рубке. Третий иранец, очевидно, контуженный, обхватил голову руками и страшно закричал, бросив оружие на палубу.

А второй взрыв взметнулся на том самом месте, где только

что прятался за ящиками Олежка, и теперь там вздымалась, постепенно оседая, туча огня и пыли...

Банда снова закричал. Закричал дико и страшно, как раненый зверь. Закричал так, что даже сам не услышал очереди из своего "узи", которой он прошел всех еще шевелящихся на палубе раненых иранцев.

Наверное, все было кончено, но Банда, снова перезарядив "узи", нырнул вниз, в глубину яхты, к каютам. Выбивая ногой одну дверь за другой, он обошел, казалось, уже все судно, но Алины нигде не нашел. И лишь в самом конце коридора, в маленькой каморке в носовом отсеке, он нашел ее.

* * *

Сначала, когда где-то рядом неожиданно грохнул взрыв и на палубе тут же загрели выстрелы, Алина очень испугалась не в силах понять, что происходит. Она упала на пристегнутую к стенке ее каморки койку, закрыв уши руками, чтобы не слышать этих страшных звуков боя.

Но вдруг в голове ее пронеслась мысль: "А что, если это за мной?.. Враги иранцев – мои друзья..."

Неужели спасение?"

Алина вскочила, бросившись к двери, и изо всех сил заколотила в нее ногами и руками, призывая на помощь своих спасителей...

Надежда на спасение оказалась такой неожиданной и та-

кой желанной, что Алина не выдержала вмиг возникшего напряжения и упала, потеряв сознание, прямо у двери...

* * *

Она лежала у двери и не подавала признаков жизни.

– Алинуншка, девочка моя! Любимая!.. Алина, что с тобой? – Банда подхватил девушку на руки, устремляясь по трапу наверх, на палубу.

Свежий воздух и морской ветер сделали свое дело, и девушка вдруг открыла глаза, с удивлением оглядываясь вокруг.

Она увидела, что ее несет на руках Сашка, и... снова зазмурилась, не поверив собственным глазам. А потом, когда снова открыла их, обвила шею Банды руками, плача и смеясь.

– Сашенька, милый!.. Любимый мой! Я знала!

Я знала, что ты спасешь меня! Не могло быть иначе...

* * *

Банда с Алиной сидели в приемной российского консула в Варне, ожидая его появления.

Они только что приехали в консульство, справедливо полагая, что здесь можно будет найти если не поддержку, то

хотя бы понимание. Когда там, в бухте, сидя у трупa Олега, Банда вдруг услышал приближающийся вой полицейских сирен, он огляделся и отчетливо понял – из Болгарии его так просто не выпустят. Властям просто придется повесить на кого-то семь трупов, найти козла отпущения. И единственный претендент на место козла, единственный, кто остался жив, – это он, Банда.

И тогда, закрыв Олежке глаза и шепнув ему последнее "прости", Банда швырнул "узи" с отпечатками своих пальцев в море и, взяв Алину за руку, устремился в город. Он почему-то был уверен, что в Варне есть российское консульство...

– Я вас слушаю, молодые люди, – вывел Банду из оцепенения чей-то голос.

Сашка поднял глаза. Седеющий полноватый мужчина в безупречном костюме и галстукe стоял перед ними, холодно и бесстрастно их рассматривая.

– Вы – консул?

– Да. Чем могу быть полезен?

– Эта девушка была похищена в Москве иранскими боевиками. Она – дочь генерала, крупного ученого. Этим делом занимается ФСБ. Мне кажется, вам стоит сообщить в Москву о том, что она на свободе и находится здесь, у вас, в нашем консульстве.

– Подождите, я что-то ничего не пойму... – консул оказался явно не готов к таким страстям. – Какие боевики? При чем тут безопасность?

– Вы позвоните только. А там разберутся.

– Ваша фамилия?

– Пишите – Большакова. ФСБ ищет именно ее. А моя – Бондарович, хотя она вряд ли что-нибудь им скажет.

– Ну дела!..

* * *

Уже через два часа в консульство приехал второй секретарь российского посольства в Болгарии.

Молодой еще человек, занимавший эту издавна кэгэбистскую должность, подробно спрашивал Алину и Банду обо всех их приключениях, включив диктофон, а потом лично отвез их в порт, препроводив на маленький скоростной катер Военно-Морских сил России.

– Вас доставят на тот берег, в Севастополь, – сказал он им на прощание. – Там вас встретят наши люди. Можете больше ни о чем не бест покоится – теперь вы под надежной охраной, в надежных руках...

* * *

Еще до захода солнца они были на месте.

Правда, Банда насторожился, когда катер, огибая сева-стопольские причалы и военно-морские базы, зашел в ма-

ленькую совершенно необитаемую бухту. Полуразрушенный пирс, сумерки, трое встречающих в одинаковых черных костюмах и черная же "Волга" – все это произвело на Банду довольно неприятное, мрачное и гнетущее впечатление.

Еще более странным показалось Банде то, что катер, высадив их на пирс, тут же дал задний ход, устремляясь в открытое море, как будто торопясь поскорее исчезнуть, не стать свидетелем чего-то ужасно тайного...

– Здравствуйте. Это вы – Большакова Алина Владимировна? – по-казенному строго встретил их вопросом тот из тройки, что был постарше, видимо, начальник этой команды.

– Я...

– Проводите девушку в машину, – обратился он к своим подчиненным, а сам обернулся к Банде:

– Бондарович?

– Он самый.

– Давай пройдемся... Ты, наверное, действительно хороший парень и неплохой боец...

Они медленно, словно прогуливаясь, брели по пирсу, шагов на пять отстав от Алины с остальными гэбистами.

– Наверное, – Банде не хотелось продолжать этот непонятный разговор. Ему вообще не хотелось разговаривать. Он хотел быстрее остаться с Алиной наедине, чтобы молча вспомнить так глупо погибшего Олежку, лучшего друга. Погибшего, по существу, из-за его, Банды, нерасторопности. Ведь это он, Банда, чуть-чуть не успел "снять" того проклятого иран-

ца! Олег погиб, пройдя огонь Афгана, в солнечной и мирной Болгарии... А этот придурок идет рядом и зудит о такой ерунде!

– Понимаешь, парень, мне, конечно, очень жаль. Но ты должен меня понять. Я ведь солдат, а солдаты вынуждены просто выполнять приказы, не обсуждая их. И не осуждая командиров. Пойми, я этого не хотел, – он остановился, и Банда тоже замедлил шаг.

– Нет, я что-то ничего не понимаю.

– Ты, парень, влез в слишком опасную игру. Ты вышел из нее как будто победителем, ноты не нужен нам в качестве победителя. Понимаешь?

– То есть...

– Лавры пожнут другие. Дочь вернется к отцу, отец будет работать там, где это потребуется в интересах России, а ты, Бондарович, к сожалению, становишься лишним. Ты не входишь в эту схему, парень... – он потянулся рукой во внутренний карман пиджака, и в ту же секунду до Банды наконец дошло, что происходит.

Сашка резко ударил мужика в лицо, и тот, теряя равновесие, взмахнул обеими руками. В правой у него уже был зажат пистолет с намертво вкрученным на ствол глушителем. Не теряя ни секунды, ударом ноги в грудь Банда сбросил его с пирса в море и в три прыжка настиг уходивших с Алиной кэгэбистов.

– Ах вы, гады!

Они резко обернулись на всплеск воды, и именно в этот

момент на них налетел Банда. Первый последовал за своим начальником, но второй успел все-таки выстрелить, и Банда, перед тем как отправить его в нокаут, почувствовал, как вонзилось что-то горячее в левую руку чуть ниже плеча, сразу разливая по телу волны жара и боли. Рука тут же перестала его слушаться, но слава Богу, что доказывать свою правоту более было некому.

Алина так ничего и не поняла. Она удивленно смотрела на Банду, и вдруг ужас отразился на ее лице:

– Саша, ты ранен?

– Ерунда, до нашей свадьбы заживет, – попробовал отшутиться Банда, но заметив, что сброшенные в воду сотрудники безопасности резко и быстро плывут к берегу, заторопился. Он схватил Алину за руку, бросившись к "Волге".

– Алина, скорее!

– За что они в тебя стреляли?

– Долгая история. Я – лишний.

– Как это?

– Так бывает, оказывается, – устало выдохнул Банда, тяжело опускаясь на сиденье водителя.

* * *

Они неслись по ночному шоссе, подальше от моря, подальше от Севастополя, подальше от той страшной бухты. Подальше от всех своих бед и приключений.

Банда, притормозив, пытался остановить кровотечение, накладывая жгут чуть повыше раны.

– Давай помогу! – попыталась дотянуться до раны Али-на. – Черт, не достаю...

– Ничего, я сам.

– А куда мы едем, Саша?

– Куда? – он улыбнулся одними глазами, зубами потуже затягивая жгут. – Домой, Алинушка. Домой!..